

16+

Классика

Классика

Сюжет три женщины после женской победы воспитательницей девушки
и Терроризма женщины одна убийца, каждая из которых стала только женщиной
какая-либо женщина. В мире она есть одна черта - женщина женщина та,
она может оставаться в своей жизни.
Возможно, это будет одна женщина, которая будет одна женщина.

Сначала погибла Хейли. Сгорела заживо на глазах у лучшей подруги.

Потом, на вечеринке, гибель настигла первую жертву. А после начали приходить подозрительные сообщения, поступать звонки, от которых бросает в дрожь. И происходит совсем невероятные вещи, не поддающиеся никаким разумным объяснениям...

Что делать, если люди вокруг тебя умирают? Стоит ли твоим друзьям бояться тебя? И как же прервать череду убийств, если нет никакого убийцы, а есть тот, кто всё это притягивает, — Магнит?...

ГЛАВА 1. МЁРТВЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему.

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Шарлотта

Ненавижу физику. Терпеть не могу, правда. Химия куда интереснее.

А Томас все задачки как орешки щёлкает. И мне ему остаётся лишь завидовать, ну и списывать, разумеется.

— Боунс, ты хоть когда-нибудь научишься сама решать по формулам? — недовольно проворчал он, просовывая бумажку с ответами в мою ладонь. Я усмехнулась.

— Только если Луна упадёт на Землю.

— Но это невозможно!

— Так же, как и моя дружба с физикой. Не-воз-мож-но.

Он закатил глаза и отвернулся, что-то усердно черкая в своей тетрадке.

Я развернула бумажку и принялась изучать неказистый почерк друга, параллельно следя за мистером Мэденом. Кажется, он опять уснул. Всё время удивляюсь, что он до сих пор работает в школе. Как по мне, то он уже давным-давно вступил в тот возраст, когда надо сидеть в кресле-качалке и рассказывать байки про прошлые поколения. На самом деле, он мало чем отличается от такого стереотипа пожилого человека. Разве что он рассказывает байки нам, на уроках, а ещё предпочитает сидению в кресле утренние пробежки. Правда, похоже, на пользу они ему не идут — заканчивается только первый урок, а он уже поник головой, даже не успев рассказать нам, чем люди отличаются от коров, а без этого нравоучения не обходился ни один наш урок. Конечно, звучит это со стороны, наверное, странно, но всё так и есть. Люди — те же, цитирую, скоты, только человек создан по божественному подобию, стремится менять и совершенствовать мир. Серьёзно, если бы к нам на урок пришёл кто-то посторонний, он бы мог подумать, что мистер Мэден сошёл с ума, или же он — религиозный фанатик. Который отрицает свою причастность к какой-либо церкви.

И, конечно, вследствие вот такого обучения любовь к физике родиться никак не могла. У неё, бедняжки, нет никаких шансов.

Спасибо Томасу, который всегда придёт на помощь. Правда, он мой должник — всё-таки он не может учить без меня ни химию, ни алгебру, а я обошлась одним предметом. Любовь к биологии мы разделяем, так что этот урок не в счёт.

Даже не верится, что Томаса я знаю уже пять лет. Сначала он казался мне каким-то странным интровертом, а потом выяснилось, что он тот ещё балбес и разгильдяй. Конечно, одно другому не мешает, но в данном случае здесь можно поставить полное противопоставление. После школы он рубится в видеоигры, совершенно не заботясь о домашней работе. Что-то делает в школе, на что-то ему вообще плевать хотелось. Что-то, разумеется, у меня списывает. А так он классный. С ним, по крайней мере, не скучно.

И то, что он обожает физику и биологию, для меня было настоящим открытием. Я и подумать не могла, что этого человека может интересовать что-либо, помимо виртуальной стрельбы и гонок.

Наконец, мистер Мэден выбрался из объятий сна. Не сам, конечно. Если бы Билли не поспешил сдавать работу, тот бы, наверное, до следующего урока так и сидел. Билли умом вообще особо не блещет, но быстрый, как молния. Томаса он знает ещё дольше, чем я, но оно и понятно: всё-таки я пришла в эту школу не с самого начала, в отличие от них. Говорят, когда им было лет по десять, они разбили окно в кабинете тогда ещё не изучаемой ими географии, чем ужасно рассердили учительницу. Сейчас это звучит смешно и нелепо, но тогда это было настоящей трагикомедией.

На самом деле, Билли на Томаса очень похож. Даже внешне. Один раз мы гуляли ещё с парой ребят, и прохожие думали, что они братья. И, с одной стороны, это хорошо, а с другой, шуму они делают в два раза больше.

Но волосы у Билли всё же светлее.

— А какое сегодня число? — вдруг спрашивает кто-то у мистера Мэдена. Тот лениво посмотрел на календарь, однако мой мозг среагировал быстрее.

И я ужаснулась.

Завтра — День рождения моей лучшей подруги.

Моей мёртвой лучшей подруги.

***

В тот день, вернее, уже вечером, Хейли снова позвонила мне и попросила сказать её родителям, что она ночует у меня. Однако моё терпение уже лопнуло. Я понятия не имела, где она пропадала по ночам каждые два-три дня, но честно покрывала её. Лучшие подруги, как ни крути.

Как это глупо ни звучит, но я, ни на секунду не задумываясь, тут же набрала номер Джейка, её парня. Но это ведь действительно лучше, чем если бы я заявила к нему домой и застала их за чёрт знает чем. Однако к моему глубокому потрясению, тот тоже был в неведении. Узнав, что мои родители на этой неделе были в отъезде, предоставив меня самой себе (они мне очень доверяют, считая меня образцовым примером для остальных моих сверстников), он сказал, что скоро приедет, чтобы присоединиться к поискам. Благо, все в нашем городке знают, кто где живёт.

Возможно, мы оба не так сильно бы волновались, если бы от её дома нельзя было бы быстро добраться до леса, причём по той же дороге, которая вела в мой дом. Глупо, конечно, по ночам кататься в лес, но на Хейли, которая с детства обожала истории в духе "Гензель и Гретель", это было похоже. С помощью специальной программы мы выследили местоположение её мобильного, с которым она расставалась очень редко. И наши худшие ожидания оправдались: она была в лесу.

Я, разумеется, не верила в то, что там водятся какие-нибудь чудовища, но, даже несмотря на это, ночью туда переться было, мягко говоря, не по себе. Да и что она там могла делать? Не ходила же она по грибы каждую ночь. А я была уверена, что именно в лесу она проводила предыдущие ночи.

— Лотти, возьми уже себя в руки! — как можно увереннее сказал Джейк, заводя свою машину.

— Лотти? — возмущённо переспросила я, застёгивая ремень безопасности. — Ты что, издеваешься? Если тебе и вздумалось сократить моё имя, то будь добр называть меня Чарли!

Джейк промолчал. Мы с ним обычно не общались, максимум перекидывались приветствиями. Но сейчас обстоятельства вынуждали нас провести бок о бок достаточное количество времени. Во всяком случае, я чувствовала, что на поиски может уйти не один

час.

Вся ситуация казалось мне смешной до невозможности. С одной стороны, я понимала, как всё это бредово выглядит, но, с другой, хотелось помочь подруге. Даже если помощь не особо требовалась.

Сейчас, пропуская те события через призму прошлого, мне и невыносимо грустно, и смешно одновременно. Только это смех сквозь слёзы.

Дорога, к моему великому счастью, заняла немного времени. На том месте рядом с Джейком я чувствовала себя не то чтобы неловко, но находиться мне там было не слишком приятно. Он постоянно ёрзал и чертыхался, барабаня пальцами по рулю, а я сидела, уставившись в какую-то неопределённую точку и думала. Уже даже не припомню, о чём.

Суть в том, что я не знала, что всё закончится именно так. И если бы кто-то мне сказал об этом перед тем, как я залезла в автомобиль, отправившись навстречу "приключениям", я бы покрутила пальцем у виска. И всё равно бы поехала в этот треклятый лес. Потому что я хотела спасти подругу. Но я даже не представляла, что меня ждёт.

Снабдившись фонариками, мы вышли из автомобиля и отправились в лес. Джейку явно хотелось побыстрее покончить с этим. Он торопился, даже забыл сначала запереть машину. Конечно, он мог и волноваться, но мне слабо в это верилось. Он никогда не вызывал у меня доверия. Да он даже с нами не учился. Хейли познакомилась с ним в кафе «Мисс Фриволус», и не распространялась ни о роде его деятельности, ни о чём-либо другом. Мне он никогда не нравился. Я пыталась убедить её, что он мог быть не тем, за кого себя выдавал, но она меня, естественно, не слушала. Влюблённые прислушиваются лишь к своим наивным сердцам, которые очень часто ошибаются. Достучаться до таких людей, уж поверьте мне, чрезвычайно сложно. И Хейли — не исключение. До сих пор не могу понять, как она могла так ослепнуть от мнимой любви. Хотя, быть может, у них действительно всё было серьёзно. Мне уже никогда не удастся этого узнать.

— Я думаю, нам стоит разделиться, — неуверенно проговорил Джейк, перекладывая фонарик из руки в руку.

— Ты свихнулся? — остановившись, поинтересовалась я, хоть мне и так был известен ответ. — В фильмах после таких слов ничего хорошего обычно не происходит!

— Ну так мы же не в фильме, — отмахнулся он. — Это жизнь.

— Спасибо, успокоил.

Ещё немного потоптавшись, он что-то неясно промямлил и вдруг сорвался с места и побежал в глубь чащи. Я попыталась окликнуть его, но тот и ужом не повёл. А потому мне пришлось бежать за ним.

А бегал он действительно быстро. Может, Хейли просто любила бегунов? Просто никогда об этом не рассказывала. У всех же есть свои тайны, порою глупые, а порой опасные. Для всех.

— Джейк, подожди! — крикнула я, но только потом до меня дошло, что его и след простыл. Его действительно не было видно.

Конечно, его отсутствие меня не особо разочаровывало, но... уж как-то слишком быстро он исчез.

Под ногами скрипнула сухая ветка, по телу пробежала мурашки. Покрепче сжав в руке фонарик, я продолжила свой путь навстречу неизвестности.

Спокойно, Чарли, успокойся.

Я успокаивала себя, потому что я боялась. Боялась, что не найду Хейли. Боялась, что

заблужусь. Боялась, что увижу Хейли за каким-то занятием, которое мне придётся не по нраву. Даже боялась предположить, за каким. Она с лёгкостью могла паковать тушки зайчиков, и так же легко её можно было бы застать за охмурением лесников. Но были ли в нашем лесу лесники? Об этом я как-то не задумывалась. Да и идею эту я предпочла при Джейке не высказывать. Мало ли, вдруг он мог посчитать, что мои слова — правда, а не предположение? И что они имеют под собой веское обоснование?

Ухнул филин. И я даже не успела удивиться этому факту. Какие у нас, в Тэррифилде, филины? Разве что фантомные. И плюшевые. Я вроде видела таких в одном магазинчике, только они были маленькие и почему-то синие. И, наверное, это всё же были совята.

А после я уже удивлялась, откуда этот филин взялся. Как и всё остальное, что мне довелось лицезреть в этом чёртовом лесу.

Пройдя ещё пару сотен метров, я остановилась и прислушалась. Откуда-то раздавался странный шорох и сухое потрескивание. Я огляделась. Отодвинув ветвь, богатую шершавыми и колючими листьями, я увидела свет, разливавшийся от скрытой за деревьями полянки. Там был разведён костёр, и у костра были люди.

Подойдя ближе, я пригнулась и спряталась в тени кустов. С этой позиции я могла и видеть людей, и слышать, что те говорили.

— Обряд должен начинаться, — сказал резкий женский голос. — Нет больше времени ждать.

— Ждать и не придётся, — ответил мужской голос. — Ты ведь готова, Хейли?

Внутри меня всё похолодело.

Хейли.

Хейли была заодно с этими людьми, которые собрались проводить какой-то идиотский обряд у костра. А может, они её захватили силой. Я не знала, что там происходило, но подсознание подсказывало мне, что уж точно ничего хорошего произойти не могло.

— Конечно, — звонко сказала Хейли, и моё сердце ушло в пятки, если не дальше. Раз она отвечала так уверенно, то её вряд ли заставляли. Создавалось ощущение, что ей нравилось то, что она собиралась делать.

Как я уже успела сказать, она с лёгкостью могла паковать тушки зайчиков. И сейчас я очень надеялась, что на этом костре должны были поджарить каких-нибудь зайцев, а не людей, при всей моей любви к животным. Но мне действительно было бы легче, если бы я узнала, что ни одна живая душа при проведении этих шаманских плясок не пострадала.

О, как жаль, что я ошибалась.

— Хейли, круг создаём на счёт три, — сообщил мужчина. На миг он развернулся, и я попыталась разглядеть его лицо, но... не получилось. Что-то мешало, будто пелена вставала перед глазами, не давая уловить черты лица незнакомца. Я тут же протёрла их кулаками, но тот уже вновь повернулся ко мне спиной, накинув на голову капюшон.

Какой ещё круг? — думала я, пытаюсь собрать нахлынувшие мысли воедино. Хейли, моя глупышка Хейли, помешанная на платьях и косметике, Хейли, ненавидящая фэнтези, принимала участие в чём-то явно выходящем за рамки нормального. Хотя я и не верила во всякие паранормальные штучки, интуиция подсказывала мне, что здесь всё было связано именно с этими мистическими силами. Может, сил таковых и не было, а были лишь выдумки людей...

А потом я поняла, что ошибалась и здесь.

Люди окружили костёр и взялись за руки. Грубая мужская ладонь крепко сжала

маленькую ладошку Хейли. Клянусь, мне казалось, что в этот момент она улыбалась. Наслаждалась. Готова была растаять в происходящем. Звучит, конечно, безумно, но Хейли была девушкой, которая погружалась в любимые занятия с головой, какими бы странными они не были. Однажды она притащила домой жабу и хотела посмотреть на неё из-под микроскопа. Правда, ничего у неё не получилось — убивать животное ради каких-то дурацких экспериментов никому не хотелось. Да и сама она на это не решалась.

Когда я приехала в Тэррифилд, Хейли стала первым человеком, с которым я тут познакомилась. Она была солнцем, которое осветило пасмурный день и дало надежду на счастливую жизнь в новом городе.

А теперь моё солнце зашло, и больше оно не взойдёт. Никогда.

— Раз, — громко сказал мужчина. Возникло ощущение, будто костёр запылал ярче. Но это же что-то невозможное, — думала я. И пыталась убедить себя, что это — просто какое-то сборище помешанных, в которое входила Хейли. Да, последний факт мне покоя не давал.

— Два, — вновь раздался этот голос, уже успевший стать для меня ненавистным.

Под моими ногами дрогнула земля, и я невольно пригнулась.

И тут я вспомнила про Джейка. Где он был тогда? Почему он не набрёл на эту полянку, не нашёл Хейли, меня?

А потом я поняла, что когда раздастся роковое "три" произойдёт что-то, чего уже нельзя будет изменить. Я просто чувствовала это всем сердцем, или чем там люди чувствуют. У некоторых в груди явно что-то тверже бьётся, а у остальных не бьётся вовсе.

Внезапно хрустнула веточка. Я испуганно оглянулась, но тут до меня дошло, что это я сжала сучок кустика в ладони. Не было времени думать, почему я вдруг превратилась в Халка. Не было времени даже сделать лишний вдох.

И я закричала одновременно с громогласным "три".

— Хейли!

Она обернулась и, к моему удивлению, вырвалась из круга, бросившись ко мне. Я встала и сделала шаг навстречу, но тут Хейли воскликнула:

— Чарли, не двигайся!

Но оказалось слишком поздно.

Я почувствовала, как что-то невидимое оттолкнуло меня, и я полетела назад. Хейли стукнулась об незримую стену и начала бить по ней ладошами. Она кричала моё имя.

Последним словом, которое она произнесла, было моё имя.

А потом вспыхнул пожар.

***

— Вечеринку закатим вечером. Она ж где-то около полуночи родилась, верно?

Тяжело вздохнув, я кивнула. Всё правильно, Хейли Энн Коллинз удосужилась появиться на белый свет почти семнадцать через несколько минут после наступления полуночи. И вот уже три месяца мы живём без неё. На самом деле, это оказалось проще, чем я думала. Вместе потери переживать легче, чем порознь.

А теперь Сидни хочет отметить День Рождения нашей любимой подруги, которая продолжает жить в наших сердцах. Я ещё не до конца поняла, как к этой идее относиться. С одной стороны, это здорово. Если мы празднуем, значит, мы помним её и продолжаем любить. Но с другой, это немного странно. Отмечать день рождения мёртвой — согласитесь, звучит не ахти.

— Да ты не раскисай! — громким шёпотом сказала она, отложив автоматическую

ручку.

— Я тебе что, молоко, чтобы киснуть? — таким же голосом ответила я. К слову, сейчас мы должны были решать заданные на дом задачки по алгебре, но вместо этого сидим в общей комнате с другими нашими ровесниками за круглым столиком в углу и треплемся. Но необходимо соблюдать осторожность — если в "1984" за тобой следит Старший Брат, то здесь может достаться от учителей, а это не есть хорошо.

Сидни вновь начала грызть ручку. Дурная привычка? Наверное. Когда она нервничает, она постоянно что-то грызёт. Карандаш ли, крендельки ли — не важно. А что самое главное, это ничуть не вредит её фигуре. Да, Сидни действительно похожа на куклу Барби. Невысокого роста, с длинными светлыми волосами. Год назад она опустила чёлку, что только приукрасило её внешность. Да парни б ей проходу не давали, если бы она против не была.

Что тут говорить, обыкновенная идеальная девушка, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала. Но кажется, что и у неё есть стороны, которые она предпочитает скрывать за всей этой яркой мишурой. Что-то прячется в её больших и грустных карих глазах. Жаль, что я никак не могу разглядеть, что.

— И кого ты пригласила? — спрашиваю я.

— Ну, Томаса, конечно, в первую очередь. Потом Лексу ещё, Бриджет...

— Бриджет?! — поперхнулась я от удивления.

— Ну а что такого? Пусть повеселится, — Сидни чуть дёрнула плечом и продолжила: — Ах да, Билли. Как же я смогла забыть про Билли.

— Не пригласила?

— Пригласила, успокойся.

О да. Вот уж действительно повод для успокоения. Берегитесь, Билли Старк надвигается на вечеринку!

— Ещё Джо Митчелла, — добавила она с многозначительным видом.

— А он тут ещё при чём?

— Ты серьёзно? Он же в третьем классе Хейли розу подарил!

— Да уж, веский аргумент, — чуть не прыснув со смеху, сказала я. — А почему я не помню?

— Наверное, ты болела, — задумчиво ответила подруга. — Точно, это, наверное, было после того, как Томас тебя мороженым накормил.

— Томас? Меня? Сидни, да ты издеваешься, — хихикнув, заявила я.

— Отнюдь нет, — бросила она, закрыв тетрадь.

— Подожди, так у нас будет вечер в такой маленькой компании? — поинтересовалась я, припомнив все названные Сидни имена.

— Конечно, нет. Тема вечеринки, безусловно, День Рождения Хейли, но каждый обязательно притащит с собой пару человек, которые поведутся на бесплатную выпивку, — увидев, как широко распахнулись мои глаза, Сидни тут же сказала: — А чего ты хотела? Надо веселиться, подруга! Да и грустить порою лучше с бутылкой.

— Особенно в семнадцать лет, — буркнула я.

— Особенно в семнадцать лет. — подтвердила она. — Чарли, что с тобой? На тебя накнулись дурные мысли?

— Просто в голове не укладывается, что Хейли погибла из-за меня.

— Вот уж кого время не лечит, так это нашу Шарлотту, — Сидни театрально вздохнула

и приобняла меня за плечи. — Расслабься, Чарли. Живи сейчас. В тот день погибла она, а не ты. Она хотела, чтобы ты жила. Вот и исполняй её последнюю просьбу.

Я благодарно улыбнулась. Сидни, конечно, бывает той ещё стервой, но она действительно умеет поддержать. И я ценю её за это.

— Во сколько ты всех собираешь?

Она поморщилась, раздумывая над ответом.

— В десять вечера, — наконец сказала она и растянула губы в улыбке. Да, ей было позволено многое. С богатыми родителями, которые вообще редко бывали дома, ещё не такое возможно. Мои, конечно, тоже домоседством не отличались, но у Сидни было больше свободы. Намного больше. По крайней мере, никто не беспокоился, что кто-то из гостей ненароком разобьёт драгоценную вазу со старинными рисунками.

— Мисс Боунс, мисс Грин! — раздался громкий голос. Учительница математики, как же без неё. Сделав невинное личико, Сидни встала из-за стола и, захватив тетрадки и едва заметно поманив меня рукой, устремилась к выходу из комнаты.

***

— Бриджет? Серьёзно?

— Вот и у меня такая же реакция была.

Томас подавил смешок и укоризненно посмотрел на Сидни.

— Да что она вам сделала? — удивленно спросила та.

— Да ничего, Сид, абсолютно ничего... Доложит ещё потом, что мы там запрещённые напитки распивали.

— Запрещённые напитки? — Теперь настала моя очередь удивляться.

— Шучу я, шучу, — успокоил меня друг.

— В каждой шутке есть доля правды, — подмигнув, сообщила Сидни.

— Сид! — возмущённо подал голос Томас, и та, закатив глаза, отвернулась.

Мы дружили вот так уже не первый год. Я, Сидни, Хейли, Томас и Билли. Дружная компания. Теперь — я, Сидни, Томас и Билли. Не менее дружная компания, которой довелось пережить гибель подруги. Мы общаемся и с другими ребятами, с Лексой, к примеру. Лекса — классная девчонка, заводная такая. Джо какой-то мутный, но уж точно лучше Бриджет, которая только и делает, что ревет в туалете. А ещё её выворачивает от вида крови. Но, что удивительно, она тоже может поддержать наши беседы. Иногда.

Ещё есть Кейси и Ал. Они брат с сестрой, двойняшки, и всё время ходят вместе, будто верёвкой связаны. Внешне они хоть и похожи, но пару раз их принимали за двух влюблённых. У обоих волосы светлые, короткие, кудрявые, носы вздёрнутые. И эти ямочки на щеках.

И с ними, словно хвостик, таскается Тобиас постоянно. Он за два года вымахал так, как я, наверное, за пять, и теперь хочет стать баскетболистом.

И да, все они, как мне кажется, сегодня осчастливят нашу вечеринку своим присутствием. Ещё кого-нибудь из своих знакомых приведут, как же без этого.

Словом, вечер нас ждал весёлый.

— А Джо нам зачем на этом празднике жизни?

— Ты хоть сам понял, как это глупо прозвучало? Какой к чёрту праздник жизни? — возмутилась Сидни, глядя на Томаса. Да уж, это, скорее, должны были быть весёлые поминки. Если такое вообще возможно.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Она вздохнула.

— Во втором или третьем классе он подарил ей розу и всё время за ней ходил, как привязанный. Может, она ему приворотное зелье подмешала? Уж слишком странно это выглядело.

— Сидни, ты серьёзно? — подавив смешок, спросил Томас. — По-твоему это причина?

— А почему нет?

— Действительно, почему бы и нет? — встряла я в разговор. — Давай ещё вспомним, кто за неё стул задвигал, когда она уходила из столовой!

Правда, наверняка это делала уборщица, подумала я, но вслух не сказала.

Томас облокотился на кухонный стол, сложив руки. Кухонька у Сидни была ничего себе такая. Лекса бы сказала, богатенькая. А я просто промолчу. Не фанат я чужую роскошь обсуждать. Сид не гордилась своим... происхождением, никогда не зазнавалась пред нами. Мол, ну есть и есть. Зато у неё получались самые лучшие вечеринки. Как вы понимаете, уже за это её стоит ценить.

***

Назначенное время подкралось незаметно. Первым пришёл Билли. Ну, не считая нас, конечно. Кейси и Ал, как и ожидалось, привели с собой ватагу других ребят со школы. Ну и Тобиаса. Бриджет явилась, напялив на себя дурацкий ободок с ушами Микки Мауса и розовый пиджачок с чёрной юбкой. И Джо пришёл.

Лекса выглядела потрясающе. Хейли бы оценила её прикид. Это коротенькое чёрное платье со стразами было ей к лицу, как на неё сшили.

Сидни сочинила вступительную речь. "В этот день мы собрались здесь, чтобы отметить День рождения..." и всё такое. В микрофон зачитала, перед публикой. У нас даже минута молчания была.

Потом мы пошли играть в "правду или действие", оставив остальных гостей развлекаться. Билли, Томас, я, Сидни, Лекса — мы сели в круг, запасшись конфетками. Ведущим выбрали Билли.

Томас, не задумываясь, выбрал действие. Встал на руки и прокукарекал. Да, глупое задание, но другого от Билли по отношению к Томми ждать нельзя было.

Теперь наступила моя очередь. Билли почесал затылок, будто раздумывая, чем бы меня огорошить.

— Правда или действие? — спросил он. Немного поколебавшись, я ответила:

— Правда.

Старк ухмыльнулся, отправив в рот очередную карамельку.

— Ты целовалась с Хейли? — вдруг поинтересовался он. Наверное, моё лицо в этот момент стало хуже, чем пунцовым.

— Что? — переспросила я. — Мы с Хейли были подругами, и...

— Точно ли лишь подругами? — Он подмигнул.

— Точно! — возмущённо воскликнула я. — Если у меня нет парня, то это не значит, что...

— ... что тебе нравилась Хейли, а теперь её нет? — закончила за меня фразу Сидни, но, увидев мою реакцию, тут же накинулась на Билли: — Ты идиот? Чарли не нравятся девушки!

— Насколько мне известно, я ей тоже не нравлюсь, — укоризненно сказал он.

— Это не показатель.

Сид немного помолчала, а потом добавила:

— В любом случае, если бы твои подозрения оказались правдой, я бы узнала об этом первой. Ведь так, Чарли?

Лекса тихонько захихикала. Томас вообще сидел и глядел в стену, иногда зевая — казалось, эта вечеринка уже успела ему наскучить.

— Не думаю, что Хейли бы оценила твои слова, Билли, — сказал наконец он, обратившись к другу. Я смущённо поджала губу.

Хейли нам действительно не хватало.

И вдруг свет погас. Сидни испуганно вскочила с места.

— Я пойду посмотрю, что случилось, — сообщила она и покинула комнату. Я встала и пошла за ней, надеясь, что Билли не продолжит свою бессмысленную дискуссию. Он любил из каждой ситуации делать пошлую. Или более пошлую, чем она была.

Включив фонарики на мобильных, мы пошли по коридору. В жоме стояла какая-то гнетущая тишина, чего мы никак не ожидали. Вечеринка всё-таки, громко должно быть, весело.

— Может, это чья-то глупая шутка? — предложила я. Сид передёрнула плечами.

— Она не просто глупая, Чарли, — сказала она. — Она идиотская.

Внезапно она взвизгнула и отшатнулась, чуть не повалив меня на пол. Я испуганно направила вперёд луч света.

— Это же просто шкаф, — сказала я с облегчением.

— Легче от этого не становится, поверь мне, — ответила Сидни, отряхивая платье.

Спустившись на первый этаж, мы заглянули в гостиную. Она пустовала. Все гости куда-то пропали, будто их и не было.

— Что за чёрт, — Сидни поморщилась. — Эй, ребят! Это не смешно! Ни капельки.

Но никто не ответил на наши возмущённые возгласы.

— Я пойду на парковку, там щитки расположены. Видимо, пробки выбило.

Я кивнула и проводила подругу взглядом.

Хотя оставаться в одиночестве было ой как не по себе.

Продвинувшись дальше по этажу, я направила свет на одну из стен. И часто заморгала, пытаясь удостовериться, что мои глаза меня не обманывают.

Сзади послышались шаги, и я быстро развернула голову.

— Что за чертовщина? — ошеломлённо спросила подошедшая ко мне Лекса. Видимо, так она ещё никогда не была напугана.

На стене кровью было написано одно слово: БЕГИТЕ.

И мы побежали.

***

— Я не ослышался? Вы оставили Сидни внизу?

— Она побежала на парковку ещё до того, как мы увидели надпись!

Билли схватился за голову. Новости его, как и всех остальных, отнюдь не радовали.

— Что теперь делать? Где вообще все остальные?

Я растерянно раздела руками. Никаких следов гости наши не оставили.

— Во всех фильмах это хорошо не заканчивалось, — сказал Томас. — Нельзя нам разделяться.

— Мы уже разделились, Томми, — трагичным голосом заявил Билли, похлопав друга по плечу. — Всё как в самых ужасных комедиях.

— Почему комедиях? По-твоему это смешно? — спросила я.

— Не знаю, мне всегда было смешно, когда кого-то убивали... извините. Нет, просто это всегда так снимают, что...

— Заткнись, — прервала его Лекса.

— Нет, представь себе, какому-то чуваку отрежут голову бензопилой...

— Я бы сказала, что лучше бы её отрезали тебе, но, извини, не время для шуток. Заткнись, Старк, и включи мозги.

— У меня вообще никаких идей нет по поводу того, что происходит. — Я сложила руки. От чего стало жутко холодно. Наверное, от страха. И неопределённости.

Мы вновь спустились на первый этаж, теперь уже вчетвером. Томас раздобыл настоящий фонарик, который был намного мощнее тех, которые можно было найти на наших телефонах. Впрочем, что без фонарика ничего ясно не было, что с ним.

— Это точно кровь, причём свежая, — сказал он, отсматривая надпись.

— А никому не кажется, что надо было бежать из здания? — поинтересовалась Лекса. — Может, убийца всё ещё здесь...

— Убийца? Кто сказал убийца? — встrepенулся Билли. — С чего ты вдруг решила, что есть какой-то убийца?

— Это всего лишь предположение. Вряд ли же это кровь какой-нибудь курицы.

Наступило молчание. Что правда, то правда. В то, что это кровь какого-то животного, верилось с трудом.

И тут тишину разрезал пронзительный крик.

— Это там, — тут же сообразила Лекса и метнулась к выходу из дома. Переглянувшись, мы кинулись за ней.

Недалеко от двери стояла рыжеволосая девушка. Уши Микки Мауса валялись рядом, на полу, позабытые и уже никому не нужные. Она смотрела в угол и отчаянно вопила. Что-то там действительно пугало её, и, вероятно, должно было напугать и нас...

— Бриджет, — окликнула я её, но она не отреагировала. Тогда я подбежала к ней, встряхнула за плечи, развернула к себе.

— Бри, очнись!

Затем я бросила взгляд туда, куда она смотрела до этого.

Джо Митчелл валялся, весь в крови, и остекленелыми глазами смотрел в потолок.

Джо Эндрю Митчелл определённо был мёртв.

ГЛАВА 2. МОЛИТВА

Входящие, оставьте упования.

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Сидни

Похороны состоялись через два дня. Дело закрыли, так ничего и не поняв. Из Джо будто просто всю кровь высосали и разлили вокруг. У него никаких повреждений даже не было! И никаких ранений!

И всё это случилось на моей вечеринке. Какая жалость.

Серьёзно, никто и подумать не мог, что всё так обернётся. Конечно, опасения были. Всё-таки отмечаем День рождения уже мёртвой Хейли, и, согласитесь, что-то в этом есть... Но не до такой же степени.

Бриджет потом рыдала. Как я поняла, они недавно начали встречаться, а потом — бац! — и вот такой вот сюрприз. Она сказала, что ненавидит меня, ведь, как я уже говорила, это случилось в моём доме. И вся вина лежит на мне.

Честно говоря, я так не считаю. Да, я до смерти перепугалась, когда в доме вырубился свет, но это же не повод нестись убивать каждого, кто под руку попадётся! Ещё и каким-то замурённым способом. Обычно убивают ножом, из пистолета... какой-нибудь косой, на крайний случай. Но тут...

Я такое себе и представить не могла. Хотя почему-то я не особо шокирована. Я же могла реветь в подушку, глотать какие-нибудь успокоительные таблетки, ещё что-нибудь в этом духе, но нет, так не произошло. Я прибежала через пару минут после того, как Томас, Чарли, Лекса и Билли нашли Бри и Джо. И те сначала обрадовались, увидев меня живой, но радость эта тут же прошла, когда мы вспомнили, что перед нами валяется труп нашего знакомого.

Полиция отнеслась к произошедшему странно. Сначала шериф не верил, что мы тут не причастны, но потом нам удалось его в этом убедить. Всё-таки выкачать всю кровь мы из бедняги не могли. Но нас всё равно допросили, всё до мельчайших деталей. И вечеринки закатывать запретили, минимум на месяц. Понимаете, как сильно меня это задело?

И, что самое удивительное, они посчитали этот случай интересным и стоящим расследования, а на следующий день словно забыли о нём. Весело, правда? Джо ушёл из жизни, Джо ушёл из памяти. Джо ушёл.

***

Школа. Не могу сказать, как я отношусь к этому чёртову месту. Ой, кажется, я уже проговорила. Шутка.

Никакая она не чёртова. По крайней мере, здесь, в отличие от моего дома, ещё пока никого не убивали. Наверное.

Я люблю школу так, как я люблю, например, маленькую кафешку на углу во-он той улицы, ведь в ней можно встретиться с друзьями, поболтать, поразвлекаться, потусить. Запретили закатывать вечеринки дома? Пора брать штурмом второй дом!

А если серьёзно, то это действительно правда. Не было б школы, не знала б я ни Томаса, ни Чарли, ни Билли. Никого из них. Даже Бри бы не знала. Очень сложно представить жизни без них. Да, я знаю, как это сопливо звучит. Я вообще личность не сентиментальная, но...

Ох, чёрт.

Поправив лямку рюкзака, я подошла к своему шкафчику. Рядом стоял Томас. Оно, конечно, неудивительно: его шкафчик находился рядом с моим. Вид у друга был весьма странный. Он смотрел перед собой, но в то же время будто сквозь предметы.

— Эй, Томми! — Я щёлкнула у него перед глазами пальцами, и он вздрогнул.

— Привет, Сидни, — сказал он, приходя в себя.

— Всё в порядке? Выглядишь не очень.

— О Джо всё думаю.

— Томас...

Я прикусила губу и положила ему руку на плечо.

— Не то, чтобы мне его шибко не хватает, но вся эта история... она довольно странная, не находишь? — Он почесал затылок. — Почему это случилось именно в тот день, когда мы решили устроить шумные поминки Хейли Коллинз?

— На что ты намекаешь? — непонимающе спросила я.

— Вспомни, как погибла Хейли. Я понимаю, там был только один свидетель, ведь её парень предпочёл поскорее смыться из города, но разве ты считаешь, что Шарлотта всю эту несуразицу сочинила?

Я пожала плечами.

— Кто знает. Хотя у Чарли фантазия на самом деле не ахти.

— Она не могла это придумать, Сид. Так изобразить испуг невозможно. Не помнишь разве, в каком она состоянии была?

— А вдруг Джейк убил Хейли, а потому и сбежал из Тэррифилда? — попыталась я предложить версию.

— А Шарлотте вколол какое-то вызывающее галлюцинации вещество?

— Почему нет?

Томас лишь махнул рукой.

— Да шучу я, — поспешила я его заверить.

Мимо прошла Бриджет. Она немного потаранилась на меня, потом резко развернулась и пошла дальше по коридору.

— Что это с ней? — спросил Томас.

— Ты до сих пор не в курсе? — удивилась я. — Оказывается, она встречалась с Джо, и теперь винит в случившемся меня. Думаю, не надо объяснять, почему.

— Погоди... — внезапно всполошился он, — что ты сказала? Она с ним встречалась?

— Ну да... Конечно, информация шокирует, и меня сначала шокировала, Бри красивая, но она же...

— Чёрт! — прервал он мой лепет. — Что, если она следующая?

— В смысле?

Томас закатил глаза.

— Только не говори, что ты вообще фильмы не смотришь.

— Почему не смотрю, смотрю!

— Она с ним спала?

Я прыснула от смеха.

— Ты серьёзно думаешь, что мне это известно?

— Главное правило ужасиков: пока ты девственник, ты в безопасности.

Я едва удержалась от вопроса, подвержен ли опасности он сам.

— И к чему это?

— Боже мой, Сид. Убийство не приходит в одиночку. Не в этом случае. За этой смертью пойдут другие, понимаешь? Вопрос лишь в том, кто следующий.

— А ты знаешь, кто за всем этим может стоять?

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Думаю, именно это нам и предстоит разузнать.

Я кивнула и закрыла дверцу своего шкафчика. Томас был прав. Что и говорить, он всегда был прав.

Тут к нам, запыхавшись, подошла Шарлотта.

— Ты бежала? — не здороваясь, поинтересовался Томас.

— Да как ты догадался! — театрально взмахнув руками, сказала она. — Да, боялась, что опоздаю.

— Не того боишься, — криво усмехнувшись, проговорил он.

— О чём ты?

— Это он так интересуется, спала ли ты уже с кем-то, — пояснила я, игриво улыбнувшись.

— Нет! — вскрикнул Томас, будто ужаленный, и я невольно захихикала. — Блин, нет. Просто мы сейчас все в опасности, вот и всё. Я думаю, это правило ужастиков работает только в самих ужастиках, не в жизни. Забудь.

Чарли чуть похлопала ресницами.

— Что-то я не догоняю, — наконец, сказала она. — Вы о чём?

— Хейли. Джо. Здесь определённо должна быть какая-то связь! И эта цепочка не закончена. К ней можно присоединить ещё звенья. И когда нам покажется, что это конец, появится ещё звено. И ещё. Когда-нибудь это закончится, но заранее ничего сказать нельзя. Потому что сейчас мы находимся в самом начале.

— Господи, Сайфер, тебе бы детективы писать. Желательно от женского лица. И с большим количеством лирических отступлений.

— Чарли, я серьёзно.

— Ладно-ладно, — она подняла руки вверх, будто отрекаясь от собственных слов. — И что теперь?

— Есть у меня одна безумная идея, правда, я понятия не имею, как вы к ней отнесётесь...

Наш разговор прервал звонок на урок.

— Встретимся в столовой, — сказал на прощание Томас и, взяв Шарлотту под руку, отправился на биологию. Мне же сейчас предстояла химия.

***

Пробежавшись взглядом по списку сквозь толстенные очки, миссис Мартин обратилась к учащимся:

— Сегодня вы будете работать в парах. Распределю вас я.

Я вздохнула, откинувшись на спинку стула, вертя в пальцах шариковую ручку. Распределение миссис Мартин — это почти как Страшный Суд. Только вот он уже не пугает.

— Сидни, сядь с Бриджет Моррисон, — обратилась она ко мне. Что я говорила? Страшный Суд? Прямое попадание.

Я фыркнула и уселась рядом с Бри. Та сразу чуть отодвинула от меня и продолжила пялиться в стену.

— Так и будешь на меня дуться? — поинтересовалась я.

— Не исключено, — сквозь зубы процедила она.

— Круто. Учти, за тебя лабораторную я делать не собираюсь.

— Уж с чем-с чем, а с химией у меня проблем нет, — посмотрев на меня, заявила Бриджет.

Миссис Мартин стала писать на доске задание, а я начала грызть ручку. Дурная привычка, знаю. Скажите спасибо, что я не курю, хотя могла бы. И Билли заставила бросить после пары дней. И это не потому что я образцовая правильная девочка, как раз наоборот. Просто ненавижу сигаретный дым, вот и всё.

Вот Бри — почти отличница. Обожает учиться, всё такое. Поэтому с ней всегда мало кто общался. Конечно, это, может, и выгодно, но так с ней поболтать о чём-то вряд ли возможно. В любом случае, круг интересов у неё другой. Может, шире, может, уже.

Чёрт, мне её даже жалко.

— Бри... прости меня, — неожиданно для себя самой говорю я.

— За что? — тут же откликается она.

— Да за всё. За моё отношение к тебе, за вечеринку, за...

— Не продолжай, — оборвала она. — Ты серьёзно? Или тебе нужна хорошая оценка по химии?

— Что? Да нет конечно! Зачем мне эта химия? Да плевать я на неё хотела! — В подтверждение своих слов я смахнула с парты свои тетрадки. Миссис Мартин сурово посмотрела на меня.

— Мисс Грин! — взвизгнула она. — Что вы творите? Немедленно прекратите этот беспорядок!

— Не знаю, о чём вы говорите, миссис Мартин, — как ни в чём не бывало сказала я. — У меня всё в полном порядке.

Краем глаза я посмотрела на Бриджет.

Она улыбалась.

***

— На самом деле, я не такой фанат учёбы, как кажется. Я просто хочу, чтобы мои родители были счастливы. Это их мечта, чтобы я хорошо училась.

Бри изогнула губы в грустной полуулыбке. Достаточно было по-хорошему поговорить с ней минут пять, чтобы понять одну простую вещь: она — ангел.

Ладно, вру. Белых крылышек у неё нет. Но она... она нормальная. Редко я меняю мнение о человеке за столь короткий срок, но тут всё произошло на удивление быстро. И бесповоротно.

— Ты молодец, Бри, — сказала я. — Я думаю, они гордятся тобой.

— Да, гордятся. Но хотят от меня ещё большего.

Она вздохнула.

— Жестоко, — я отправила в рот шоколадную конфетку и оглянулась. Томаса видно не было, хотя по идее он должен был объявиться с минуты на минуту.

— Ждёшь кого-то? — осторожно поинтересовалась Бриджет.

— Томаса.

— Ты с ним... встречаешься?

— Что? — засмеявшись, переспросила я. Однако стоит заметить, что смех этот был по большей части нервным. — Нет. Мы просто друзья, вот и всё.

— Уверена? — подмигнув, спросила Бри. — Ты смотришь на него, будто он значит для тебя что-то большее.

Я вновь испуганно осмотрелась, а затем шепнула:

— Это кто тебе сказал?

— Это я увидела.

— А ещё кто-нибудь...

— Нет. Только я. И если я права, то клянусь, что буду молчать. На меня ты можешь положиться, честное слово.

И я верила ей. И жалела, что не обратила на неё внимания раньше.

Она осушила стакан апельсинового сока и вдруг увидела кого-то, входящего в столовую. Потом улыбнулась мне.

— Они с Шарлоттой идут. Я, наверное, пойду...

— Можешь остаться, — заверила я её, но та уже поднялась со своего места и махнула мне рукой на прощание. Я ответила ей тем же.

Томас и Чарли что-то бурно обсуждали, неся свои подносы к моему столику. Я чуть отодвинулась, хотя мест и так было достаточно.

— Ты говорила с Бриджет? — удивлённо поинтересовался Томас, усаживаясь на стул.

— Мы помирились, — сообщила я. — И, может, даже подружились.

Чарли открыла рот от удивления.

— Что такого? — фыркнула я. — Тебе сейчас муха в рот залетит.

— Нет тут никаких мух, — возразил Томас, беря в руки гамбургер.

— В смысле... как помирились? Она же тебя на дух не переносила.

— Иногда достаточно просто поговорить, — сказала я. Шарлотта изумлённо изогнула бровь. Казалось, таких слов она от меня не ожидала. Да я и сама такого от себя не ожидала. Странно.

— Так какая у тебя идея была? — обратилась Чарли к Томасу.

— Неплохо было бы обыскать комнату Хейли.

Моя подруга поперхнулась от неожиданности и, наверное, от негодования.

— Ты издеваешься? Хейли... Хейли — мертва! Каким образом она может быть связана с гибелью Джо?

— Ещё раз спрашиваю тебя: ты помнишь, как погибла Хейли? — резко спросил Томас. Шарлотта поникла.

— Да, — ответила она.

— Может, тогда скажешь, какого чёрта она попёрлась на тот шабаш? Или признаешься, что ты всё выдумала?

— Томас! — предостерегающе прикрикнула я.

— Ничего я не выдумывала! — воскликнула Чарли. — Да, то был шабаш. Она была с незнакомыми мне людьми. У них был костёр. И они создавали какой-то круг. Но у них не получилось. Потому что появилась я, Хейли меня увидела, и...

Шарлотта уронила лицо в ладони. Кажется, она снова начала рыдать. Воспоминания о том дне ничего, кроме слёз, у неё не вызывали.

— Сегодня я хотела съездить на её могилу, — сквозь всхлипы сказала она. Я посмотрела на Томаса, ожидая, что он на это скажет. Тот кивнул.

— Мы съездим вместе после уроков. Хорошо?

***

Шарлотта не ожидала с нашей стороны такой поддержки.

Да и я не ожидала, что с нами потащатся ещё Билли и Лекса. Нет, я называю их не потому, что они пара. Вы что, Лекса никогда не станет встречаться с Билли. Да и Билли она не нужна. Да и вообще это глупая затея.

Честно говоря, я терпеть не могу все эти кладбища. Могилы, увядающие цветочки... тоска зелёная.

А ещё темно. Я не знаю, почему сегодня стемнело быстрее, чем раньше. Но сам факт: темная глушь с мертвяками и компания подростков-неудачников. Думаю, это должно стать блокбастером. И да, в конце все умрут. Наверное. Все ведь мы когда-то умираем, и вопрос лишь в том, каким образом? Кто-то умирает от неизлечимой болезни, причём речь не только, например, о раке. Неизлечимой болезнью может быть и любовь. А кто-то погибает от руки врага, который может быть и бывшим другом. Друзья ж так любят предавать.

— Мне кажется, что мне не по себе, — пробормотал Томас, вцепившись руками в руль.

— Знаешь, ты меня удивляешь с каждым днём всё больше и больше! — откликнулась я. — Я тебе не говорила?

— Наверное, я забыл, — ответил он.

— Наверное.

Мы вышли из машины и направились к пункту назначения. Шарлотта несла в руках небольшой букетик цветов. Я не понимаю эту традицию. Зачем мёртвым цветы? Неужели живые думают, что они способны скрасить загробную жизнь, если та вообще существует? Но Чарли меня слушать всё равно не будет. Знаете, иногда мне и впрямь кажется, что подозрения Билли возникли не на пустом месте, но я тут же отбрасываю от себя эти мысли. Шарлотта просто очень серьёзно подходит к выбору, вот и всё.

Вот она нашла могилу Хейли, присела на корточки, аккуратно уложила букет. И уставилась на надгробный камень, на котором ничего особенного найти было нельзя. Имя, дата рождения, дата смерти. Вот в общем-то и всё. Но даже идиоту должно быть понятно, что этот памятник для близких Хейли — не просто громада с каракулями. Это действительно доставляет боль.

Нашей подруги нет. Моей подруги нет.

По щекам Чарли текли слёзы.

Я положила ей руку на плечо. Просто хотела, чтобы она чувствовала, что она не одна. Хейли нет, но есть мы, и нас у неё отнять ни у кого не выйдет.

— Всё в порядке, — прошептала она. — Правда.

— Нет, Чарли, — возразила я. — Уж я-то знаю, когда ты врёшь.

— Вы там долго ещё? — поинтересовался Билли. Я отошла от подруги, повернувшись к нему лицом.

— Тебе куда-то спешить пора?

— Нет, но... здесь жутковато.

— Это обратная сторона нашей жизни, — сказала Лекса. — Здесь просто не может не быть жутковато.

— В жизни тоже много жуткого, — добавил Томас. — Вообще, сама жизнь — жуткая штука.

— Философы, блин, собрались, — Билли потёр рукой лоб. — Цветы положили? Поностальгировали? Давайте сворачиваться.

И тут раздался хруст веток. Мы притихли, задержав дыхание. И искренне надеюсь, что

это не что-то действительно жуткое.

Потом раздался низкий гул. Он был очень похож на гул корабля, паромы так обычно прибывают.

— Что за фигня? — спросил Томас не своим голосом.

— Чёрт, — вырвалось у меня. — Чёрт, я не хочу умереть на кладбище.

— Ты не умрёшь, — заверил меня Томас, и я невольно улыбнулась, хотя сейчас было совсем не до веселья. Это была улыбка сквозь страх и слёзы.

А гул нарастал. Внезапно задул сильный ветер, сухие листья полетели мне в лицо, и я закрыла лицо рукой.

— Бежим! — воскликнул Билли, и я, схватив Шарлотту под руку, потащила её вслед за друзьями.

Мы бежали, не зная, от чего. Мы боялись узнать, что нам грозило. С нас всех хватило той вечеринки. Чёрт, да мы теперь от чего угодно бегать могли, ведь мы уже достаточно были напуганы.

Лекса что-то бормотала, тяжело дыша.

— Что ты там говоришь? — раздражённо спросил Томас.

— Это молитва, — ответила она.

— Кому? — истерически смеясь, поинтересовался Билли. — Мне кажется, или нам уже ничто не поможет?

Внезапно гул затих, и я остановилась. А Томас продолжил бежать.

— Стой! — крикнула я.

— Почему? Сидни, нам надо...

— Оно закончилось.

Оно действительно закончилось. Ни гула, ни ветра. Ничего. Будто бы и не было этого аттракциона а-ля "почувствуй-себя-самым-тупым-героем-фильма".

Билли лихо присвистнул, глядя на трясущуюся от страха Лексу.

— Что ж, поздравляю, — проговорил он. — Похоже, твоя молитва нас спасла.

Я посмотрела вперёд. До нашей машины оставалось шагов десять, не больше. Или же...

— Чья это машина? — спросила я, и все оглянулись.

— Точно не моя, — сказал Томас. — Подожди, ты думаешь, что...

— Может, это машина того, кто во всём этом замешан! — прервала его Чарли и ринулась к ней. Я даже не успела её остановить. Иногда никакие опасности её не пугали. Наверное, это хорошо. Но в то же время это, безусловно, плохо.

Чарли подбежала к незнакомому автомобилю и уже собралась что-то выкрикнуть, но тут произошло невероятное.

Дверь открылась, и из машины вылезла Бриджет.

***

— Бри? — поперхнулась я, увидев свою новую подругу. Да, это была Бри. И она была напугана не меньше нас.

— Что вы тут делаете? — ошеломлённо спросила она.

— Нет, это ты тут что делаешь? — грозно вскрикнул Билли. — Какого чёрта, Бриджет? Как только происходит что-то из ряда вон выходящее, ты тут же оказываешься рядом! Что это значит?

— Ты серьёзно винишь меня... что? Что тут произошло?

— Вероятно, кто-то снова пытался нас убить, — ответила Шарлотта. — И тут появилась

ты, какое совпадение!

— Подождите, дайте разобраться! — рассержено прикрикнула я на друзей. — Может, вы неправы!

— Сидни, ты серьёзно сейчас начнёшь её защищать? — Томас был крайне удивлён. Я посмотрела ему в глаза. Да, я не ошиблась. Сейчас он точно был настроен против меня.

Моя рука взлетела в воздух и со звоном обрушилась на его щёку.

Прости, Томми, но это были крайние меры.

— Да, Томас. Буду.

Билли захохотал, но я не стала обращать внимание на этого психа.

— Бри, почему ты здесь вообще оказалась? — как можно мягче спросила я.

— Я приехала к Джо, — твёрдо ответила она. — Вы можете подозревать меня в чём угодно, но, поверьте мне, я и так в жизни натерпелась. Кому тут действительно тяжело, так это мне! То, что я молчала об этом всю жизнь, не значит, что это не так! Я не виновата, что мой отец бросил меня и мать, и теперь я живу с отчимом, который меня ненавидит! Я не виновата, что меня заставляют хорошо учиться и сидеть дома, никуда не вылезая! Я не виновата, что первого же моего парня убили! Я во всём этом не виновата!

Я прикрыла рот ладонью. Чёрт, не такой я от неё исповеди ожидала.

— Прости, — приглушённо произнесла Лекса и подошла к ней. — Бри, прости, я...

— Не говори ничего, — оборвала её Бриджет. — Не надо извиняться, я привыкла. Просто хотела, чтобы вы знали, что мне тоже больно. Вы потеряли Хейли, я потеряла Джо. Мы в одной лодке, и я не вижу смысла разъединяться. Сейчас нам стоит держаться вместе... если вы не против.

И Лекса обняла её. Бри неуклюже похлопала её по спине. Она не ожидала этого примирения, это было видно по её большим глазам, наполненным слезами. И я готова была поставить на то, что слёзы эти были слезами радости и счастья.

***

На следующий день мы с Бри встретились у входа в школу, заранее договорившись. Она явно была рада тому, что обрела новую подругу. К нам тут же присоединилась Лекса, что-то быстро рассказывая, постоянно смеясь. Шарлотты видно не было. Я бы не удивилась, если бы выяснилось, что она заболела.

Впрочем, она пришла, но позже. Вместе с Томасом. И они ни разу не посмотрели в нашу сторону.

— Им придётся привыкнуть, — подмигнув, сказала Лекса. — Это ненадолго.

Билли тоже предпочёл общаться с ними, хотя как он общался? Хохотал да подкалывал всё живое и неживое. Что с него взять, Билли есть Билли, и он не изменится.

Пожалуй, стоит снова сказать, что Бри была счастлива. В этот момент не было человека, который улыбался бы ярче и искреннее, чем она. Она улыбалась не только своими пухлыми губами, но и своими глазами. Они словно светились.

Если бы я была парнем, я бы в неё даже влюбилась. Умная, красивая и сломленная, она всем своим видом молила окружающих о помощи. Жаль, что мольбу её слышали только мы, и то не вовремя. Мы опоздали, но всё равно были полезны.

С Чарли, Билли и Томми мы вновь встретились в столовой. Те даже сели за другой столик. Но, конечно, я не собиралась с этим мириться, а потому гордым шагом прошагала прямо к ним, поставив перед ними свой поднос с ланчем.

— Можете дуться на меня сколько хотите, только вы всё равно долго не

продержитесь, — заявила я, усаживаясь и перекидывая ногу за ногу. Томас посмотрел на меня исподлобья и, так ничего и не сказав, вернулся к своей порции салата.

Лекса и Бри тем временем сели рядом со мной. Собственно говоря, разве нам кто-то запрещал? Нет. Наши права в этом плане были безграничны. Поэтому...

Я пихнула стакан воды в сторону Томаса, и тот опрокинулся. Вода вылилась на стол и рубашку моего друга. Тот подскочил на месте от неожиданности.

— Сидни, какого...

— Я же говорила, что тебе всё равно придётся сказать мне хоть слово! — победоносно воскликнула я. — Скажи спасибо, что это всего лишь вода, дурачок.

— Если ты выжила из ума, то это явно не мои проблемы, — ответил он.

— Я не выжила из ума. Последнее время мне наоборот кажется, что ум наконец-то ко мне пришёл.

— Умные люди так себя не ведут.

— Умные люди страдают не меньше нашего, — я резко перевела разговор в другое русло. — И это не значит, что мы должны их презирать.

Шарлотта вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Мир.

Чарли протянула руку Бри, и та ответила на рукопожатие. Томас и Билли повторили её действие. Даже если это было неискренне, это было, и это меня радовало.

Ещё пару дней назад я считала Бриджет кем-то, кто уж точно не заслуживает моего внимания, но после вечеринки всё резко изменилось. Я одновременно и была благодарна себе за то, что додумалась её пригласить, и невероятно ненавидела себя, ведь она лишилась любимого человека в какой-то мере действительно из-за меня. Вещи в нашей жизни меняются неимоверно быстро. Гораздо быстрее, чем модные тренды. И это настораживает.

***

— И всё же. По поводу моей идеи.

Томас держался за неё, как за спасательный круг. Он всё ещё грезил мечтой пробраться в комнату Хейли и устроить там настоящий обыск.

— Чёрт, Томас, серьёзно? — Шарлотта недовольно покачала головой. — Зачем?

— Чует моё сердце что-то недоброе, — театрально возвестил он.

— Родители Хейли до сих пор в городе, — сказала я. — Думаю, нас могли бы пустить.

— Я не пойду, — тут же сказал Билли. — Надоело играть в юных следопытов.

— Эй, приятель, мы ещё даже не начинали!

— Не начинали, а меня уже тошнит, — он изобразил, будто его действительно могло вы вернуть прямо на обеденный стол.

— Билли, давай без подробностей, — предостерегла его Лекса. — На меня можете рассчитывать.

— Хорошо, тогда... я, Томас, Лекса... Чарли, ты с нами?

— Без меня вас не пустят, — ответила та, и я кивнула. Что ж, банда в сборе.

— Я там буду лишней, — добавила Бри. — Всё-таки с Хейли я не общалась.

— Хорошо, — повторила я. — Когда пойдём?

— Сегодня или завтра. Потом поздно будет.

Внезапно мой телефон разразился надоедливыми трелями. Я выудила мобильник из кармана и нажала на кнопку.

— Алло?

— Сидни, дорогая, — послышалось на другом конце провода. О Боги, это мама.

— Привет, мам, — несколько разочарованно ответила я.

— Сегодня приходи домой прямо после уроков и нигде не задерживайся, — промурлыкала она.

— С какой стати?

— Одна гадалка...

Всё понятно. Дальше я даже слушать не стала.

Я ещё не говорила, что моя мать помешана на гаданиях? Она всё время читает гороскопы, гадает на картах Таро и кофейной гуще, а также сама ходит по всяким гадалкам. И эта женщина сумела заполучить богатенького мужа в виде моего отца! Где тут логика?

— ... так что, сама понимаешь. Всё слишком серьёзно.

— Конечно, мам. Всё слишком серьёзно. Только почему я должна тебя слушать?

— Сидни Роуз Грин! Ты...

— Мам, хватит! — немного подумав, я продолжила: — Ты вообще себя слышишь? Какие гадалки? Что за бред?

— В отличие от тебя я помню, что в нашем доме нашли труп!

— Да, мам, я тоже помню, что в нашем доме нашли труп, поэтому домашний арест в данном случае равен самоубийству!

Мать замолчала. Кажется, в этом раунде я выиграла.

Потом в трубке послышались гудки. Обиделась. Опять.

— Что такое? — спросила Чарли. Я посмотрела на неё, засовывая телефон обратно в карман.

— Мама решила усадить меня на домашний арест.

— Мы можем сегодня без тебя съездить, — пожал плечами, сказал Томас. — Может, это будет не единственная наша вылазка.

— Ага, будем вести прямую трансляцию с места действия, если тебе интересно, — Лекса улыбнулась. — Послушай маму.

— Я тебе что, трёхлетняя девочка? — возмутилась я.

— О да, маленькая капризная девочка, которую можно усмирить, лишь купив ей новую куклу с крылышками и шоколадные конфеты.

— Билли, ты просто невыносим...

— Я знаю, солнышко.

В ответ ему в лицо полетела бумажная салфетка. Ну, как сказать, полетела... Попыталась полететь.

Чёрт, мне хотелось пойти с друзьями к Хейли. Я правда хотела этого, но зачастую наши мечты и желания идут по другой дороге, нежели наши судьбы.

— Ладно, — смирилась я. — На этот раз идите без меня. Может, так для меня даже лучше. Мало ли, вдруг на вас там нападёт какой-нибудь демон, и вы все умрёте.

— Демонов не существует.

— Ещё скажи, что того шабаша тоже не было.

Мы замолчали.

Слишком много вопросов, слишком мало ответов. И непонятно сколько времени.

Звучит идиотски, но нам действительно казалось, что наши жизни уже висят на волоске. Хотя, наверное, нам просто хотелось верить в то, что мы теперь не смотрим фильм с захватывающим до дрожи в коленках сюжетом, а играем в нём главные роли.

***

Отца дома не было.

И это меня не удивило. Мать вернулась в город пораньше, якобы чтобы проследить за мной, а на самом деле просто сбежала от него. Мой папаша нашёл себе новую пассию. Правда, это ненадолго. Они обязательно разойдутся. Он всегда возвращается к матери. У них довольно странные отношения, потому что она всегда его прощает. Да такое ощущение, будто она на него и не обижается вовсе.

Мать сидела, листая какой-то журнал и попивая кофе из фарфоровой чашки. Кофе из фарфоровой чашки. Фарфоровой.

У меня просто не укладывается в голове, как можно пить кофе из фарфоровой чашки. Почему-то она у меня с чаем ассоциируется. Но это же моя мать, полная странностей.

— Сидни, детка, — обратилась она ко мне, и я еле сдержала смех. — Как дела в школе?

— Всё просто шикарно, — отмахнулась я.

— Надеюсь, что это действительно так, — прощепетала она и вновь принялась разглядывать глянцевые фотографии. Я поняла, что разговор окончен.

Поднявшись по лестнице, я остановилась у двери в свою комнату. Почему-то мне захотелось постучать, но я прекрасно понимала, что внутри никого нет и быть не может. Хозяйка комнаты же здесь, стоит... даже не передо мной. Хозяйка — это я. Хозяйка идёт к себе.

Я распахнула дверь.

Чёрт, только не это.

Комната находилась в таком состоянии, будто её обыскивали. Шкаф раскрыт, большинство одежды на полу. Бумаги на столе разбросаны, немногочисленным книгам тоже досталось — у некоторых из них были помяты и порваны страницы. Окно было открыто, и сквозь него внутрь просачивался лёгкий ветерок.

Я захлопнула за собой дверь и поспешила сделать то же с окном. Затем быстро сгребла в охапку платья и повесила их в шкаф, поставила туда же туфли, убрала чудатковатую шляпу с перьями. Потом подошла к своему письменному столу, собравшись привести в порядок бумаги.

На столе лежала записка от какого-то анонима.

Почерк мне был неизвестен, и, знаете, я была рада, что не знала его, потому что кто знает, что бы я сделала, если б узнала, что это написал кто-то из хорошо известных мне людей.

Записка гласила:

Не стоит бояться, но стоит молиться. Самое ужасное ещё впереди.

ГЛАВА 3. ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМА

Бояться должно лишь того, в чем вред
Для ближнего таится сокровенный.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"
Шарлотта

Разочарованная Сидни отправилась домой, а мы поехали в гости к семье Коллинз.

Родители Хейли до сих пор жили в Тэррифилде, что не могло не удивлять. Я бы на их месте сразу бы уехала из этого города. Хотя, наверное, они хотят оставаться рядом с дочерью, и это правильно. Они помнят её, и поэтому она всё ещё рядом с ними. Живёт в их сердцах. И в наших.

Мать Хейли, Аделаида Коллинз, работает ветеринаром. Вот вам и ещё одна причина, по которой её дочурке не удалось однажды помучать бедную жабу. Аделаида души в животных не чаяла. Когда-то у них жили три котёнка, попугай и пёс. Не знаю, как обстоят дела сейчас. Попугая-то точно уже в живых нет, а пёс ещё вполне себе может жить. Бимбо был добрым спаниелем, и я надеялась, что он меня не забыл. Я-то помню его ещё совсем щенком, когда он обожал играть с голубым мячиком и приносил тапки, чтобы его похвалили и потрепали за ухом.

Отец Хейли, Пол, работает в банке, и мне его работа представляется скучной, зато стабильной. Я восхищаюсь такими людьми. Мне кажется, они такие... стойкие и сильные духом. Я на такой работе бы не выдержала. Хотя, скорее всего, я просто её не понимаю, а значит, суждения мои могут быть не верны.

Я не видела семью Коллинз уже три месяца. Странно, правда? Живём в маленьком городке, в котором почти все знают друг друга, а так ни разу и не встретились, не попались друг другу на глаза. Наверное, всё дело в том, что у меня нет нуждающихся в срочном лечении животных, а ещё мне не надо срочно завести банковский счёт.

Я надеялась, что мистер и миссис Коллинз будут рады нашему неожиданному визиту. Хотя так до сих пор и не понимала, как этот визит объяснить. "Добрый вечер, миссис Коллинз... э-э, знаете, я когда-то забыла у Хейли парочку дисков, не могла бы я их забрать?". Ну чушь же. Мы никогда с ней не обменивались дисками, поэтому этот фокус точно не прокатывал.

Ни Томас, ни Лекса меня и слушать по этому поводу не желали. Любители экспромта, которые надеялись на удачу, но разве сейчас можно было на неё надеяться? Глупые. Зато счастливые, потому что верят. А я вот уже ни во что не верю.

Когда я потеряла веру? Нет, не три месяца назад. Гораздо раньше. Просто я не показываю этого на людях. Да и зачем? Ходить, рыдая и убиваясь, — не по мне. Хотя, признаюсь, я даю волю слезам. Редко, но бывает. Вчера на кладбище я сдержаться просто не могла. Слишком больно вновь и вновь вспоминать лицо Хейли, её руки, барабанившие по невидимому куполу, её испуганные глаза... Она хотела меня спасти и погибла. И этого я никогда не забуду.

Хейли сгорела в пожаре, который бы не разгорелся, не увидь она меня! И я виню себя каждый день, абсолютно каждый.

— Чарли, не исчезай! — услышала я у себя над ухом знакомый голос.

Я сидела на переднем сиденье автомобиля. Вёл его Томас, что не удивительно —

машина ж всё-таки его. Лекса сидела сзади, наслаждаясь гордым одиночеством.

— Куда я исчезну? — недовольно отозвалась я. — Я же не приведение.

— Кто знает, может, превратишься однажды в призрак. Будешь пугать меня по ночам, — фыркнул Томас.

— Не дождёшься, Сайфер. Как-то не горю желанием увидеть твою пижамку с котятами.

— Я не сплю в пижаме с котятами! — рассержено воскликнул Томас.

— Тогда тем более.

Лекса прыснула со смеху. Хотя мне почему-то было не очень смешно. Вообще не понимала, какие тут могли быть шутки.

Наверное, я стала чересчур сентиментальной. Меня это жутко бесит. Наверное, это чересчур заметно.

Ну и пусть.

Наконец, мы подъехали к дому Хейли. Сердце невольно сжалось от прилива тёплых, но уже остывших воспоминаний. Здесь мы вместе играли, делали уроки, слушали музыку, смотрели фильмы, да и просто много говорили. Сейчас я поняла, что мне невыносимо находиться в этом месте, а ведь мы ещё и порог дома не переступили.

Томас вышел из машины, за ним выскочила Лекса. Я немного помедлила, словно надеялась остаться. Ну а что, тут уютно, есть кое-какие диски с музыкой...

Диски с музыкой. Нам же ещё надо придумать, что сказать родителям Хейли. Жаль, что времени уде не осталось.

— Чарли, пошевеливайся, — сказал Томас.

— Ты мне что, кукловод? — недовольно проворчала я и поплелась за ним.

— Ну, ты сегодня выглядишь, как сонная муха.

Скорее, как убитая горем дурочка.

— Ну, пожалуй, так и есть.

Он избежал по ступенькам крыльца и нажал на кнопку звонка. Лекса чуть пошаркала ногами. Видимо, от нервов. Хотя, какие у неё нервы? Судя по тому, как она выглядит, у неё всё в полном порядке — такая улыбка притворной быть не может.

И вот дверь открылась. Вернее, осторожно приоткрылась, будто жители считали, что за пределами их дома какая-то смертельная зараза. Что ж, за пределами их дома была жизнь, а жизнь — смертельная болезнь. Все мы смертельно больны. Так уж получилось.

К нам вышла Аделаида, и я даже не удивилась. Она всегда была более открытой и доброжелательной, чем Пол. Аделаида посмотрела на нас, ничего не говоря, а потом вдруг подошла ко мне и крепко обняла. Я немного оторопела.

— Я понимаю, как тебе больно, Чарли, — прошептала она, глядя меня по голове.

— Да, — только и смогла сказать я. — Это так.

Она отстранилась и жестом пригласила нас пройти внутрь. Клянусь, на миг мне показалось, что в её глазах блестели слёзы.

Надо сказать, что Аделаида — красивая женщина. Насколько мне известно, Хейли родилась у неё в восемнадцать лет, а потому сейчас она всё ещё выглядела весьма молодо. Ни братьев, ни сестёр у Хейли, как и у меня, не было, но что-то говорило мне, что они уже у неё и не появятся. Не потому, что она мертва, нет. Просто после потери ребёнка, причём столь ужасной, тяжело заводить нового. Это выглядит так, будто предыдущий был просто хомячком. Да и этот такую же роль исполнять готов. Жутко.

Хейли была похожа на свою мать. Такие же светлые локоны, достающие до плеч, такие

же пухлые губы и большие глаза. Правда, она была выше Аделаиды. Я всегда чувствовала себя рядом с ней гномом. Я вообще не особо люблю людей, которые меня выше, но учитывая, что меня выше практически все мои знакомые, кроме Сидни, с этим приходится мириться.

А ведь когда мы с Хейли познакомились, выше была я. А потом она резко вымахала за одно лето. Лет в пятнадцать, кажется. Мы долго над этим смеялись, хотя смешного было мало. Вообще, мы часто смеялись. А теперь я смеюсь редко. Не спрашивайте, почему. Это же и так понятно. Когда одни люди уходят, другие пытаются смириться с этим. Могут избавиться от всех вещей, связанных с этими людьми. Начать новую жизнь. У меня никакой новой жизни не получилось. От этого события просто невозможно избавиться, оно же произошло. Поэтому я не верю людям, которые после потери близкого человека заявляют, что у них всё прекрасно. Они — фальшивки, вот и всё.

***

Мистер и миссис Коллинз оказались столь любезны, что даже пригласили нас на чай. И, конечно, приглашение мы приняли, и теперь сидели за круглым столиком в гостиной. Вот такой небольшой компанией, которая постороннему человеку показалась бы странной. Но тем не менее, компания эта была связана одним человеком, которого она потеряла. И хоть мы и хотели, чтобы встреча не была пропитана грустью и скорбью, оказалось, что по-другому невозможно. Нотки этих чувств так или иначе проникали к нам.

— Хейли была замечательной девочкой, — с грустной улыбкой сказал Пол. — Её никто не заменит.

— Конечно, мистер Коллинз, — согласился Томас. — Мы... э-э... мы такого же мнения. Вы знаете, она была...

— Необыкновенной, — подсказала Лекса.

— Да. Да, именно. Необыкновенной. Вот.

Повисло неловкое молчание. Лекса едва заметно подтолкнула Томаса локтем, а тот устремил напряжённый взгляд на меня, словно намекая, что пора приступать к главной части. И, конечно, эту главную часть отдали мне. Даже со мной не посоветовавшись. Забавно.

Я вздохнула, мысленно сжав кулачки и скрестив пальцы. И сплюнув три раза через плечо. Или сколько там надо? И через какое?

— Миссис Коллинз, — сказала я. — Вы не могли бы разрешить нам заглянуть в комнату Хейли? Просто очень хочется... хочется посмотреть...

Боже мой, Чарли, только не смей сболтнуть лишнего.

— Мы там давно не были, — зачем-то пояснила Лекса.

— Честно говоря, мы тоже, — проговорила Аделаида. — Немного побаиваемся туда заходить.

— И... — Томас прочистил горло.

— И я вам разрешаю. — Миссис Коллинз встала из-за стола, намереваясь показать нам, куда идти, но я улыбнулась, покачав головой. Что-что, а это я прекрасно помнила.

Комната Хейли расположилась на втором этаже. Стоило мне закрыть глаза, и я она тут же вставала пред моими глазами. Сиреневые стены, большое окно, выходящее во двор дома, стол, заваленный бесполезными и полезными побрякушками, кровать, застеленная чёрным покрывалом...

Чёрным, как её душа.

И всё так и осталось. Чёрное покрывало, окно с открытыми шторами, стол, на котором

по-прежнему царил беспорядок. На стене небольшое прямоугольное зеркало, справа от него — доска с какими-то фотографиями и вырезками из журналов. Я подошла поближе и присмотрелась. Надо же, тут мы с ней. И она с Джейком. Джейк, Джейк, почему ты уехал? Неужели ты... относишься к тому, что случилось в лесу?

Возле входной двери стена тоже обклеена всевозможными картинками. Правда, там нет ничего интересного. Какие-то фотки платьев, пляжей, модных аксессуаров... Да, модница Хейли во всей красе.

— Слушайте, — вдруг нарушил тишину Томас. — Что, если она знала обо всём, что сейчас происходит? В смысле... что, если это и правда её вина?

Лекса настороженно повернулась к нему, однако не промолвила ни слова.

— Чья? — недоумённо спросила я.

— Хейли.

— Господи, Сайфер. Не с этими ли мыслями ты сюда припёрся?

— С этими.

— Тогда зачем повторяет их в сотысячный раз?

— Чтоб не забыть.

Я устало опустилась в велюровое кресло тёмно-розового цвета. Подождите, такой цвет вообще существует? На всякий случай обзовём его лучше малиновым.

— Чарли, чего ты сидишь? — возмутился Томас, подходя к столу.

— Что я вижу? — ехидно отозвалась я. — Кукловод в третий раз за день пытается поруководить своей марионеткой?

— Боунс, я серьёзно. Лекса, прикрой дверь! Почему она распахнута?

Та пожала плечами, берясь за ручку.

— Я её за собой закрывала, — ответила она.

— Тогда кто её вновь открыл?

Я нервно сглотнула.

— Уж точно не я, — покачав головой, пробормотала я. Томас взмахнул рукой.

— Ладно, проехали. Где у неё тут ноутбук?

Я встала и подошла к нему.

— Должен быть на столе, — несколько растерянно сказала я. — Постой, зачем он тебе?

Тот рассержено посмотрел на меня, как будто я сейчас сморозила какую-то глупость.

— Забыла, зачем мы сюда явились? — спросил он. Я помотала головой. — Вот и молодец. Мы — полиция, явились на место преступления, устраиваем тщательный обыск. Вопросы?

— Где наша форма? — тут же отозвалась Лекса.

— И где преступление? — подхватила я. Наш друг ту же схватился за голову.

— Всё, хватит в дураков играть, — заявил он и стал отбрасывать в сторону многочисленные бумажки, которыми стол был в прямом смысле усеян. Я подхватила одну из них и пробежалась по ней глазами. Какие-то формулы по алгебре... или физике... В общем, ничего интересного.

Тем временем, Томас раскопал под грудой ненужного (или нужного?) барахла серенький ноутбук и с довольным видом включил его. На экране появилось изображение загрузки.

— Вот видите! — весело сказал он. — Весьма полезная штука!

— Да, Томми, очень полезная, — ответила я, уставившись в экран, на котором

появилось столь ненавистное для нас сейчас окошечко. — Особенно когда на ней стоит пароль. Встань-ка.

Я села на его (хотя можно ли назвать это место местом Томаса, учитывая, что комната-то Хейли, как и все находящиеся в ней предметы?) место. Мои пальцы зависли над клавиатурой. Итак, какой пароль могла поставить моя лучшая подруга?

Для начала я набрала слово "мода". Не знаю, почему, но мне показалось, что оно могло бы подойти. К сожалению, не подошло.

Потом я ввела её год рождения, что тоже не помогло, затем — её день рождения. И всё то же самое.

— Долго фигнёй страдать будешь? — поинтересовался Томас.

— У тебя есть другие варианты? — парировала я.

— Есть. Взять ноутбук с собой и получить пароль с помощью специальной программы, которая скачана на мою флэшку.

— А флэшку с собой взять ты не догадался? — огрызнулась я. — Твой вариант не принимается. Продолжаем сходить с ума.

При этом не стоит забывать, что мы, наверное, уже сошли с ума. Со всеми этими событиями. Вдруг мы сейчас вообще спим? Нет, вряд ли.

Четвёртым вариантом стал год моего переезда в Тэррифилд. Нет, я не эгоистка, но, согласитесь, это весьма важное событие, которое тоже могло послужить защитой её компьютеру. И, чего и следовало ожидать, он тоже оказался неправильным.

— Странно это говорить, но сейчас я бы согласилась с Томасом, — сказала Лекса.

— Успокойся, Лекс. Мы — полиция, устраиваем обыск. За нами никто не гонится. Мы всё успеем. О'кей?

Я услышала, как она плюхнулась на кровать и громко вздохнула. Что ж, она сама напросилась на это... приключение? Да, пожалуй, назовём это действие именно так.

Однако перед тем, как попробовать ввести пятый вариант, мне в голову пришла гениальная идея.

— Томас, — позвала я, чтобы убедиться, что он всё ещё в деле.

— Слушаю вас, мисс-мы-всё-успеем, — тотчас откликнулся он.

— Пошарь в комод, — попросила я. Хотя тон получился больше приказным. Какая разница? Сейчас не разбора тона моего голоса.

— Ого, настоящее разрешение на обыск от самой Шарлотты Боунс! — Томас подошёл к комоду и выдвинул первый ящик. — А что мы ищем?

— Блокнот. Голубенький такой.

Личный дневник, если быть точнее.

Тот кивнул, поняв свою задачу. Я покрутилась на стуле, подняв голову. Какой тут всё-таки белоснежный потолок. Подожди, какой потолок? Причём тут потолок?

— Этот? — спросил Томас, выводя меня из забытья. Я посмотрела на него и кивнула, протянув руку. Вот он, личный дневник Хейли Коллинз. И как я только сразу не догадалась его найти?

Об этом блокнотике я слышала лишь однажды. Видела я его тоже, как ни удивительно, лишь один раз, мельком. Тогда Хейли не стала отвечать на мой вопрос, что это такое, зачем он нужен. Просто обошлась этим дешёвым словосочетанием "личный дневник". И вот теперь у меня появился шанс узнать, что же там она такое прятала.

Нечестно, конечно, как-то, но другого выхода у нас не было.

— Я не понял, компьютер больше не нужен? — обиженно спросил Томас.

— Жди, хакер, — предостерегла его я. — Сейчас пароль поищем, и будет тебе компьютер.

Я быстро пролистала блокнот и удивительно быстро для себя самой наткнулась на страничку с заголовком "Пароли".

— Так... социальные сети, что-то непонятное... а, вот. Ноутбук. "Чарли".

По телу пробежала мелкая дрожь. Трясущимися пальцами я набрала своё имя и кликнула по кнопке "вход".

Пароль подошёл.

Томас присвистнул.

— Вот оно как, — пробормотал он, вновь усаживаясь за стол. — Чарли, значит.

Я отошла к зеркалу и уставилась на своё отображение.

Каштановые волосы, волнами лежащие на мои плечи. Худое лицо, как у измученного каторжника. Карие глаза, на дне которых покоится... Действительно, что там покоится? Отвращение ко внешнему миру? Страх, скорбь, печаль? Или необъяснимое торжество?

Там покоится неопределённость. А страх рождается от неопределённости. Так что мой второй ответ абсолютно точно был верным.

Я боялась. Потому что понятия не имела, чего ожидать дальше.

Томас принялся что-то разыскивать в недрах ноутбука, а я, пересилив себя, взяла в руки треклятый дневник. Помимо странички с паролями тут точно должно было оказаться что-то если не очень интересное, то, по крайней мере, полезное, нужное нам в нашей ситуации.

Начиналось всё очень прозрачно, в начале прошлого года. Какие-то глупые записи... О, первая встреча с Джейком. Ну надо же, не знала, что Хейли способна так витиевато описывать чужую внешность. "Взгляд, как у орла, тёмные волосы столь же жёстки, как прибрежные скалы...". Где она такого набралась вообще? Звучит-то отвратно. Я бы не полезла целоваться к человеку с горами на голове. Но вкусы у моей подруги всегда были немного странноватыми, так что тут удивляться нечему.

Я перевернула сразу несколько страниц. Всё говорило о том, что тут ничего, что бы как то помогло нам, не будет. Выход долгожданного фильма, список любимых песен, задачи на месяц... Всё это никак не было связано с убийствами. Когда я говорю "убийствами", я подразумеваю её гибель и гибель Джо. Видимо, Томасу удалось меня убедить, что эти события стоит ставить в один ряд. На всякий случай, я пробегалась глазами по списку дел на месяц. Выглядит он вот так:

1. Признаться Джейку в своих чувствах.
2. Научиться печь пирог с ягодами.
3. Послушать песни группы Neighborhood и понять, нравятся мне такие или нет.
4. Прочитать книги из далее представленного списка.
5. Узнать про шабаш.

Твою же...

— Ребят, — подала я голос. — Кажется, я что-то нашла.

Лекса выхватила блокнот у меня из рук.

— "Узнать про шабаш"? — прочитала она. — Ну и дела. Так, давай дальше смотреть.

На следующих страницах мы нашли тот самый список книг, ещё кучу вздыханий по Джейку... Описание их первого поцелуя, которому позавидовали бы любые "50 оттенков" хоть серого, хоть серо-буро-малинового в крапинку...

— Заберём с собой, — наконец, заявила Лекса и припрятала дневник в свою маленькую сумку. — Никто ж не заметит его пропажу.

И правда. Вот ноутбук — это совсем другое дело.

— Что там у тебя, Томми? — поинтересовалась я. Пока что не объявленное между нами соревнование под названием «Кто найдёт больше улик» выигрывала я, а не он, что не могло не радовать.

— Он пуст, — ошеломлённо ответил друг.

— То есть? — непонимающе переспросила Лекса. — Как у шестнадцатилетней девчонки может быть ноутбук без какой-либо информации?

— Её стёрли, скорее всего. Надо в кэше пошарить, но для этого нужно ещё время.

— Оно у нас есть, не переживай.

Время ещё пока действительно было.

Томас вновь забарабанил по клавишам. А мы стали ждать.

Что ни говори, а жизнь любит преподносить самые неожиданные сюрпризы. Ну скажи нам кто-нибудь год назад, что Хейли погибнет на шабаше, Джо убьёт кто-то или что-то абсолютно непонятное и неизвестное, а за нами будет гоняться нечто по кладбищу и гудеть как пароход, так мы бы посмеялись и пальцем у виска покрутили. Нервно посмеялись. Кажется, однажды я уже говорила что-то подобное, но что поделать, ничего не изменилось. Всё по-прежнему странно и окутано таинственной пеленой.

Кто бы мог подумать, что судьба ещё и сдружит нас с Бри? Хотя сдружит — это громко сказано. Вот Сидни с ней, судя по всему, действительно сдружилась, а я — нет. Не знаю, почему. Всё-таки она вызывает подозрения. Сидни этого, конечно, не видит. Захотела обзавестись новыми друзьями. Ну и пусть, её дело, не моё.

— Я что-то нашёл, — прервал мои раздумья Томас. Я вмиг подскочила и встала рядом с ним.

— Что именно? — уточнила Лекса, пристраиваясь рядом.

— Переписку.

Я, затаив дыхание, посмотрела на экран.

— Она была удалена, но в кэше до сих пор висит. Как будто... будто кто-то хотел, чтобы мы её нашли, — гробовым шёпотом произнёс Томас.

— Сайфер, что ты несёшь, — смеясь, сказала Лекса. — Давайте читать.

Хейли здесь именовалась как MidnightGirl, а собеседником её оказался некий NightWolf. Или некая.

Первая переписка выглядела так:

MidnightGirl: Привет! Расскажешь про шабаш?

NightWolf: Привет! Ты Хейли Коллинз?

MidnightGirl: Именно:)

NightWolf: Ты из города в ближайшее время выезжать не планируешь?

MidnightGirl: Нет

NightWolf: Тогда давай встретимся на днях? Когда тебе удобно?

MidnightGirl: Может, в среду?

NightWolf: Я только за. Сможешь встретиться в 19:00 в кафе "Мисс Фриволус"?

MidnightGirl: Да, безусловно. Как будешь выглядеть?

NightWolf: Ты меня обязательно узнаешь. До встречи, Хейли.

На этом переписка обрывалась.

— Кафе "Мисс Фриволус"? — заморожённо пробормотала я.

— Что такое? — спросила Лекса. — Ну да, есть такое у нас. Сейчас понять надо, кто такой этот ночной волк...

— Джейк, — мгновенно вылетело у меня.

— Джейк? Тот её смазливый паренёк? — Томас фыркнул. — Если и так, то его же нет в городе.

— И то верно, — согласилась я. — Но всё же... Тогда, на обряде, мы с ним разделились... По его же инициативе. И потом он исчез.

— Думаешь, он может быть связан с тем, что началось сейчас? — Лекса почесала подбородок, задумавшись. — Если честно, мне до сих пор кажется, что я сплю, и меня погрузили в какой-то малобюджетный фильм.

— Почему малобюджетный?

— Действий не хватает.

Томас всплеснул руками.

— Ну давай, Вудли, действуй! Ждём твоих дальнейших указаний!

Я уронила лицо в ладони. Всё, всё становилось с каждой секундой сложнее и непонятнее.

Итак, что мы имели в итоге?

Во-первых, Хейли на шабаше оказалась отнюдь не случайно, а весьма целенаправленно.

Во-вторых, кто-то рассказал ей всю эту муть про шабашу, какую-то вуду-магию и прочую чертовщину.

В-третьих... в-третьих, я начинала бояться. Бояться будущего. Ведь действительно было непонятно, что произойдёт в следующую секунду. Вдруг распахнётся дверь, и в комнату, запыхавшись, или не запыхавшись, ворвётся, или просто зайдёт...

Мои мысли прервало пиликанье мобильного. Я неуклюже выудила его из кармана и посмотрела на экран. Это был видеовызов от Сидни. Я быстро нажала на кнопку: вряд ли она стала бы звонить сейчас просто так.

— Что случилось, Сид? — спросила я, прежде чем она успела что-либо сказать.

— Жуть случилась! — воскликнула она и встала с кровати. — Я вам сейчас покажу, что случилось...

— Всё в порядке? — поинтересовался у неё Томас. — Выглядишь, будто из курятника сбежала.

— Ты просто не находил у себя в комнате записки со странными предупреждениями! — огрызнулась Сидни.

— Что? — удивилась Лекса. — Какие ещё записки?

Сидни подошла к столу и взяла что-то, а затем поднесла это что-то, которое оказалось бумажкой, к камере, чтобы мы смогли разглядеть, что там написано.

— "Не стоит бояться, но стоит молиться. Самое ужасное ещё впереди", — прочитала я. — Что за брехня?

— Понятия не имею! Наряду с этой брехнёй я ещё получила распахнутое окно, перевёрнутый с ног на голову шкаф...

— Да этот злоумышленник реально силён, раз шкаф перевернул, — перебил её Томас.

— Не в этом смысле! Все мои вещи, которые там лежали, на полу оказались! И на столе бардак, будто кто-то у меня проводил... обыск?

— Твою мать, — ругнулась я, подняв взгляд на потолок. Нет, ничего я на этом потолке

не нашла, просто он здесь был каким-то... особенным. — Обыск. Ха. У нас здесь тоже обыск.

— Хочешь сказать, кто-то устроил тот беспредел у Сидни в отместку? — спросила Лекса.

— В отместку это могла сделать лишь владелица этой комнаты. А мы прекрасно знаем, что это невозможно.

Она кивнула и вытащила из кармана флэшку.

— Я сброшу оставшиеся переписки, — пояснила она, усаживаясь к ноутбуку. Она быстро вставила в него флэшку, поводила мышкой.

— Сидни, а ты уверена, что это связано с этой историей? — осторожно поинтересовалась я.

— По логике это связано, — ответил за неё Томас. — Смотри, тут написано про молитву. А Лекса на кладбище молилась.

— Что? — фыркнула она со своего места.

— Все слышали, не притворяйся, — сказал он. — Я ж не собираюсь тебя теперь за это головой в унитаз пихать.

— Но кто мог об этом узнать? — раздался голос Сидни. Я пожала плечами.

— Подожди... ты хочешь сказать, это кто-то из наших? — Томас раскрыл рот от удивления.

— Билли? — предположила Лекса, выдёргивая свою флэшку из ноутбука. — Ну а что, вполне вероятно.

— Сомневаюсь. — Я покачала головой, затем обратилась к Сидни. — Ладно, Сид, мы, пожалуй, уже пойдём отсюда. Завтра расскажу, что мы нашли.

Она кивнула, и её изображение погасло.

За пару минут мы убрали всё по своим местам (кроме, конечно, личного дневника Хейли) и покинули злосчастную комнату.

Казалось, что мы ввязались во что-то страшное. Или нас погрузили в это что-то. Главное, мы не знали, кто. И это было даже страшнее, чем происходящее.

***

— Об окружающем мире надо говорить правду, — заявил мистер Мэден. — И правд этих всегда много. Вот, например, Шарлотта, эта тетрадь неподвижна?

Я скривилась. Какой чёрт позволил моим родителям дать мне это имя? И ведь самое обидное то, что оно всем нравится. Всем, кроме меня самой. Будто это имя принадлежит не мне, живому, как мне ещё кажется, человеку, со своими эмоциями, чувствами, желаниями, а какой-то вещи.

— Естественно, — не долго думая, ответила я. Вернее, лучше сказать, бросила. Он кивнул.

— А ты что скажешь, Томас?

— Это смотря относительно чего, — сказал Томас. — Вот относительно стола она неподвижна, а относительно, например, вас движется.

— Правильно, Сайфер. Напомни мне потом, чтобы я поставил оценку тебе в журнал.

Ну конечно. Если Томас отвечает, то уж точно правильно, и совершенно железно — на оценку. Хорошую. Даже если говорит всего два слова.

— Ну, относительно меня она неподвижна, — говорю я, и через секунду мне кажется, будто я ляпнула что-то лишнее.

— И ты, и Томас — вы оба правы, — заверил меня мистер Мэден. — Как я уже говорил, правд в жизни много. А вот истина... она одна.

— Какая же? — раздался голос Ала, сидевшего в конце класса. Ал... такой забавный мальчишка. Веселится, радуется жизни. А у нас что? Дурдом.

— "Моя правда — самая истинная", — со значительным видом процитировал мистер Мэден. Он всегда менял голос, когда что-то цитировал. И ещё рукой взмахивал, будто начинал петь оперную партию. — Это из "Женитьбы Фигаро". Читали? Нет? Почитайте. Моя любимая комедия. Фигаро был славный малый. Он ещё говорил, что "есть такая правда, которую все знают, но о которой умалчивают, потому что не всякую правду можно говорить".

— "Есть такая правда, которую все расхваливают, да не от чистого сердца..." — на всеобщее удивление вдруг задумчиво подхватила Бриджет.

— "...потому что не всякой правде можно верить", — закончил за неё мистер Мэден.

— Вы... вы оба... вы серьёзно знаете её наизусть? — ошеломлённо отозвался Тобиас, который как обычно сидел рядом с Алом. При этом он не смотрел на Мэдена, он смотрел на Бри. А Бри сидела как ни в чём не бывало, будто это и не она вовсе сейчас выстрелила цитатой из любимой нашим физиком комедии.

В ответ мистер Мэден лишь лукаво подмигнул ему. А я закатила глаза. Уж что-что, а этот вечный цирк с нравоучениями меня уже начинал раздражать.

Хорошо, что звонок прозвучал меньше чем через полминуты после вопроса Тобиаса. Мэден быстро разъяснил нам, что стоит прочесть в учебнике, хотя читать это будут лишь Томас и Бриджет, и мы, собрав свои тетрадки, устремились к выходу из класса.

И снова мы должны были встретиться в столовой. Понимаю, звучит странно. Будто у нас в школе мест других нет. Знаете, иногда мне тоже так кажется. Потому что коридоры всегда забиты учениками, как улья пчёлами, и там не протолкнуться. Упустишь момент — и всё, тебя ужалили. Кабинеты, хоть они и симпатичные, не вызывают острого желания провести там больше, чем время, отведённое для урока. Вот и получается, что единственное адекватное место во всей школе — столовая. В женский туалет же, который, кстати говоря, у нас не из лучших, ни Томаса, ни Билли не пустят. Хотя Билли, я уверена, с радостью пошёл бы на такой трюк. С него станется.

***

Хейли любила наряжаться, считая, что она принцесса. Помню, как она была разочарована, когда поняла, что ни короны, ни диадемы ей не видать.

Я ненавижу все эти магазины одежды. Ненавижу все эти модные кофточка, платьица, ещё что-то такое же странное. А Хейли любила таскать меня в эти магазины, проводя там ну если не по несколько часов, то всё равно немало времени.

Помню, однажды ей пришлось в голову прикупить новых платьев. Угадайте, какова была моя реакция?

Тем не менее, мне пришлось пойти с ней.

— Почему ты не любишь ходить в магазины, которые не связаны ни с книгами, ни с едой? — спросила она меня тогда.

— Забежать в магазин сувениров я не против, — возразила я, но тут встретила её возмущённый взгляд.

— Дурочку из себя не строй, — сказала Хейли, оперевшись рукой на стенд с вешалками, на которых висели разноцветные майки со странными и не очень надписями. — Все девочки

любят красиво одеваться.

— Может, я не девочка, — пошутила я. — Я люблю удобно одеваться. А красиво... некрасивые вещи я же не куплю, так ведь?

— Всё равно когда ты со мной, все будут смотреть на меня, — захохотав, сказала она. Казалось бы, все и так смотрели на неё. Но нет, ей захотелось больше внимания. Или ради чего она вступила в эту секту? Или чем это сборище являлось.

Лексе удалось раскрыть другие переписки. В принципе, ничего в них интересного не было. Типа "привет, как дела", "до скорого, пока". И ни слова про шабаш. Это было странно.

Личный дневник для нас оставался чем-то священным. Нет, мы не молились ему. И не приносили жертвы. Но мы хранили его до лучших времён, понимая, что в нём мы сможем найти что-то действительно важное. Хотя о каких лучших временах мы можем говорить, когда всё и так уже хуже некуда?

Бриджет была рада принимать во всём этом участие. Она словно почувствовала себя частью чего-то очень важного. Не скажу точно, как я к этому относилась. Сидни вон радовалась, будто в лотерею выиграла. А мне, если честно, вообще по барабану.

Но в то же время это задевало меня, ведь, как оказалось, всё это касалось Хейли. Моей лучшей подруги. Не их.

И по идее, это не их проблемы.

Хотя Бриджет потеряла Джо. Наверное, её можно понять. Мы с ней в каком-то смысле первые жертвы, ведь Хейли с Джо... им уже не плохо, они ж мертвы. А нам плохо.

***

В личном дневнике Хейли был разворот, исписанный одним словом: лес.

Лес, лес, лес...

— Почему лес? — спросил Билли, увидев это.

— Шабаш был в лесу, — напомнила я. — Возможно, дело в этом.

— Возможно, — фыркнул Томас. — Совершенно точно! Но зачем писать это миллион раз?

— Может, она сошла с ума? — осторожно предположила Бри.

Вполне вероятно.

Хотя совсем недавно сумасшедшей мы считали именно Бри.

— Это странная история, — проговорил Томас, и я еле подавила в себе желание воскликнуть что-то вроде: "Да неужели! Как ты догадался?". — И я думаю, надо сходить туда.

— Куда? — непонимающе спросила Сидни.

— В лес.

ГЛАВА 4. ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС

Тот дикий лес, дремучий и грозящий,

Чей давний ужас в памяти несусь!

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Томас

— Да, в лес. И нечего тут смеяться! Не до шуток.

Я вытер рот бумажной салфеткой и снова посмотрел на своих друзей. Те явно не пылали желанием поддержать мою идею. Безумную ли? Это уж можно решать, лишь посмотрев на ситуацию под разными углами.

— Никто не смеётся, Томми, — сказала Чарли. — Просто это сумасшествие.

— Знаю. Прекрасно знаю. Но у тебя есть какие-то другие предложения?

— Ага, конечно есть. Сидеть дома и не высовываться. И покончить с этим! Хватит играть в сыщиков, — разозлившись, она поспешила встать из-за стола.

И тут зазвучала сирена.

Пожарная тревога.

В любой другой день, месяц, год она бы не взбудоражила нас так, как сейчас. Я вскочил с места, схватив Лексу за руку и потащив за собой. Никто не ожидал такого поворота событий. Опрокинув стакан, наверное, с яблочным соком на пол, Сидни подхватила под руку Бри, за ними опрометью бросился Билли. Чарли, действуя несколько заторможенно, оказалась в хвосте нашей компании.

Все остальные ученики нисколько не удивились сирене, некоторые даже решили её проигнорировать. Мы первые выбежали из столовой и устремились к выходу. За нашими спинами раздавались голоса учителей, старавшихся собрать учеников в группы.

— Куда... мы... так... бежим? — запыхавшись, стараясь перекричать сирену, делаю паузу перед каждым словом, спросила Сидни. Я остановился, переводя дух, у самых дверей и, оглянувшись, открыл её и вышел на улицу, поманив остальных за собой.

— Мало ли, что здесь происходит на самом деле, — ответил я на её вопрос, подняв голову. Небо сегодня было такое голубое-голубое, без единого облачка. Аж подозрительно становилось. Наконец, я выпустил руку Лексы, которую, сам того не заметив, сжимал слишком долго. Она чуть смутилась, но через миг вновь смотрела на всех так, будто ничего не произошло.

Вскоре после нас из школы вывалилась толпа народа. Некоторые возмущались, говоря что-то вроде: "Почему это всегда происходит тогда, когда у нас физкультура?", другие молчали, третьи смеялись, общаясь друг с другом.

Чарли нахмурилась, засунув руки в карманы джинсов. Всё это явно действовало ей на нервы, причём уже далеко не первый день. Она изменилась с того дня, как Хейли не стало. Это заметно. Раньше она больше смеялась, улыбалась, да и вообще была более живой, чем теперь. Конечно, это тяжёлая потеря, и её можно понять. Но стоит ли запираť свою душу в клетке, словно птицу, лишь потому, что родственной души больше нет? Я помню, как мы с ней дружили раньше. Что и говорить, я сам тогда был другим. Больше времени тратил впустую, если обобщить всё, не перечисляя. А теперь мне кажется, я стал чуть серьёзнее. Хотя, наверное, мне так только кажется. Кого я пытаюсь обмануть? Окружающих? Самого себя?

Но если я себя не обманываю, то с уверенностью могу сказать, что сейчас Шарлотта никаких изменений во мне точно не увидит. Месяца четыре назад — пожалуйста, теперь — нет. И я даже не знаю, обидно мне или нет. Ладно, шутки в сторону. Не обидно. Было бы из-за чего обижаться. Она даже не заметила, что я полюбил литературу, а если и заметила, то наверняка подумала, что всё дело в мистере Мэдене. Или в миссис Дженсен, которая эту литературу как раз преподаёт. Но нет, она не в моём вкусе. Потому что я в учительниц не влюбляюсь.

И после этой фразы те, кто меня не знает, подумали бы, что я тихоня и ботаник. Учитывая, что Чарли, как выяснилось позже, изначально думала, что я — странный интроверт. Неужели я действительно произвожу впечатление правильного мальчика? Да это просто разочарование года. Века. Жизни.

Сидни с Шарлоттой после того события ещё больше сблизилась. Раньше они не так много общались, потому что у Чарли была Хейли, а Сид... Сид всегда была третьей, но не лишней, а добавочной. Сейчас у меня складывается такое впечатление, будто Шарлотта от неё отдаляется. Нет ли здесь противоречия? Всё случилось три месяца назад, а значит, получается, что их дружба выдержала всего лишь такой небольшой срок? Я этому не удивляюсь, и никому не советую. Потому что Чарли — это Чарли, её понять невозможно было и раньше, а теперь тем более. Но она всегда останется моей лучшей подругой, потому что другой такой не найти. Мы должны принимать наших друзей такими, какие они есть, иначе упустим их и то, что мы в них ценили.

Лекса всегда была четвёртой. Она то приходила к нам, то уходила от нас. Больше всего она привыкла общаться с Билли, чем тот безумно гордится, но я здесь поводов для гордости не наблюдаю. О чём она с ним общаться может? О каких-то примитивных вещах? О других с ним просто не поговоришь. Билли — тот человек, который заржёт, как лошадь, от самого идиотского прикола, наверняка от своего собственного. Когда-то это действительно было смешно, но сейчас это зачастую действует на нервы. Но он мне как брат. У нас столько общих воспоминаний, скольких нет у самых влюблённых парочек. Так что мне приходится терпеть его затянувшийся переходный возраст. Или это затянувшееся детство, в которое просто вклинились якобы взрослые шуточки?

Лекса, как и Шарлотта, не училась с нами с первого класса. Из первоначального состава и остались-то мы с Билли и Сидни. Лекса пришла через три года, пораньше, чем Чарли, но позже Бриджет. Да, Бриджет уже давно учится с нами, но всегда была незаметной. А если её замечали, то думали, что она странная. Я могу ошибаться, но по-моему Лекса дружила с ней какое-то время. И даже получала отметки А по всем предметам. Теперь ей такое и в страшном сне не приснится. Интересно, а ей снятся кошмары? Или ей хватает их в реальности? Той ночью на кладбище она единственная молилась. Не потому ли, что она боялась, что её кошмары претворятся в реальность? А ведь многие уже претворились. Я просто знаю, что в прошлом году смерть преследовала её по пятам. Тогда она и стала больше общаться с нами. И мы её поддерживали. Сначала погибла её бабушка, потом отец, потом хомяк, и всё это она восприняла не то как кару, не то как ещё что-то такое. Для неё это было не совпадением. А в этом году погибла её подруга. Но она держится, молодец. Ею можно гордиться. Не общением с ней, хотя им, наверное, тоже, но ею самой.

И вот теперь мы все попали в странную ситуацию, которой я даже не могу дать назвать. Поверить в то, что в нашем городке началась серия убийств, невозможно, потому что убийцей должен быть человек или в крайнем случае животное, но то, что случилось с Джо,

человеку неподвластно. Я посмотрел достаточно фильмов, чтобы осознать, что никакого Фредди Крюгера у нас быть не может. Но верить во что-то паранормальное — это ли не глупо? Особенно человеку, который не может прожить без физики и биологии? Я сейчас абсолютно серьёзно говорю, без всяких шуток.

— Почему вообще случилась эта пожарная тревога? — недовольно поинтересовалась Сидни. Когда она волнуется, она очень много говорит. Иногда забавно её игнорировать. Она потом так злится, как рассерженный цыплёнок.

— Не удивлюсь, если проблема в чём-то совершенно обыденном, — ответила Бри.

— Например?

— Например, кто-то закурил в туалете, — сказал я.

И если бы Билли не стоял тут, рядом с нами, я бы подумал, что закурил он.

— Тот, кто хорошенько покопался в моей комнате? — Сидни побагровела. И я даже не знаю, отчего.

— Пожалуйста, давайте хоть здесь обойдёмся без всей этой сверхъестественной чепухи! — взмолилась Лекса.

— Не выйдет, — скучающим голосом встрял в разговор Билли. — У меня такое ощущение, будто сейчас каждый наш шаг будет на этом повязан.

— Заткнись, — оборвала его Лекса, сморщившись так, будто увидела труп.

— И не подумаю, — продолжил он, покачиваясь на носках. — Вот представь ты себе такую картину: заходишь ты в кабинет биологии, а там скелет. Ну, думаешь, скелет и скелет, разворачиваешься, а потом чувствуешь, что кто-то у тебя за спиной шевелится. Поворачиваешь голову, а там...

— Билли, что ты мелешь? — прервал я его на полуслове. — Ладно у тебя голова дурная, другим-то не мозги не морочь!

— Кто бы говорил, — вдруг отозвалась Шарлотта. — Это у тебя-то голова не дурная?

Я закрыл лицо ладонью. Чарли порою невозможно было понять, а иногда она умела надоедать. Или раздражать. Удивительно, как много впечатлений может оставаться от одного человека.

Вдруг учителя начали зазывать нас обратно в школу, показывая, что всё в порядке, что пожара нет, мы не сгорим, и нашим жизням ничего не угрожает. Пока что.

Не знаю, что некоторые испытывают, заходя в здание школы. Разочарование? Логическую незавершённость? Радость?

Я вот просто хочу домой, пусть это и звучит слишком по-детски. Дома нет никаких монстров, кроме своих собственных.

***

После последнего урока выяснилось, что проблема, как и говорила Бриджет, действительно была заключена в самом обыденном. Причём до такой степени обыденном, что становилось смешно. Что думали мы? Какой ужас, снова нас хотят убить, ну или напугать, как тогда на кладбище. Что мы получили? Двух охранников, которые в своё время плохо слушали маму, когда она учила их готовить. Почему у них сгорела каша? Вопрос интересный, но моего внимания не заслуживающий.

Всей дружной, или не очень, компанией мы решили двинуться ко мне, чтобы решить, что делать дальше. Казалось бы, любой на нашем месте уже плюнул бы на всё это. Но здравого смысла в наших головах, видимо, меньше, чем любопытства. И кто знает, хорошо это или плохо. Но я считаю, что это к лучшему. И пусть я часто ошибаюсь.

Мама сегодня на работу не пошла. Она у меня ветеринар. Хотя животных у нас дома нет. В детстве я мечтал о щенке, но потом выяснилось, что у меня аллергия. Я, как ни стыдно признавать, долго плакал, но в итоге пришлось смириться. А что ещё мне оставалось делать?

— И куда вы такой толпой собрались? — поинтересовалась мать, когда мы переступили порог моего дома. Соглашусь, выглядело это действительно странно.

— Мы... э-э-э... мы будем делать биологию, — не сразу нашёлся я.

— Все вместе?

— Все вместе, — подтвердил я и для пущей уверенности кивнул. Мама окинула нас взглядом, который мог означать всё что угодно. Например, "убирайтесь, пока я не вызвала полицию". Или "проходите, не стесняйтесь, у нас тут булочки с корицей". Хотя мы и так уже вошли внутрь. Но булочек с корицей у нас нет, потому что мать их печь не умеет, отцу это не нужно, а мне лень.

Бриджет улыбнулась, и мы пошли наверх, в мою комнату.

Мама недовольно смотрела на нас, пока Билли, который шёл последним, не миновал последнюю ступеньку, а потом развернулась и пошла на кухню. Знать бы, что у неё в голове.

Первым делом я включил ноутбук.

— Дневник Хейли у тебя с собой? — спросил я Чарли. Та кивнула. Решение отдать дневник ей было принято единогласно и безо всяких сомнений. Она вытащила дневник из сумки и протянула мне, а я знаком велел ей отдать его Лексе, вбивая пароль на своём ноутбуке.

— Лекса, доставай флэшку, скинем мне переписки.

Шарлотта тем временем стала листать дневник, стремясь найти там что-то, чего мы ещё не видели. Уверен, там ещё много чего от нас сокрыто.

Бриджет села на диван, рядом с ней устроилась Сидни и тут же уткнулась в свой телефон. Билли начал свистеть, за что Чарли запульнула в него подушкой.

— Что не так? — возмутился он.

— Билли, займись делом, — сказал я ему, не отрываясь от экрана.

— Каким? Станцевать стриптиз?

— О нет, избавьте меня от этого, ради всего святого, — страдальческим голосом взмолилась Лекса.

Вдруг у Сидни прозвучало уведомление на телефоне. Ну мало ли, может, сообщение от мамы. Только вот реакция была не такой, как если бы ей написала мама.

— О чёрт, — прошептала она.

Бри тут же взяла у неё из рук телефон и побледнела. Видимо, там было что-то действительно странное, пугающее, из ряда вон выходящее.

— Что за ересь? — взвизгнул Билли. Я принципиально не стал обращать на них внимание, хотя любопытство меня распирало. И тут он протянул телефон прямо перед моими глазами, так, что мне пришлось отвлечься от копирования переписок.

«Решили развлечься? Сходили бы в кино, в боулинг. Неужели вам непонятно, что вы сделаете только хуже, если начнёте во всём разбираться? Хотя... Это ведь именно то, что вам было предназначено, неудачники.»

— Кто это написал, Сид? — спросил я, разворачиваясь на стуле.

— Номер не определён, — дрожащим голосом ответила она. — Чёрт, почему именно мне надо это писать!

— То есть, если бы это прислали Бри, было бы лучше? Прости, Сидни, я тут логики не вижу. Прислали это всем нам.

— И что же это? — поинтересовалась Лекса.

— Это предупреждение, — ответила Бриджет. — Это угроза. Кто-то очень не хочет, чтобы раскрылась правда. Правда о шабаше, о гибели Джо. Кому-то очень выгодно держать нас и весь город в неведении. Вот только кому?

— Весь город? — переспросила Чарли. — Сомневаюсь. Это написал кто-то, кто имеет возможность следить за нами. А значит, он живёт в Тэррифилде. Или его сообщники живут в Тэррифилде.

— Номер точно неизвестен? — переспросил Билли. Сидни покачала головой.

Наконец, все переписки скопировать сб на мой ноутбук, и я вернула Лексе флэшку.

— Что бы ни говорил этот придурок, которому вздумалось нас напугать, мы на начатом не остановимся, — сказал я. — Ведь так?

— Так, — согласилась Лекса. А остальные посмотрели на нас, как на идиотов.

— Вам что, поскорее умереть захотелось? — спросила Сидни. — Я, конечно, понимаю, что скоро тест по биологии, к которому подготовиться невозможно...

— Всё возможно, если захотеть! — перебила её Шарлотта.

— ...но как это относится к тебе, Томас? — закончила свою фразу Сид и посмотрела на меня с осуждающим взглядом.

— Ты боишься? — прямо спросил я у неё, глядя ей в глаза.

— Да, — просто ответила она.

— Не надо. — Я нервно усмехнулся. — Не поможет. Что там тебе написали в записке? "Не надо бояться"?

— "Но нужно молиться"... — закончила она фразу. Вид у неё при этом был потерянный.

— Это, конечно, тоже вряд ли поможет, но...

— На кладбище помогло, — вдруг вспомнил Билли.

— Может, это просто совпадение, — беспристрастно предположила Шарлотта. Вернее, она не предполагала — в своих словах она была уверена на все сто процентов.

— А что, если нет?

Я устало махнул рукой и снова вернулся к своему ноутбуку.

Первую переписку мы уже прочитали, пусть и не все, но остальным мы передали основную идею, пока ехали ко мне домой. Сейчас читать её после полученного нами сообщения было бы безумием, поэтому я решил листать дальше.

Содержание следующей переписки, как и первой, выглядело весьма расплывчатым.

MidnightGirl: Привет! Сегодня встретимся, как и договорились?

NightWolf: Салют. Конечно. Ты никому не рассказала о нашей встрече?

MidnightGirl: Нет, мне же некому.

NightWolf: Точно? А эта твоя подруга... как её...

MidnightGirl: Чарли?

NightWolf: Ага, она.

MidnightGirl: Она надо мной смеяться будет, если я ей расскажу. Она не поверит.

NightWolf: Тем лучше. Уговор помнишь?

MidnightGirl: Естественно.

NightWolf: Помни, что ты поплатишься за малейший прокол.

NightWolf: И ещё: твои привязанности тебя погубят.

Твои привязанности тебя погубят...

Хейли всегда была образцовой девочкой. Принцессой. Все её обожали, холили, лелеяли, души в ней не чаяли. Она знала эта, а потому вела себя соответствующе. Держала себя так, будто всякие незнакомые нам люди её недостойны, будто она королева, а они ей должны подчиняться. Я никогда близко с ней не общался. Она не то чтобы не в моём вкусе, но доверия никогда у меня не вызывала. Куколка, которая всё время улыбается. Все ли куклы умеют плакать? Я никогда не видел её слезы, но разве это значит, что их не было?

Её погубил шабаш. Её погубило то действие, которое она пыталась свершить с остальными участниками. Какой-то круг...

И тут меня осенило.

Её действительно погубила её привязанность.

Её погубила Чарли.

— Что последнее Хейли произнесла? — задумчиво спросил я.

— Она кричала моё имя, — ответила Шарлотта. Я усмехнулся.

— А пароль у неё какой на компьютере был?

— Моё имя... что ты хочешь этим сказать?

— Не ты ли её привязанность, которая её погубила?

Чарли поперхнулась от услышанного и посмотрела на меня такими глазами, будто я сейчас сказал, что Славная революция случилась не в 1688 году, а в 1799. Или что у кольчатых червей пищеварительная система ветвистая, а не сквозная, с передней и задней кишкой. Соглашусь, все эти намёки, ранее исходившие лишь от Билли, действительно выглядели странно, но сейчас других идей у меня не возникало.

Конечно, у Хейли был Джейк. Но у Чарли же никого не было. Вдруг Джейк был лишь прикрытием? Но ведь мы понятия не имеем, кем был Джейк на самом деле. Очень странный тип — вот, что можно сказать о нём наверняка. Познакомилась с ним Хейли в том же кафе, что и с таинственным незнакомцем, скрывающимся под ником NightWolf, уехал сразу после гибели своей девушки. Будто он... будто он был причастен к этому...

А вдруг Джейк и был этим незнакомцем? Тогда у всего было хотя бы логическое объяснение.

И тут у меня появилась идея. Не безумная, но наверняка действенная, а если нет, то попытка, как говорят, не пытка.

Никому не говоря ни слова, я быстро зашёл на сайт, где переписывались Хейли и этот NightWolf, и стал создавать свой аккаунт. Известно, что самую достоверную информацию можно получить лишь из первых уст, поэтому шанс, который сейчас нам может предоставиться, упускать нельзя.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Лекса, усаживаясь рядом со мной.

— Напишу этому товарищу, — ответил я, заполняя поле "логин". Пусть будет DarkAnimal, всё равно это не навсегда, а на один день. Или на два. Смотря как сложится наше общение. Тем более, вдруг его привлечет слово "тёмный" в никнейме? Да и с "животным" в принципе никакой ошибки нет, человек ведь млекопитающее.

— Ты точно не под наркотиками? — спросил Билли, глянув на экран.

— Только если ты мне чего-то не подсыпал.

Быстро заполнив все необходимые для регистрации данные, я зашёл на свою, только что созданную страницу. Безусловно, никакой настоящей информации обо мне там никто в

здравом уме найти не сможет. Это же сразу может сдать меня в лапы врага. Именно врага, потому что я не сомневаюсь, что NightWolf — враг. Но даже с врагами можно найти общий язык.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — спросила Сидни. — Что, если это он написал нам сейчас сообщение? И ту записку, которая нашлась у меня в комнате?

— Вот сейчас и выясним, — бодрым тоном сказал я.

— Чисто теоретически, он сможет вычислить нас, если захочет, — отозвалась Бриджет. — Но если ты прямо спросишь, он ли писал эти сообщения, вычислить нас ему будет гораздо проще.

— Хорошо, сами тогда сочиняйте, — я встал с места, подняв руки вверх. Бри тут же села на мой стул, сжав мышку в правой руке. Было видно, что она и сама-то не особо понимала, с чего начать. И тут с ней поспорить быль нельзя — ситуация действительно не из лёгких. Даже если у тебя IQ выше 140, это не значит, что ты всегда сможешь встать на правильный путь.

— Наверное, стоит начать с банального "Привет", — предложила Лекса.

— Глупо, — тут же отвергла эту идею Бри. — Надо что-то такое написать, что бы сразу ввело в тему. Какую-то динамику ввести.

— Это тебе не Романтизм, — сказал я. — Мы же не балладу пишем.

— Можно и балладу, — она пожала плечами. — С такими событиями только их и писать.

Наконец, после долгих раздумий, мы сделали первый шаг. Мы шагнули в пропасть, чьей глубины не знали, не знали, будет ли больно падать, или внизу нас ждёт гора подушек и перин. Но мы начали падать, и взлететь мы уже не могли.

DarkAnimal: Слышал, в Тэррифилде устраивали шабаш месяцев так три назад. А следующий когда будет?

— Что, если он давно не заходил в этот чат? — с опасением предположила Сидни. — И мы ведь даже не все переписки с Хейли прочитали! Может, там кроются ответы на мучающие нас вопросы.

— Сид, ну вот что ты паникуешь? — закатив глаза, сказал Билли. — Зайдёт этот NightWolf, прочитает, ответит нам. У него просто нет другого выхода.

Штука в том, что выход у него был, причём не один. Но Билли я этого говорить не стал — не нужны мне лишние перепалки.

И тут раздался звук пришедшего сообщения. Мы тут же метнулись к ноутбуку, затаив дыхание.

NightWolf: Мы знакомы?

— О да, мы учились в одном колледже и однажды пересеклись в столовой, где ты пролил на меня свою колу, поэтому теперь я буду тебе мстить, — саркастическим тоном провозгласил Билли.

— Не смешно, Старк, — проговорил я, погружаясь в свои мысли. А ведь вопрос действительно был не самым лёгким. Вдруг мы действительно были знакомы?

Тем временем, Бри шустро написала ответ.

DarkAnimal: Нет, но ведь могли бы. Знаешь, я так увлекаюсь всеми этими обрядами, хотелось бы посмотреть на это вживую.

— Какими обрядами? — спросила Чарли. — Господи, Бри, вот спросит он тебя сейчас, какими именно, а ты что ответишь?

— Напишу ему про скалу Блокула в Швеции, — как ни в чём ни бывало ответила Бриджет, барабанив пальцами по столу.

— Про что? — непонимающе переспросила Шарлотта.

— Про скалу Блокула, — повторила Бри. — Легендарное место шабаша ведьм.

Ноутбук отчаянно пискнул, возвещая о новом послании.

NightWolf: Интересно. Уверены, что хотели бы организовать встречу?

— Почему он пишет во множественном числе? — дрогнувшим голосом спросила Лекса.

— Потому что это ловушка, — просто ответил Билли. — Птички захотели полетать, птички решили, что они в безопасности. Птички попались в клетку. Птичкам грозит...

— Заткнись! — чуть не взвизгнув, прервала его Лекса. — Господи, за что... за что нам это всё...

— Сама же говорила, что мы на начатом не остановимся, — ехидно заметила Чарли.

— Будешь говорить всё, что угодно, если хочешь правосудия, даже не думая о последствиях, — ответила она, поджав губы.

Бриджет откинулась на спинку стула, грызя ногти. Она нервничала, едва ли не сильнее всех нас вместе взятых. Но я готов поклясться чем угодно, раньше ей в таких ситуациях оказываться не приходилось, и поэтому ей это сейчас нравилось. Так же, как людям нравится играть в русскую рулетку.

Что и говорить, все мы тут боялись, но именно страх подталкивал нас двигаться дальше.

Пальцы Бри вновь застучали по клавиатуре.

DarkAnimal: Было бы неплохо.

NightWolf: Что ж... Тогда встретимся сегодня ночью. В лесу.

— Каком ещё, чёрт бы вас подрал, лесу? — возмутилась Сидни. — Я ни на какой лес контракт не подписывала! Может, у меня аллергия!

— На что? На жизнь?

— На насекомых!

NightWolf: И помните: если не придёте все вы, все вместе, то будете пенять на себя. Это будет только ваша вина.

На этом чат был завершён.

Билли тихо присвистнул.

— Добро пожаловать в Ад, — сказал он в наступившей тишине.

***

Выполнить желание таинственного незнакомца приравнивалось к самоубийству. Но не выполнять его тоже означало верную смерть, иначе как понимать его угрозу?

Главной проблемой являлось то, что увильнуть из дома ночью — задача не из лёгких. Если у Чарли родители более чем лояльны, у Сидни мать больше думает о своём маникюре, чем о своей дочери, Билли уже все привыкли видеть дома не раньше трёх утра, то со мной, Бри и Лексой ситуация обстояла иначе.

Про Бри можно разговор даже не начинать: в глазах родителей она — умница и отличница, и этот имидж, этот образ нельзя рушить, даже если этого потребует президент Соединённых Штатов Америки.

Родителей Лексы разочаровывать тоже было опасно, ведь в их лицах она на плохую девочку, как ни удивительно, не тянет. Лекса дома и Лекса с нами — это два абсолютно разных человека.

Ну а про моих и говорить нечего. Мать никогда не поддерживала мою дружбу с тем же

Билли, хотя со временем ей пришлось смириться. И ко всем вечеринкам и сборищам она относится скептически. А к ночным походам — тем более.

Первое, что нам пришло в голову, — пустить слух, что Сидни устраивает вечеринку, но эта идея сразу была названа провальной, и не зря. Потому что о смерти Джо, может, в городе уже не говорят, но вечеринки устраивать запретили. Минимум — на месяц, максимум не определен.

И других идей у нас не возникало. Сбежать тайно, через окно, сделать вид, что вышли подышать воздухом — всё это не подходило. Призвать духов, помолиться, написать письмо Санта Клаусу — недействительно, либо отнимает кучу времени, которого у нас и так нет.

Таким образом, мы сами поставили себя в ситуацию не просто глупую, но в безвыходную и, вероятно, смертоносную.

Ребята ушли минут через двадцать после завершения переписки. И мама провожала их таким взглядом, будто они что-то украли. Например, её доверие. Хотя Бри улыбнулась напоследок, как ангелок, и только у самого чёрствого человека от этой улыбки могло не растаять сердце.

Я взял телефон и набрал номер Лексы — мы договорились с ней созвониться.

Трубку она взяла не сразу.

Наконец, я услышал её голос, по которому можно было судить, что волнение её не оставило.

— Нет, — сказала она, вздохнув. — Не пускают.

— Я даже спрашивать не буду, и так всё ясно, — ответил я. — Подожди, а как ты им сказала?

— Кто-то идёт, — не ответив на мой вопрос, сказала она, даже не столько мне, сколько самой себе. Я представил, как она выглядывает в коридор, стоя у стены, и на миг мне самому стало не по себе.

— Показалось, — дрогнувшим голосом продолжила она. — Да так, обыкновенно. Спросила, отпустят ли меня кое-куда ночью.

— И ты, конечно, не сказала, что в лес, — больше утвердил, чем спросил я.

— Не сказала.

— Будут думать теперь, что ты хотела переспать с кем-нибудь пол покровом ночи.

Она фыркнула.

— Ладно, я сообщу, если будут какие новости, изменения, — сказала она. — До связи.

— Пока.

Она бросила трубку, и я бросил телефон на кровать. Затем оглядел комнату отсутствующим взглядом, хмыкнул и вышел за дверь. Кажется, я проголодался.

Спускаясь по лестнице, я заметил, что мать стояла внизу с озадаченным видом. Увидев меня, она подошла к нижней ступеньке и, не дожидаясь, когда я спущусь к ней, начала говорить:

— Мистер Клаус написал, что сегодня ночью у вас будет специальное занятие... это правда?

Меня будто гвоздями в пол вбили. Я чуть было не покачал головой, но тут же улыбнулся.

— Да, мам, правда. Понимаешь, биологию... э-э-э... биологию лучше изучать на природе, в реальных условиях, как, собственно говоря, и физику, но сейчас речь не об этом. В общем, да.

Мать подняла брови, но кивнула, что означало, что мне она верит. И сообщению от мистера Клауса тоже.

Правда, я был уверен, что мистер Клаус это сообщение не писал.

Наш враг так хочет с нами встретиться, что решил нам помочь. И я понятия не имею, радоваться этому или нет.

Зайдя на кухню, я подошёл к столу, на котором стояла вазочка с конфетами, и взял себе несколько. Потом направился обратно к себе в комнату, с самым неприятным чувством. И чувство это родилось не столько потому, что пришло это фальшивое сообщение, сколько потому, что я отреагировал на его приход гораздо спокойнее, чем следовало бы.

Только я сел за стол, чтобы по решать задачи по физике, как чуть не подпрыгнул на месте от внезапного уведомления на своём телефоне. Я встал, подошёл к кровати, взял телефон...

В заумных книжках с героями с трепещущими сердцами, вернее, женоподобными героями, написали бы, что я обомлел, что у меня вздрогнуло сердце, побледнело лицо. И я лишился чувств. Но на деле я просто смотрел на экран, на котором было сообщение от неизвестного абонента, подняв правую бровь. А потом поднялась и левая.

«Получил известие? Твои друзья теперь тоже смогут отправиться на ночную встречу. Своё дело я — или мы — выполнил или выполнили. Теперь очередь за вами. Встретимся в пол девятого.»

***

Итак, в восемь вечера мы снова встретились у моего дома. Чарли притащила фонарики, оставшиеся после того её трагического похода, Бри — компас, хотя я понятия не имею, нужен он или нет. Лексе прямо-таки не стоялось на месте: она всё время встряхивала ноги и тёрла руки, будто ей было холодно.

Сидни и Билли решили двинуться своим ходом. Почему именно они и вместе — не знаю и знать не хочу.

Чарли уселась на пассажирское место рядом со мной, Лекса и Бри сели за нами. И сидели они как на раскалённых углях.

— Я не верю, что всё закончится нормально, — сказала Бриджет, как только мы выехали на дорогу. — Я хочу в это верить, но я не могу.

— Все мы хотим того, что невозможно, — пожал плечами, сказала Шарлотта. Она, как казалось, вообще не волновалась. Ни капельки. И я действительно был поражён этому.

— Как ты можешь сохранять спокойствие, когда всё вот... всё вот так? — спросила Лекса. Чарли вздохнула и обернулась к ним.

— Просто я уже слишком много видела. Меня уже не напугаешь.

В каком-то смысле она даже была права. Всё же это она видела, как погибла Хейли, не мы.

А теперь мы ехали туда, где всё случилось. В надежде, что получим какие-то ответы.

Вскоре мы подъехали к лесу и вышли из машины, решив припарковался прямо тут, у входа. Сидни и Билли уже ждали нас, причём было видно, что Сид от общения с моим другом была не в восторге. А может, от предстоящего вечера. Кто знает.

— Выдвигаемся! — заорал он, заметив нас. Я еле сдержался, чтобы не закрыть лицо ладонью, лишь бы не видеть этого придурка. В таком состоянии, в каком он был сейчас, поговорить с ним адекватно невозможно.

И мы двинулись туда, откуда возвращаются не все. И что-то подсказывало мне, что этот

вечер не станет исключением.

Я боялся, что кого-то из своих друзей сегодня вижу последний раз.

Шли мы долго, минут семь, наверное, и молчали, потому что язык не поворачивался что-либо сказать. Вдруг любое сказанное слово использовались бы против нас? Мы не знали правил этого леса, грозящего нам смертью, и чем дальше мы по нему продвигались, тем яснее становилось, что всех его тайн нам никогда не удастся разгадать.

Тишину нарушила Чарли, внезапно сорвавшаяся с места.

— Это здесь! — воскликнула она. — Это здесь было! Чёрт побери, это было...

Она остановилась как вкопанная. Я встал рядом с ней и раздвинул кусты, надеясь увидеть за ними ту самую поляну, на которой, как рассказывала Шарлотта, и прошёл тот самый шабаш.

Однако вместо поляны я увидел приземистый двухэтажный домик.

— Что это? — спросил я.

— Его тут не было, — уверенно заявила Чарли. — Я готова поклясться чем угодно, но этого тут не было.

Мы осторожно перебрались через кусты и подошли поближе. Никого рядом с домом не было, да и сам он выглядел, скорее, как хижина какого-нибудь лесника. Вернее, очень богатого лесника.

— Не нравится мне это место, — чуть ли не шёпотом сказала Бри.

— Думаю, те, кто тут живёт, тоже от этого места не в восторге, — Лекса улыбнулась. — Но мы тут всего на одну ночь.

— Многое может произойти за одну ночь, — заметила Бриджет. Тут я не мог с ней не согласиться.

— Зайдём внутрь, — резко сказала Чарли и подбежала к двери. Я не нашёлся что и сказать, поэтому ринулся за ней, хотя лучше было её остановить. Никто не знал, что ждало нас впереди.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет. Нет, зачем это? — попыталась возразить Сидни, но её никто не слушал.

— Только не говорите, что там сидит наш знакомый-незнакомый волк, — гоготнул Билли, придерживая дверь для Бри и Лексы, которые зашли самыми последними. — Потому что это точно не так.

Что ж... он не ошибался.

В доме свет был выключен, что мы, конечно, заметили ещё на улице. Я пошарил рукой по стене в поисках выключателя, и через миг комната озарилась тусклым светом.

И Бри испуганно отскочила, глядя на противоположную стену и зажимая рот ладонью. Я проследил за её взглядом и тоже был повержен в шок.

На стене зияла надпись, написанная кровью, причём свежей. Человеческой ли, свиной ли, но это зрелище по-любому выглядело больше, чем просто устрашающе.

«КТО ПОСЛЕДНИЙ — ТОТ УМРЁТ»

— Кто последний что? — непонимающе спросила Лекса. — Последним зашёл в дом? Последним выйдет? Что происходит?

— Надо бежать, — сказал я.

— Просто бежать? — удивилась Чарли. — Ничего не посмотрев?

— Да, Чарли, просто бежать, причём как можно быстрее! — взорвался я

Билли распахнул дверь и выскочил на улицу.

— Разделимся! — воскликнул он.

— Ты идиот? Нельзя разделяться, надо вместе держаться!

— Я пойду с Лексой, ты иди с Чарли, а Сид пойдёт с Бри! — не слушая меня, сказал он. — Это по одному разделяться нельзя, а по двое — почему бы и нет?

И, не дав мне времени на возражения, он схватил Лексу за руку и потащил за собой в чащу леса, надеясь найти выход из этого Ада. Сидни с подозрением посмотрела на меня.

— Ты за разделение? — спросила она меня.

— Видимо да. — Я подошёл к Шарлотте, невесело ухмыльнулся и поманил её за собой.

С какой-то стороны, Билли был прав, когда предложил нам разделиться. Надпись в доме гласила, что кто последний — тот и умрёт, а как решить, кто последний, когда мы разделились? Если бы мы бежали всей толпой, тогда понятно. А так мы лишь усложнили врагу задачу. Вот только мы всё равно прекрасно понимали, что наш враг — это нечто, способное на многое, что не подвластно человеку. И что от него ждать, мы не знали. Мы могли сделать верный шаг и даже не догадываться об этом, а могли сделать неправильный, зато с полной уверенностью, что мы правы. Всё это было слишком запутано. Запутаннее, чем какая-нибудь дилемма, вроде вечного вопроса о том, что было раньше — курица или яйцо? Хотя учёные недавно уже доказали, что первым всё-таки было яйцо. А тут нам никакой учёный ничего не докажет, только сочтёт нас за сумасшедших.

Мы с Чарли пошли по ому же пути, каким пришли сюда. Именно пошли, а не побежали, потому что идти было не так уж далеко.

— Жутко, наверное, быть здесь после того случая, — сказал я, чтобы разрядить обстановку.

— Не особо. — Она махнула головой. — Ну да, здесь умерла Хейли. И что?

— Слишком быстро ты меняешь своё настроение, — заметил я. — На кладбище рыдала, а сейчас...

— Зачем рыдать из-за того, что уже не изменишь?

— Действительно.

Мы прошли ещё метров десять, как вдруг...

Вдруг мы услышали крик. Пронзительный, громкий, полный отчаяния крик. И этот крик нам был знаком. Знаком ещё с вечеринки Сидни.

Шарлотта вмиг сообразила, в какую сторону бежать, и я поспешил за ней.

— Бриджет! — за кричала она, набирая скорость. — Бри!

Впервые за долгое время, она встревожилась. Ей по-настоящему было страшно. Как и мне. Я не мог представить, что мы действительно кого-то потеряем сегодня. Пожалуйста, пусть это будет просто сон. Я не хочу никого терять.

С этими мыслями я, вслед за Чарли, выбежал на поляну, и на миг подумал, что, должно быть, это и есть то самое место проведения шабаша... но лишь на миг. Потому что в следующий миг об этом думать я уже не мог.

На траве лежала Лекса, а над ней стояла Бри. Нет, это лежала какая-то незнакомая девушка, нет, это не могла быть Лекса, это не Лекса, это не Лекса...

Я повторял это про себя, словно мантру, потому что не мог верить тому, что видел.

Я опустился на колени рядом с ней и приложил руку к её лицу. Она всё ещё была жива, вот только уже была близка к смерти. Её лицо побледнело, у рта виднелась кровь.

— Что случилось? — обеспокоено спросила Чарли.

— Я не знаю! — Бри дрожала, словно осиновый лес. — Так получилось, что Билли и

Лекса побежали в ту же сторону, и мы как-то встретились, и Сидни убежала вперёд, а он за ней, а потом... — фразу она не закончила, захлебнувшись слезами.

— Уходите, — хрипло проговорила Лекса. — Всё в порядке.

— Молчи, молчи, пожалуйста, — я стал её умолять, глядя по шелковистым волосам. —

Мы сейчас вызовем скорую, и тебе помогут.

Она еле заметно покачала головой.

— Нет, — выдавила она и закашлялась. — Нет, вы...

— Не думай о нас, о тебе сейчас речь! Господи, Лекс! Лекс, это не должно заканчиваться вот так, это...

И я заплакал. По-настоящему.

От сегодняшнего вечера я ожидал всего, но только не этого. Только не ухода одного из нас. Только не ухода Лексы.

— Мы спасём тебя, слышишь? — прошептал я, заглядывая ей в глаза. — Только не уходи. Пожалуйста, Лекс, держись. Ради нас. Ради меня, Лекс, пожалуйста...

— Томас...

Она посмотрела на меня. Она тоже плакала, вот только её слёзы были гораздо горше моих. Для неё эти слёзы могли быть последними.

Она открыла рот, пытаясь что-то сказать, но вдруг обессилено ослабла в моих руках. Последнее, что ей удалось сделать — закрыть глаза.

— Лекса... — прошептал я, не веря тому, что произошло. Но она не отвечала, ведь её уже не было здесь.

Я почувствовал руку Шарлотты на своём плече. Бри сидела в стороне и рыдала. Это не должно было закончиться так, и мы все это знали.

И я закричал от отчаяния, от боли, которая свалилась на меня и всех нас так внезапно, так не вовремя. Мы же не заслужили этого! За что, за что нам это всё?

А может, мы и вправду заслужили?..

ГЛАВА 5. ОСТЫВШИЕ ОБЪЯТИЯ

Там вздохи, плач и иступленный крик

Во тьме беззвёздной были так велики,

Что поначалу я в слезах поник.

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Шарлотта

Похороны устроить решили серьёзные. Не такие, как у Джо были. Стало понятно, что скрывать произошедшее — бессмысленно.

До сих пор помню безжизненное лицо Лексы. Говорят, после смерти люди становятся красивее. Наверное, это своеобразное издевательство над людьми. Мол, будучи живым, считал себя фриком? Зато, будучи мёртвым, ты будешь люб всем! Нет, я не говорю, что Лекса была уродиной или что-то вроде этого, и не потому, что о мёртвых надо говорить только хорошее. Вообще-то, о мёртвых говорят или хорошо, или ничего, кроме правды. Лекса была симпатичной, весёлой, и её нам будет не хватать — вот правда о ней, ушедшей столь рано, столь странно, столь незаслуженно.

Она была бледна и спокойна. Томас, глядя на неё, снова плакал. Не как ребёнок, который потерял любимую игрушку, но как боец, оплакивающий товарища по бою. Я раньше никогда не видела, чтобы он плакал. Он всегда держался. Даже когда ногу сломал лет в тринадцать, хотя это было по-настоящему больно. Но физическая боль порой не сравнима с душевной, хотя некоторые считают, что так говорят те, кто физической боли никогда не знал. Что ж, верно. Мне посчастливилось за свою жизнь ни разу ничего не сломать. Но ведь если ты сломал руку, то через пару месяцев она будет как новенькая, а если умер твой близкий человек, то встретиться с ним ты сможешь уже только на той стороне. Если она есть.

Томас плакал. А потом полусшёпотом сказал, выдавливая из себя слова:

— Я любил её.

И я обняла его. Крепко-крепко.

Томас, Томми, мой лучший друг, почему я не знала этого твоего секрета? Ты всегда был удивительным, но ни я, ни кто-либо другой и понятия не имели, что ты можешь от нас что-то скрывать. Оказалось, мы совсем не знали тебя. А ты любил Лексу. Ты любил её и потерял. И это чертовски больно.

Сидни будто изменилась в лице, когда услышала эти его слова, но в следующий миг всё было как обычно. Нет, не как обычно, а как на похоронах. Эта грусть Сид — то ли искренняя, то ли натянутая, никогда нельзя угадать, какая она в тот или иной момент. Но лучше думать, что она действительно скорбела. Потому что потеря Лексы нанесла нам слишком сильный удар.

Потом негромко стукнула крышка гроба, а дальше для меня всё было как в тумане. Я просто шла вслед за Томасом, словно автомат, плотно сжав его ладонь в своей руке. Словно я хотела ему сказать: Ты не одинок. Я здесь, мы здесь, с тобой. Ещё пока здесь.

Удар пришёлся не только по нашим душам, он задел и наши... репутации?

Шериф МакСтоун вызвал нас на допрос. Каждого допрашивали по отдельности. Я вообще не поняла, зачем это, если судмедэксперты доказали, что вероятность того, что это мы её убили, ничтожно мала.

Первой вызвали Сидни. Ну, как Сидни отвечает на вопросы полиции, да и вообще отвечает на вопросы, неважно, кому, — это отдельная тема. Вышла она из кабинета с гордо поднятой головой, но было видно, что на глазах блестели слёзы. Я всегда поражалась этому её умению — держать себя на высоте, даже когда падаешь.

Потом вызвали меня. Я вскочила с места, поправив сумку на плече, и вошла в кабинет. Нельзя сказать, что я не волновалась. По телу словно разливалось какое-то горячее, обжигающее варево, которое пыталось сковать мои движения и мой разум. Я сопротивлялась. Зря.

— Ну и зачем вы пошли в лес, на ночь глядя? — Это был первый вопрос, который меня немного встряхнул. Шериф только казался грозным человеком, но с первого же его слова стало понятно, что в нём человечности больше, чем в организаторах благотворительных фондов.

— Мы... э-э-э...

На самом деле, это был трудный вопрос, потому что здесь надо было либо врать, либо выкладывать всё как есть. Но нам же никто не поверит.

— Думаю, вас не устроит мой ответ, — выдохнула я.

— Для того мы здесь и сидим, чтобы слушать ответы, какими бы неприемлемыми они не были, — сказал МакСтоун, перекладывая ручку из одной руки в другую.

— Если я расскажу вам всё сейчас, то вы посчитаете меня за сумасшедшую. И не поверите.

— Все мы порой немного сумасшедшие, не правда ли?

Я не ожидала от него такого ответа.

— Наверное.

Я замолчала, раздумывая, что делать дальше.

И тогда я решила рассказать всё, даже не думая о последствиях.

— Это связано с гибелью Хейли Энн Коллинз, которая произошла три месяца назад, — начала я. — Она была моей лучшей подругой, и я надеюсь, вы понимаете, как это меня ранило. Проблема главная, однако, даже не в том, что она — моя лучшая подруга, а в том, что она погибла на моих глазах. Я не помню, на что ваш участок списал это происшествие, на пожар ли, на внезапную остановку работы сердца, мозга, почек — не знаю и знать не хочу. Потому что всё это — абсолютно всё! — будет неправдой.

Я остановилась, чтобы перевести дух, и посмотрела на шерифа. Казалось, он слушает меня с интересом.

— Это был шабаш. Уж не знаю, чей, но Хейли в этом идиотизме участвовала, причём не потому, что её заставили, а потому, что она сама этого захотела. Знаете, у неё всегда был этот особый огонь в глазах, который загорался, когда она занималась чем-то, что ей нравилось. И тут он был. Понимаете, несколько раз подряд Хейли просила меня сказать её родителям, что ночует у меня, а сама шла куда-то, но меня это поначалу не особо волновало.

— Почему же? — поинтересовался шериф.

— Я думала, она остаётся у своего парня. Его зовут Джейк Паркер, и он покинул город через пару дней после гибели Хейли.

Шериф что-то записал на листе бумаги; наверное, имя парня Хейли.

— Считаешь, он мог быть причастен к этому происшествию?

Нет, вряд ли, подумала я, но сказала... но сказала я совсем иное.

— Возможно. Я ничего о нём не знаю, и он всегда казался мне чересчур странным, и

поэтому...

Я прижала ладонь ко рту, боясь наговорить ещё что-то. Шериф удивлённо посмотрел на меня, и мне пришлось сделать вид, что зеваю.

— Ты уверена, что он не возвращался в город? — спросил он.

— Да, он не возвращался, но я слышала, он собирался приехать завтра, — сказала я не своим голосом. Что за бред? Джейк собирается приехать завтра в Тэррифилд?

— Завтра? — удивился МакСтоун. — Откуда ты знаешь?

— Он написал мне, захотел встретиться. — Кто-то продолжал говорить за меня, пока я сидела, открывая рот в такт произносимым словам и не успевая проследить за мыслью.

— Встретиться с тобой? Зачем?

— Мы с ним вместе ездили искать Хейли в тот день. Но мы разделились. И потом я набрела на ту поляну.

— Разделились? То есть, пошли в разные стороны?

— Именно так. И, клянусь, мне кажется, он связан с шабашем. Мне кажется, — я попыталась закрыть рот, закончить нести всю эту пургу, которую сейчас плела, но не получалось. — Мне кажется, что он и есть NightWolf.

Эти слова прозвучали для меня словно гром в ясный день. Странно, но сейчас мне действительно казалось, что это так. Я была уверена в этом.

— NightWolf? Это кто?

— Хейли переписывались с ним. И именно от него узнала о шабаше и всём таком.

— Откуда тебе это известно?

— Мы читали её переписки на её ноутбуке, правда, ещё не все. Но по ним уже можно сделать кое-какие выводы.

— Только лишь читали?

— Мы вышли с ним на связь, и он позвал нас на встречу в лесу вчера вечером. Вот и ответ на вопрос, что мы там делали.

У меня сильно заболела голова, будто я очень долго работала за компьютером.

Шериф быстро застрочил по бумаге. Всё сказанное мной его явно заинтересовало.

— А как вам удалось взломать её ноутбук? — спросил он, не отрываясь от записи. — Последнее время подростки норовят поставить пароли везде, где только можно.

— Мы нашли его в её личном дневнике, — вырвалось у меня. Против моей воли. Чёрт.

— Он до сих пор у вас?

— Да. — И мои руки потянулись к сумке. Я в панике отдёргнула левую, но правая оказалась проворнее. Пальцы расстегнули замок и нащупали злосчастный голубенький блокнотик, потом выудили его, словно рыбку из пруда, но рыбку очень увертливую. Потому что я пыталась сопротивляться. Даже пыталась закричать, но не получалось. Будто губы склеили суперклеем.

Наконец, я положила дневник на стол перед шерифом.

— Надеюсь, он вам поможет, — сказала я с какой-то дикой улыбкой.

— Серьёзно? — МакСтоун удивился.

— Что?

— Не ожидал от тебя такой откровенности. Но позволь задать ещё парочку вопросов. Ты хочешь сказать, что здесь, в Тэррифилде, действительно происходит что-то... что-то паранормальное? — Последнее слово он будто выплюнул с насмешкой. А я усмехнулась.

— О да, — ответила я. — Именно так. Все думают, что мистики не существует, пока не

сталкиваются с ней лицом к лицу. И это... это ни с чем не сравнится. Но одно известно точно: вы не сможете после этого говорить, что это не реально.

Шериф кивнул и дал мне понять, что на этом наша беседа окончена. Я вскочила со стула как ошпаренная и выбежала из кабинета.

За дверью сидели Томас и Билли, которые ждали своей очереди. Томас тут же встал, захотев спросить меня о чём-то, но я оборвала его, даде не лав ему начать:

— Всё плохо, Томми. Всё ужасно. Потому что я всё рассказала.

Он побледнел и отступил на шаг назад.

— Ты... что? — переспросил он.

Тем временем шериф МакСтоун вышел к нам, держа в руках дневник Хейли.

— Томас Сайфер и... Билли Старк? Вы свободны. Шарлотта очень помогла нам, и я не думаю, что вы сообщите нам что-то, о чём не сказала она.

Билли было дёрнулся в мою сторону, чтобы... чтобы замахнуться на меня с кулаками? но Томас его остановил, направив на меня короткий грозный взгляд. И мне стало больно.

Я поняла, что сейчас сдала своих друзей с потрохами, и ничего хорошего из этого выйти не могло. Но самое главное — я не знала, почему сделала это. Я не понимала, почему всё случилось так, как случилось.

— Я не хотела, — хрипло выговорила я, когда шериф вновь скрылся за дверью.

— Не хотела? — передразнил меня Билли. — Что не хотела? Влюбляться в лучшую подружку или...

Он не договорил: Томас ударил его ладонью по щеке.

— Ты себя вообще слушаешь когда-нибудь, а, Старк? — спросил он. И тут же развернулся ко мне. — Если я его бью, это ещё не значит, что я тебя простил за то, что ты совершила. Просто ты испортила сейчас всё. Абсолютно. Не удивлюсь, если сегодня-завтра полиция направится к Коллинзам и устроит в комнате Хейли свой собственный обыск.

— Я... — я не знала, что и сказать. Впрочем, говорить и не потребовалось.

— Уходи, — прошептал Томас. Я направила на него испуганный, недоумённый взгляд.

— Что?

Я хотела верить, что мне послышалось. Но он покачал головой и повторил, уже громче:

— Уходи.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, потом закрыла, сжала губы, невесело улыбнулась. Резко развернулась, распахнула входную дверь и побежала. Быстро. Куда глаза глядят.

Уходи.

Я бы ушла, если бы не было так поздно.

Я бы ушла, если бы могла.

Я бы...

И тут слово приобрел новый смысл. Которым Томас его не наполнял. Но оно наполнилось.

Уезжай, Чарли. Катись из этого чёртового города.

И я поспешила домой.

***

Машину мне подарили просто затем, чтобы была. Не потому что я хорошо училась целый год, или выиграла какой-то конкурс, или ещё что. Мои родители поступают так, как удобно им, но в то же время их интересуют мои желания. Но не всегда. Хотела ли я собственный автомобиль? Честно говоря, не особо. Волновало ли это мистера и миссис

Боунс? Ни капельки. Запасная машина в семье — какое счастье!

За рулём я была всего несколько раз. Один раз решила съездить в школу, всех шокировать, удивить. "Вау, у Чарли есть своя машина!" — изумлённо завопили бы многие мои знакомые, но всё получилось как всегда, то есть никак. Потом я ездила в магазин по маминой просьбе.

Последний раз я ездила на этой машине вместе с Хейли. За одеждой.

Усевшись на водительское место, я посмотрела на соседнее сиденье. Я помню её как сейчас: её улыбающиеся глаза, её светлые волосы, неуклюже рассыпавшиеся короткими прядями по плечам, её звонкий смех...

Что не хотела? Влюбляться в лучшую подружку или...

Я дёрнула головой, пытаюсь отогнать едкие слова Билли из головы. Чёрт.

Зачастую мы осознаём, какими дорогими вещами обладаем, лишь когда лишаемся их. Я не говорю про часы на золотой цепочке или коттедж на берегу моря, потому что, на самом дела, это такая чушь по сравнению с настоящими человеческими ценностями. Признаться честно, я не дорожила нашей дружбой так, как дорожу сейчас. Хотя и понимаю, что сейчас ею дорожить уже бесполезно.

Отвечаю Билли, хоть и не в лицо, не в глаза: я была влюблена в Томаса. "Была!" — закричит он и начнёт танцевать чечётку или ещё какую-нибудь подобную ересь. Да, была, но это же ничего не значит! Почему, ну вот почему из этого сразу надо делать какие-то выводы, которые нормально мы человеку в голову бы не пришли? Потому что он не нормальный человек? Потому что он не человек? Почему?

Я яростно сорвалась с места, выруливая на дорогу, которая вела туда, куда надо было ехать уже давным-давно. Надо было валить из этого города, который не приносил ничего хорошего.

Люди в этом городе начали гибнуть. Он проклят. А пока проклят он, прокляты и жители. Значит, жители должны уехать.

И я буду первой. Неважно, что я уеду ни с чем, зато я покину этот город, постаравшись стереть его из памяти. Все сто процентов не сотрутся, но пусть удалятся хотя бы процентов шестьдесят. И пусть в этих шестидесяти сосредоточится всё самое плохое, что произошло в Тэррифилде.

И пусть в них окажется Хейли.

Поворот, ещё поворот... до долгожданного указателя "Добро пожаловать в Тэррифилд!", который стоял ко мне спиной, ехать пришлось минут пятнадцать. Покосившаяся, она выглядела более устрашающей, чем обычно. Деревянная, облезлая, старая... Она не предвещала ничего хорошего. Она пугала.

Чёрт, Чарли, не сходи с ума, это всего лишь табличка.

Это. Всего лишь. Табличка.

Я проезжаю мимо неё, и тут машина резко останавливается. Моя машина резко останавливается по непонятной причине.

Казалось, моё сердце готово было остановиться вместе с ней.

Я не дышу. Не мигая, смотрю перед собой и пытаюсь осознать, что же произошло. Я выехала за пределы города, и теперь стою здесь, но... но где я стою?

Миг — и перед глазами всё плывет: и дорога, и стоящие по бокам деревья, и салон автомобиля. А потом я слышу шёпот:

— Ты думала, что так легко избавишься от меня?

А потом я слышу визг. Свой собственный визг.

Это такой родной шёпот, что сердце действительно замирает, но ненадолго. Потом оно снова стучит, пусть и быстрее, чем обычно.

— Хейли, — шепчу я и понимаю, что дрожу. А ещё осознаю, что, возможно, не говорила сейчас вслух, а лишь про себя.

— Глупая, глупая Чарли, — слышу я знакомый звонкий смех. — Тебе не сбежать из Тэррифилда. Никогда.

Перед глазами встаёт труп. Я просто вижу, что в кустах лежит мёртвый человек, но лица его я не вижу. И плевать, что кусты эти где-то в лесу, за пределами города — призраки показали их мне. Или призрак.

Я кричу. Опять.

А потом я снова вижу чистую дорогу, но лишь секунду. Потому что в следующую секунду на неё с грохотом валится высоченная сосна, преграждая мне дальнейший путь. А ещё раздаётся... взрыв? Там, вдалеке.

Я почти уверена, что это мне кажется. Потому что теперь я готова сомневаться во всём, что вижу и слышу. Я сомневаюсь, реально ли это, потому что кошмары начинают пробираться в жизнь без стука, без спроса, без разрешения — просто так, будто они являются долгожданными гостями. Каково будет их разочарование, когда они узнают, что их совсем не ждали.

Но кто их посылает? Вряд ли они являются по собственному желанию. Они — всего лишь послы.

Кто-то стоит над ними. И мы должны найти этого кукловода.

Или найти ниточку, за которую он дёргает.

***

— Звонила миссис Моррисон, сказала, что Бриджет хочет тебя видеть.

Мама чуть подняла уголки губ в улыбке, которая означала одно: она не понимала, что происходит. Почему вдруг ей позвонила мать Бри, с которой я до этого вообще не общалась.

— Серьёзно? — я плюхнулась на диван напротив неё и посмотрела ей в глаза.

— Да. Бри хочет, чтобы ты навестила её сегодня.

У Бриджет после произошедшего в лесу был шок, и она до сих пор сидела дома, не вылезая. Оно и понятно: только слилась с обществом, а уже попала в передрыгу. Ей было по-настоящему страшно ещё и потому, что это касалось её отнюдь не косвенным образом. Сначала погиб её парень, потом — её подруга...

— Тогда я съезжу к ней, — обыденным голосом ответила я, надеясь, что это — не подстава, и что моей маме действительно звонила мать Бри. Что это не как с мистером Клаусом. Что это реально.

Оказалось, что дом Моррисонов располагается не так-то далеко от нашего, поэтому я пошла к ней пешком. Позвонила в дверь, потопталась на коврик. Ко мне вышла миссис Моррисон. Она улыбнулась.

— Ты Шарлотта Боунс? — спросила она таким голосом, будто находилась не здесь, а витала где-то в облаках. Впрочем, весь её внешний вид говорил о том же: тёмно-рыжие волосы, собранные в неуклюжий пучок на затылке, за ухом торчал простой карандаш, кофта с нелепым принтом была сильно растянута вследствие большого количества стирок.

— Да, миссис... — я замаялась: называть её "миссис" было как-то странно и...

— Я Фиби, — ответила та, не дав мне что-нибудь ляпнуть, и пропустила меня

внутри. — Комната Бри на втором этаже, вторая дверь слева.

Я кивнула, и она ушла в комнату. Я осторожно заглянула туда и увидела мольберт и кучу красок вокруг него. На холсте было незаконченное изображение лесной чащи.

Художница.

Всегда немного завидовала художникам, потому что они иначе видят мир. Изображая его до малейших деталей, они всё равно переносят на холст и то, что не видно простому смертному.

Стоп. Лесная чаща?

Я помотала головой и поспешила подняться по лестнице на второй этаж.

Вторая дверь слева. Я осторожно постучала и открыла её, не дожидаясь ответа.

Бри сидела в своей кровати и смотрела вперёд. Трудно сказать, куда именно. Я прикрыла дверь и постаралась проследить за её взглядом, но попытки мои не увенчались успехом. На обоях в цветочек вряд ли могло быть что-то, привлекающее её внимание.

— Ты пришла, — вдруг сказала она.

— Ага, пришла. — Я села на диван, стоявший недалеко от кровати. — Не понимаю только вот, зачем.

Бри повернула голову.

— Разве не хочешь знать, что случилось в лесу?

Я вздрогнула. Её слова прозвучали как укол.

— Хочу, — хриплым голосом ответила я. — Хочу.

Бриджет села так, чтобы находиться лицом ко мне, а не к этой бессмысленной стене.

— Это было очень странно, — медленно начала она. — Мы шли с Лексой по лесу... а потом... как будто она перестала быть собой.

— О чём ты? Как это выразалось?

— Она говорила, вернее, говорила не она. Это были не её слова. Она остановилась, и сначала мне показалось, что она... задыхается.

Она немного помолчала. Видимо, пыталась собрать в единое целое обрывки воспоминаний, столь болезненные, столь необычные. Режущие. Мне знакомо это чувство.

Собравшись с духом, она продолжила:

— Я спросила у неё, что происходит. И она посмотрела на меня совершенно отсутствующим взглядом. Будто сквозь меня, но в то же время весьма целенаправленно. Будто смотрела прямо в душу.

Меня будто холодом от этих слов пробрало. Казалось, даже сквозь слова Бри чувствовался этот взгляд: пустой, ледяной, пронизывающий.

— И она же что-то сказала, верно? — осторожно перебила я.

— Да... да. Это главная часть моего рассказа. Лекса... нет, не Лекса. Я не понимаю, как это объяснить. Но слова были примерно такими: "Вы ходите вокруг да около, не понимая, что происходит на самом деле. Чтобы избавиться от смертей, вы должны понять, кто их притягивает. Вы должны найти Магнит."

— Кого? Магнит?

— Вот и у меня такая же реакция была, — сипло сказала Бриджет и прочистила горло. — Магнит — это кто-то из города. Кто-то из его жителей.

— И вполне вероятно, что это кто-то из нас... — закончила я её мысль, и она кивнула в знак согласия.

Так вот оно что. Весь этот паранормальный бред не возник из пустоты. Он возник из-за

кого-то из нас, из жителей. Или из нашей компании.

— Мы должны найти этого человека, но как? — спросила я, понимая, что вряд ли получу ответ.

— Возможно, этот человек чем-то отличается от остальных, — предположила Бри. — Может, ведёт себя не как остальные, или...

— ...или у него три глаза? — попыталась пошутить я.

— Джонни Стоккер имел два лица, сросшиеся в вертикальной плоскости, — на полном серьёзе сказала она. — И глаз у него, таким образом, было не два, а три, если не все четыре. Так что ситуация эта, конечно, редкая, но возможная. Хотя я не верю этой информации. Скорее всего, это выдумки.

У меня чуть челюсть не отвалилась.

— Откуда ты это знаешь?

Та чуть повела плечом.

Удивительно, но сейчас я не видела в ней ту маленькую плаксу, которую привыкал видеть до этого. Нет, Бриджет — не такая. Да, она плакала, заперевшись в кабинке туалета, но не потому, что она ненормальная, а потому что ей было тяжело. Но сейчас ей было ещё тяжелее. И именно сейчас она держалась настоящим бойцом. Бойцом, чьим главным оружием является не заточённый нож, а знания.

Она говорила с нами прежде, находила, какую тему поддержать. Но почему-то мы сторонились её общества. Она это видела. Ей было больно.

А мы не понимали.

— Я знаю многое, — наконец ответила Бри. — Вопрос лишь в том, нужно ли мне всё это.

— Сейчас разговор идёт о нашем выживании. — Я скривилась, осознав, что только что произнесла. В голове это, конечно, уложиться не собиралось. — Если эти знания помогут, чтобы выжить, то они нужны.

Она слегка улыбнулась. Слегка — потому что все эти события улыбку не вызывали. Да и не могли её вызвать ни при каких условиях. Улыбаться здесь будут только умалишённые, и то не из-за того, что им это нравится. Они будут улыбаться своим мыслям, приходящим им в голову.

— Потом она упала, — вновь вернулась к разговору Бри, — а потом... ты видела.

Я поджала губы. Удивительно, но говорить об этом действительно было больно. Тяжело. Слова не хотели вырываться, такое ощущение, будто вместе с ними разрывалась душа. Молчание — лучший способ уберечь свою душу.

— Сегодня я пыталась выехать из Тэррифилда, — поспешно перевела тему я, понимая, что дальнейший разговор о Лексе попросту заведёт нас в тупик.

Бриджет выжидающе посмотрела на меня.

— И?

— И мне не удалось.

— В каком смысле?

— В прямом. Меня не выпустили. Не знаю, что это было... — Я задумалась. — Но это из того же ряда, что и остальные события.

Бри открыла рот, намереваясь что-то сказать. Но так и осталась в таком положении. Удивлённом.

— Я слышала голос, — через силу выговорила я.

— Чей? — взволнованно поинтересовалась Бри.

Хейли.

— Я не знаю, — ответила я и закашлялась, будто подавилась чем-то. Подавилась не своим голосом.

— И что тебе сказали?

— Что мне не сбежать из Тэррифилда.

— А значит, не сбежать всем нам, — хмуро подытожила она и встала с кровати. — Это было предупреждение не лично тебе, Чарли. Уж не знаю, кто там с тобой говорил, но это явно не предвещает ничего хорошего.

Она подошла к стеллажу, взяла в руки плюшевого щенка, повертела в руках. А потом швырнула его в другой конец комнаты и развернула ко мне лицо, полное и злобы, и разочарованности, и недоумения. Всего вместе.

— Мы заперты, — сказала она.

— Мы заперты, — механически повторила я.

Бри вновь отвернулась.

И вдруг я улыбнулась.

Вы заперты.

И эту дикую улыбку я не пожелаю увидеть и врагу.

Вот только...

Только враг её и видел.

Я встала, собравшись уходить, и вдруг поняла, что есть ещё кое-что, о чём мне следует рассказать.

— Сегодня в полицейском участке случилось необъяснимое, — начала я. — И я уверена, что каждый будет ненавидеть меня за это.

Бри тут же изменилась в лице.

Казалось, она прочитала мои мысли, даже не слушая мои слова.

— Только не говори, что...

— Я сдала вас. Всех вас. Против воли. Это будто говорила не я, будто не я сдала им дневник Хейли. Это всё делала не я.

Она приложила ко рту ладонь. Отвернулась. Вновь повернулась.

Но все движения были словно в замедленной съёмке.

— В то, что это могла быть не ты, я поверить могу, — медленно проговорила она. — Но в то, что все наши действия провалились коту под хвост...

Бри не закончила фразу.

Фиби Моррисон вышла проводить меня уже с кисточкой в руке. Я аккуратно взглянула ей за спину.

Лес на полотне уже приобрёл свой главный цвет. Глубокий тёмно-зелёный.

***

На следующий день в школе меня сторонились. Меня обходили стороной, будто я — зараза. В меня украдкой кидали косые взгляды, но тут же отворачивались, делая вид, что ничего не было. Словно не было в их глазах какого-то упрёка. Словно упрёка в том, что я — вина происходящего. Действительно настоящая зараза, разлагающая общество.

На физике Томас пересел за другую парту, чтобы быть подальше от меня. Я в замешательстве остановилась у своей парты, смотря на него. Он не повернулся. Не сказал ни слова. Я со вздохом опустила на свой стул, положив на стол тетрадку и ручку. Хотя они

выглядели такими ненужными. Таким пустыми. Такими бездушными.

Мистер Мэден вообще не обратил внимание на то, что Томас отсел от меня. Конечно, теперь его любимчики — Томми и Бри, которая уже вышла в школу — сидели рядышком, а значит говорить с ними было проще.

И он опять нёс всякую чепуху. Впрочем, ничего нового.

— Ни один античный грек не рассуждал о вечности, потому что понимал, что это — глупость! — с воодушевлением возгласил он. — Бесконечность — это чисто христианское понятие.

— Но ведь верили же какие-нибудь египтяне в загробную жизнь! — возразил Тобиас.

— Тоб, причём тут египтяне, про греков речь, — громким шёпотом напомнил ему Ал. Кейси ненароком прыснула со смеху. Она вообще часто смеялась. Возможно, сейчас смеяться и не стоило бы. Учитывая недавние события, и вообще... Но разве ж это кого-то остановит? Смех — не мальчик на побегушках. Появится тогда, когда сам захочет. Без спросу.

Как и кошмары.

— Мы всё и всех знаем мгновенным знанием, — не обращая внимания на ребят, продолжал Мэден. — Вот мама сначала одна — добрая, весёлая...

— Мне б такую, — с завистью пробубнил Тоб.

— ...и кажется, что всё ради тебя сделает. А потом — бац! — и ты не сдаёшь очень важный тест. Что мама делает? — Физик выжидающе посмотрел на нас, будто ожидая нашего ответа. Я тут же повернулась к окну. Там жизнь мне казалась интереснее. — Расстраивается. И вот она уже другая, и словами другими её описываем.

Тобиас еле сдержал смех. Понятно было, что мистер Мэден имел в виду одно, а Тоб — совсем другое.

— Вот она садится на стул, смотрит, а на глазах, ей-ей, слёзы проглядывают... — Мэден сел за стол, мечтательно и грустно направив взор куда-то вверх.

Клянусь, часть меня в такие моменты хочет разодрать нашего учителя на куски, другая часть хочет уснуть, третья — выбежать из класса, уничтожая всё на своём пути. А четвёртая сидит и бездействует.

— Эй, — вдруг окликнули меня сзади. Я развернулась и увидела перед собой весёлую мордашку Кейси.

— Чего тебе? — вяло спросила я.

— Ты слишком угрюмая, — щёлкнув языком, сказала она. — Тебе надо развеяться.

— В каком смысле?

Она закатила глаза.

— Тебе надо раз-ве-ять-ся. Так понятнее?

— Угу.

Я взглянула на Мэдена. Он сидел за столом и смотрел прямо на меня. Испепелявшим взглядом.

— Шарлотта, — сказал он густым басом. Я фыркнула. — Я, конечно, понимаю, что ты девушка красивая. Но любить будут всегда не красивых, а интересных. Тех, с кем есть о чём поговорить.

— Почему же со мной не о чём говорить? — тут же спросила я, но тот меня не слушал.

— Вот посмотри на Томаса, на Бриджет! И вы все на них посмотрите! Они — пример того человечества, которое призвано вершить наше будущее!

И дальше всё в таком же духе. Впрочем, я не удивлена. И никто, наверное, не удивлён.

— Бри — не только красивая, но и умная! — продолжал он. — Поэтому её ситуация выигрышная.

Размышления мистера Мэдена прервал звонок. Я тут же собрала вещи. Встала. Собралась выбежать из класса, как кто-то схватил меня за рукав.

Честно говоря, у меня чуть сердце не остановилось.

А это оказалась всего лишь Кейси.

— Идём на ланч? — больше утвердила, чем спросила она с полной уверенностью, что теперь у неё есть полное право мною распоряжаться. Я пожалала плечами, двинувшись за ней.

Странно признавать, но другие бы меня сейчас просто не приняли.

***

— Это всё ерунда, поверь, — сказал Тобиас, откусив от большого сэндвича такой же большой кусок. — Ты поступила правильно.

— Сомневаюсь, — ответила я. — Я предала своих друзей. Я предала саму себя.

— Это, конечно, весьма запутанная история, и я уверен, что чего-то да не понимаю... — Ал почесал подбородок и посмотрел на сестру, будто ожидая, что она продолжит его фразу.

— Это всё слишком странно. А потому всё забудется, — Кейси подмигнула мне и снова потянулась к трубочке, стоявшей в стакане. Яблочный сок — как банально!

Мне очень хотелось верить в то, что всё забудется. Вернее, что меня простят.

Но как можно простить ту, которая предала своих же друзей?

— Хейли мне всегда странной казалась, — сказал Тоб. — Знаете, она, бывало, уйдёт куда-то с такой миной, будто её кто-то унизил.

— Может, её правда унижали.

— Нет. Нет, Ал, ты чего. Какой придурок её унизил бы?

— Но она явно не просто так всей этой бурдой интересоваться начала. Тому должны были быть свои причины. — Я посмотрела на своих товарищей.

— Я согласна с Шарлоттой, — произнесла Кейси.

— С Чарли, — на автомате поправила я.

— С Чарли, — повторила она.

Мы помолчали.

Картины произошедшего не вылезали у меня из головы. Ладно все эти убийства, но тот факт, что меня не выпустили из города... что меня не выпустила Хейли.

Наверное, я начинала сходить с ума. Хейли — мертва. Ко всему этому сейчас она имела мало отношения. Мёртвые — не живые. У них прав, обязанностей, способностей меньше. У мёртвых вообще всего — меньше. Тепла, уюта, жизни. Меньше. Больше — только родственников. Большая дружная семейка.

К нам присоединилась и Ари, сестра Билли. Она была младше его на год, но лишь формально. Так-то она его гораздо взрослее. И выглядела тоже старше. Эдакая деловая дамочка, которую поставить бы в один ряд с Бри, Томасом и мистером Мэденом. Да, они бы поладили.

— Я не верю во всё это, — сказала она, как только услышала то, что я рассказала.

— У тебя есть этому другие объяснения?

— Нет, но...

— Вот то-то и оно.

Ари никогда не признавала, что она неправа. Тяжело, наверное, с таким качеством

людям жить. Или, наоборот, слишком легко. Не знаю. Я, например, всегда думаю, что я неправа. И это сложно. Видимо, у меня заниженная самооценка.

Тут мимо прошли Томас, Сидни и Билли. Сид посмотрела на меня с какой-то грустной улыбкой. Мол, прости, но сегодня тусуюсь без тебя. В каком-то смысле я её понимаю. Её место в компании всегда держалось на волоске, на очень тонкой ниточке. И если она сейчас пример мою сторону, то всё полетит к чертям.

Они прошли мимо, но словно в замедленной съёмке. Всё вокруг для меня потухло. Я видела только их троих. Угнетённых. Подавленных. Нет, даже не подавленных, а раздавленных, изрезанных, израненных. И это было очень большое зрелище. Всё внутри меня свернулось в такой тугий узел, который очень сложно развязать.

Шаг, второй, третий...

Всё — серое, и лишь они выделяются из этой массы. И слышу только то, как их ноги ступают на землю. С таким характерным шарканьем.

А потом у Томаса звонит телефон.

Он вынимает его из кармана, смотрит на экран...

И по его лицу видно: этот звонок ничего хорошего не предвещает.

ГЛАВА 6. ВОЗМЕЗДИЕ

Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Томас

Раньше телефонный звонок не смог бы меня удивить, обескуражить, ошеломить.

Раньше.

Хотя и сейчас он меня не удивил. Удивить — это слишком простое слово, а то, что я почувствовал на самом деле, описать словами невозможно ни при каких условиях.

Шарлотта, увидев моё лицо, тут же вскочила с места и подошла к нам, будто мы и не ссорились.

— Кто звонит? — громко спросила она.

— А тебе зачем? — тут же влез Билли. — Опять доложишь?

Чарли отвечать не стала, а просто выхватила телефон у меня из рук, причём я и возразить-то не успел — она оказалась чрезвычайно быстра. Мелодия звенела у меня в ушах так, будто это был единственный оставшийся звук во всём дворе.

А перед глазами стояла фотография, которая появилась на экране при звонке.

И имя звонившего.

Звонившей.

Я услышал, как телефон упал на траву. Опустил взгляд и увидел, что упал не только телефон. Чарли сидела, приложив ладони ко рту и глядя на виновника происшествия. А мелодия всё звенела и звенела, всё звенела и звенела...

— Это невозможно, — сказала она. — Невозможно.

Я был согласен с ней. Да, сейчас, когда я прекрасно понимал, что она предала нас ради каких-то невысказанных идеалов, ради подруги, ради... да не знаю, ради чего ещё. Да, сейчас, понимая это, я всё равно был с ней согласен. Потому что она была права.

— Да, — проговорил я, опускаясь на корточки. — Невозможно.

И я взял телефон. А Шарлотта посмотрела на меня так, будто я взялдохлую крысу.

— Только не говори, что ты ответишь.

— А вот возьму и отвечу!

И нажал на кнопку.

Говорить с мёртвыми — странно. Но вряд ли сейчас мне предстоял разговор с этой мёртвой. Хотя её мобильник был в её гробу. Слишком много странных вещей произошло за последнее время, а потому я уверен, что это ещё не самое странное.

— Лекса? — спросил я, словно надеясь, что она ответит. Глупец. Ждать мёртвых — всё равно что ждать ареста. Рано или поздно они тебя заберут.

— Томас, — хрипло раздался ответ. — Том, я...

— Лекса, ты меня слышишь? Ты где?

— Я...

— Эй! — Сидни больно стукнула меня по руке. — Ты идиот? Это не может быть она!

— Это её голос, — с полной уверенностью ответил я. Да, сомнений не было: это была Лекса.

— Сид права, — встрепелась Чарли. — Это бред. Отключай.

— Да кто тебя вообще звал, предательница? — воскликнул Билли. — Убирайся уже ко всем чертям!

— Я уже у чертей и есть! — рыкнула на него Шарлотта. С каким-то звериным взглядом. Или не звериным, но точно — не своим.

— Чарли, — медленно проговорил я, посмотрев на неё. — Не стоит. Но лучше тебе уйти.

Она раскрыла рот от удивления. Нахмурилась.

На миг я подумал: а почему бы её сейчас не простить? Она смотрела на меня своими карими глазами, полными какого-то разочарования, отчаяния... и хищности одновременно. Я инстинктивно покачал головой и вновь прижал телефон к уху.

— Лекс, — тихо позвал я. — Ты меня слышишь?

— Да, — снова прохрипел ответ. — Слышу.

— Лекс, знаешь, — я замер, чтобы удостовериться, что она всё ещё на связи. — Я люблю тебя, Лекс.

Сидни широко распахнула свои и без того огромные глаза, посмотрела на меня, вдруг резко отвернулась и изобразила, что её сейчас стошнит.

— Томми, мне нужна помощь, — закашлявшись, сказала Лекса. — Ты должен меня вытащить.

— Из гроба?

— Да.

Я отвёл телефон от уха и посмотрел на Билли, до сих пор стоявшего рядом. Чарли сидела за столиком неподалёку, Сидни уже успела убежать по непонятной мне причине.

Билли смотрел на меня свысока. Хотя бы по той причине, что он просто меня выше. Или потому, что у него были по поводу происходящего какие-то свои идеи, которые он считал выше моих. Он в раздумьях поджал губу, как обычно делают девчонки, подвигал бровями.

Я вспомнил, каким он был лет пять назад. Таким же рискованным, как и сейчас. Правда, сейчас весь его риск уходит в простенький юмор, чья задача — заставить гоготать, чтобы поднять шум. Раньше он действительно готов был на любые необдуманные поступки ради чего-то необыкновенного. Мог провести какой-то химический опыт, не опасаясь, что родители накричат на него за то, что он испортил занавеску. Мог спрыгнуть откуда-нибудь, сделать любой другой трюк, чтобы все ему завидовали.

И сейчас он тоже был готов пойти на риск.

— Выкопаем гроб? — не дожидаясь моего вопроса, сказал он. — Да запросто.

Я фыркнул. Потом улыбнулся.

А потом подумал: почему Лекса позвонила только сейчас?

***

Биология — это вскрытие трупа. Теоретическое.

Когда мне было лет восемь, я собрал макет человеческого тела. Каждую неделю я покупал журнал, в каждом из выпусков которого я находил ту или иную детальку. Будь то кости или мозг, я радовался каждой так, словно это — подарок от Санты Клауса. В которого я перестал верить в семь лет, когда увидел, как мой папа тщательно прятал подарки под ёлку. Это был настоящий удар. Разрушение веры в сказку и волшебство несравнимо с разрушением веры в некоторых людей. Но лишь в некоторых, не во всех.

Забавно, что теперь волей-неволей нам приходится верить если не в волшебство, то во что-то мистического и необъяснимое. Потому что если в это не верить, то будешь выглядеть полным идиотом. Как можно не верить в то, что есть у тебя перед глазами? Так же, как верить в то, чего у тебя перед глазами нет.

И даже несмотря на то, что я не видел, правда ли со мной говорит Лекса, я всё равно верю, что она говорила со мной. Что она жива. Что мы спасём её.

Люди всегда с лёгкостью верят в то, чего очень хотят, верят и надеются, что их ожидания оправдаются. Вот только они не всегда оправдываются.

— Томас, какой отдел мозга отвечает за питание и пищеварение? — спросила Кейси. Заметив, что я задумался, она сильно пихнула меня в бок. — Томас, приём! Я к тебе обращаюсь!

— Продолговатый, — отмахиваюсь я, и она кивает. — Подожди, ты что, знаешь ответ?

— Тебя проверяю.

— Нашла кого проверять.

Шарлотта вошла в класс с таким видом, будто её только что публично унизили. Конечно, побывав в обществе Билли, так себя чувствовать и будешь, но всё же здесь словно было что-то большее. Ничего не говоря, она села на своё место, положила на стол тетрадку с конспектами. Кейси тут же подбежала к ней со своими вопросами.

— Чарли, отвлекись! Давай, какая часть мозга...

— Не надо, — резко ответила та.

— Чего не надо? — Кейси удивилась не на шутку. Она точно не ожидала от Шарлотты такой реакции.

— Не надо меня ни о чём спрашивать, — твёрдо сказала Боунс. — Просто не трогай меня. Все вы — не трогайте меня, ладно?

Я развернулся, чтобы посмотреть на неё. Поверить, что она сейчас в таком состоянии из-за того, что позвонила Лекса, я не мог. Но и спросить у неё, что происходит, я тоже не мог. Потому что всё-таки мы были в ссоре. Не в той милой детской ссоре, а в настоящем конфликте, в котором существовало две стороны — правильная и неправильная. И Чарли ошиблась. Выбрала неправильную. И теперь это лежало на её совести, а не на моей. Не я сдал шерифу всё, над чем мы так трудились и думали.

Первая моя мысль: Шарлотта нас просто нагло предала, подумав, что так будет лучше, боясь осквернить светлую память ангелочка Хейли.

Вторая моя мысль: Шарлотта могла сказать это не самостоятельно, её могли вынудить.

Третья моя мысль: Шарлотту могли вынудить те же, кто сейчас хочет нас убить.

И все три мысли варились в одном котле. Из всех них должно было родиться что-то общее, возможно, отличающееся от ингредиентов.

Мистер Клаус на урок будто не торопился. В каком-то смысле он был похож на мистера Мэдена. В молодости. Всё-таки такой старикашка в школе был один единственный. Уж точно неповторимый. В принципе, он человек неплохой, но в том-то и дело, что человек, а не учитель. Согласитесь, всякий учитель — человек, но не всякий человек — учитель.

А мистер Клаус — другой. Ходит всегда в пиджачке, в галстучке, что довольно забавно, ведь он — учитель биологии, а не истории. Очки в роговой оправе неизменно сидят у него на носу. Тёмные волосы слегка взлохмачены.

Войдя в класс, он прежде всего включил свой ноутбук, потом положил на стол какие-то учебники, открыл один из них, полистал, усмехнулся. Повесил на доску схему того самого

пресловутого человеческого мозга. Потом оглядел присутствующих оценивающим взглядом, пробормотал что-то себе под нос, а потом сказал громко:

— Конечно, вы прекрасно понимаете, что никаких уроков в лесу у нас устраиваться не будет.

На самом деле, он мог бы и не говорить этих слов, потому как информация эта, как мне кажется, до жути очевидна, однако же надо ведь как-то вспомнить о последних событиях.

— И впредь верить таким сообщениям не стоит, — продолжил он и поправил очки. И с укором взглянул на меня, на Бри, на Чарли. Будто что-то говоря нам мысленно, надеясь, что мы услышим, обладая какой-то невиданной сверхспособностью — залазить в чужие умы. Наверное, после недавних происшествий, такие слухи вполне имеют место быть.

Конечно, верить тогда было глупостью, но ведь мы и не верили. И, что самое интересное, родители наши тоже не верили сами. Их заставили поверить. Заставило. Заставила. Заставил. Не знаю, чьих это рук дело, и никто не знает. Возможно, знала Хейли.

Если вспомнить, что говорила Чарли, можно на какой-то краткий миг подумать, что это дело рук Хейли. А потом тут же забыть и убрать из головы этот бред. Потому что Хейли Энн Коллинз мертва, а призраков и духов не существует. Хотя в последнее время так и ловишь себя на мысли о том, что начинаешь в этом сомневаться.

Я взглянул на Бриджет. Та, совсем как Сидни, грызла карандаш, уставившись в свои конспекты. Готов поклясться, что строение головного мозга она расскажет даже среди ночи и без всяких записей. Конечно, я тоже... наверное. Но Бри всё равно знает гораздо больше меня. У неё хотя бы с математикой всё более, чем в порядке.

Тут она повернула голову и, дождавшись, когда мистер Клаус отвернётся, быстро кинула мне на парту смятый кусок бумажки. Я тут же развернул её записку.

«Чарли не смогла выехать из Тэррифилда. Её задержала Хейли.»

Я изумлённо обернулся. Может, это и есть причина странного поведения Шарлотты?

Стоп. Как её могла задержать Хейли?

Словно прочитав этот вопрос в моей голове, Бри шепнула:

— Дух или призрак, судя по описанию.

Мистер Клаус мгновенно развернулся, заслышав лишний шум, а мы тут же опустили головы, сделав вид, что заняты. Очень заняты. Он хмыкнул и снова стал чирикать что-то мелом на доске.

— Ты веришь ей? — спросил я как можно тише.

— Почему нет? Сомневаюсь, что она бы сдала нас по собственной воле.

— Что случилось с Лексой? — вдруг поинтересовался я. Очень вовремя. Да, надо было задать этот вопрос именно сейчас, когда мистер Клаус готов задать свой вопрос мне и всем остальным в любой момент.

— Потом расскажу, — ответила Бри и поспешила списать с доски какие-то новые сведения. Новые для нас, старые для неё. Хотя и для меня тоже старые — с функциями гипоталамуса я знаком.

Теперь я понял, что не могу дождаться, когда урок наконец закончится. Раньше у меня такого с биологией не бывало.

Но раньше и с Чарли мы на биологии больше контактировали. А теперь...

А теперь она вообще ни на кого не смотрит. Уставилась в стол. Словно желая закрыться от внешнего мира.

Да, биология — это вскрытие трупа. Теоретическое. Вот только труп моей беззаботной

жизни она ни вскрыть, ни оживить не может. Даже на теории.

***

После рассказа Бриджет я снова стал повторять и вслух, и в голове одну и ту же фразу: Лекса жива. Жива. Лекса жива. Лекса Грейс Вудли жива.

Как мантру.

Возможно, я принимаю желаемое за действительное.

Нет. Действительное стало желаемым. Желаемое стало действительным, не иначе.

Билли, который поначалу загорелся идеей выкопать гроб, вытащить Лексу и зажечь дружно и счастливо, сейчас воспринимал её скептически. Его как будто подменили, однако так можно сказать про всех. Мы все изменились. Конечно, не в самую лучшую сторону, но это смотря как взглянуть на ситуацию.

— Попахивает жареным. Жареными нами, — сказал он, барабанил пальцами по столу.

— Зачем же так пессимистично? — саркастическим тоном спросила Сидни. — Мертвечиной пахнет, мерт-ве-чи-ной!

Сидни не выглядела веселой. Скорее, угнетенной и мрачной. Разговорам она предпочитала сидеть в телефоне. Билли пытался её как-то приободрить. Чуть ли не в кино её позвал, не знаю подробностей.

— Любишь мертвечину? — нервно подавив смешок, вновь подал голос мой друг. — Всегда знал, что нам по пути, Грин.

— Всегда знала, что ты всё время ошибаешься, Старк, — огрызнулась в ответ Сидни.

На самом деле, все эти их перепалки мне порядком надоели.

— Хватит! — воскликнул я. — Только не говорите, что вы не поедете со мной.

Сидн вздрогнула, будто забыв, о чём вообще был сыр-бор.

— Не поедем куда?

Видимо, действительно забыла.

— Лекса. Кладбище. Гроб.

— Нет, Томми, даже не предлагай, — отмахнулась она, облокотившись о стену. С этими дурацкими голубыми обоями. Мне они никогда не нравились, да и ей тоже, а вот её мать их просто обожала, именно поэтому и не меняла. Ремонта в доме семьи Грин, где мы сейчас и находились, не делалось давно, да и нужен ли он был? Разве что для того, чтобы содрать эти нелепые обои.

— Тогда я поеду сам, — пожал плечами, ответил я, собираясь уже покинуть комнату, но тут Сидни вскрикнула:

— Нет! В смысле... вдруг с тобой что случится?

— Ну, вы же не хотите ехать.

— Я не допущу, чтобы с тобой что-то произошло, — покачав головой, отрезала она.

Билли посмотрел ей в глаза.

— Да, Томас, я тоже. Так уж и быть, поедем. Правда, Сидни, ты же не собралась сопровождать Сайфера в одиночку?

На этих словах он попытался взять её за руку, но та увернулась с каким-то отвращением на лице. Её раздражало всё, однако она всё равно решила ехать. Это казалось мне немного странным.

Не отрывая взгляда, Билли пошёл в сторону двери, а потом и вовсе отвернулся и снова засвистел какую-то пресловутую мелодию. Сидни закатила глаза и повернулась ко мне, словно собираясь что-то сказать, но потом передумала.

Бри, все это время сидевшая в кресле, наконец, решила высказать своё мнение по поводу происходящего. Она ещё не начала говорить, а я уже был уверен, что без своих знаний во всех областях науки она не обойдётся.

— Мы не в двадцатом веке и уж тем более не в Средневековье, — заметила она. — Ошибочное погребение заживо сейчас возможно лишь в очень редких случаях.

— Значит, Лекса — и есть этот случай! — недовольно ответил я.

— Томас, у неё нет возможности жить в этом гробе! Даже если её похоронили заживо, то она сразу же задохнулась! Сейчас нет никакой надежды, что она жива.

— Тогда с кем я, по-твоему, разговаривал?

Бри устало провела тыльной стороной ладони по лбу и встала.

— Томас, ты же умный. Включи, пожалуйста, голову. Лекса не вчера умерла. И я видела, что там произошло. У неё нет никаких шансов. Почему ты веришь тем, кто водит нас за нос уже не первый день?

— Потому что я любил Лексу, — просто ответил я, даже не моргнув.

— А я любила Джо. Может, не так, как любят на самом деле, может, не любила даже, а он мне просто нравился. Но поверь мне, оно того не стоит. Мёртвые остаются мёртвыми, живые продолжают жить, и их пути могут пересечься лишь одним способом. Не стоит пытаться нарушить эту границу между двумя мирами.

— Такое ощущение, будто она уже нарушена.

Я вспомнил Шарлотту и Хейли. Казалось бы, стоило и Чарли напомнить о том, что её подругу не вернёшь из мёртвых и надо бы уже оставить её в прошлом. Но как забыть о прошлом, если оно вторгается в настоящее, да ещё и грозит попортить тебе будущее?

Но Хейли из мёртвых не восстанет. Если восстанет, то это будет уже чересчур, и я не поверю. Уж что-что, а такое точно может случиться только в книге, или в фильме, или в сериале. Или в компьютерной игре, но точно — не в реальной жизни.

— Ты точно думаешь, что спустя столько времени она не могла прийти в себя? — спросил я, не теряя надежды. Бриджет покачала головой.

— Франческо Петрарка в своё время пролежал двадцать часов в роли мёртвого. С гибели Лексы прошло даже больше, чем сорок восемь. Здесь нет никаких шансов.

Ну конечно, Сайфер. Всё же очень просто, достаточно применить элементарные знания той же биологии и понять, что свежего воздуха, да и вообще воздуха, ей там не хватает, значит, она даже если и была погребена заживо, то сейчас всё равно уже мертва.

Лекса мертва. Мертва. Лекса мертва. Лекса Грейс Вудли мертва.

Но с кем ты говорил, Томас?

И в этот момент, как всегда вовремя, мой телефон зазвучал своей едкой трелью. Я молниеносно подбежал к столу, схватил его и снова обомлел. Не как при звонке, звонок был отдельным подарочком судьбы, сыгравшим не одну бурлящую мелодию на струнах моей души, если таковая вообще существует.

— Опять сообщение от этого придурка, — выдохнул я, снимая блокировку.

— Что пишет? — глухо поинтересовалась Сидни.

Присланный файл грузился как назло медленно. Где-то примерно минуту.

А потом нам открылась коротенькая видеозапись с подписью. И на этом видео Лекса отчаянно кричала, била руками по стенкам своей нынешней обители. Подпись гласила:

ОСТАЛАСЬ ПАРА ЧАСОВ. ПОТОРОПИТЕСЬ, ЕСЛИ ХОТИТЕ УВИДЕТЬ ЕЁ ЖИВОЙ.

— И после этого кто-то ещё сомневается, что Лекса жива?! — поперхнулся я. Бриджет

взяла телефон у меня из рук.

— Если это монтаж, то он очень качественный, — поразмыслив, сказала она. — И всё равно я слабо верю.

— Последнее время столько всего происходит, что верить начнёшь всему, — проговорила Сидни. — Съездим.

— Съездим.

И плевать, что полсвета будет против, но мы бросим вызов миру мёртвых. Ради живых.

***

Лопата, и не одна, нашлась у Билли, усталость и измождённость — у Сидни, здравый смысл — у Бри, надежда — у меня.

А у Чарли — нездоровая мания к кладбищам.

Так подумал я, когда мы подъехали к ограде. Солнце уже практически село. Честно говоря, когда мы увидели чью-то тень, я сразу подумал, что это Шарлотта. У меня и мысли не возникло о том, что это может быть кто-то другой. Кто-то чужой.

Билли, выйдя из машины, хотел было окликнуть её, но я подал ему знак этого не делать. Никто не знал, что сейчас у неё было на уме, а потому лучше было не встречать. Из-за ограды было хорошо видно её лицо, зато она нас не видела. Вернее, создавалось ощущение, словно она никого не видела. Брови нахмурились, глаза были устремлены куда-то вдаль, губы поджаты. Ступала она резкими, но медленными шагами. Трава так и хрустела у неё под ногами. Ладони то и дело сжимались в кулаки.

— Что с ней происходит? — еле слышно спросил Билли, а в ответ я пожал плечами. Тем временем Чарли отошла на достаточное расстояние, чтобы на кладбище прошли мы. Сидни распахнула калитку, и мы двинулись за ней. Заходя, я чуть не споткнулся из-за лопаты, которую держал в руках. Держал неуверенно; у меня даже будто пальцы подрагивали, как осиновые листья. Потому что я не понимал, что собираюсь делать дальше. Потому что одновременно и знал, и не хотел верить в то, что моя подруга мертва, и ничего это не изменит.

На риск людей толкает надежда и вера. Если на риск идут, чтобы выпендриться, то это не риск. Хотя, может, и риск — ведь они верят, что смогут показать себя перед другими. Наш риск не отличался к разряду таких, наш риск был вызовом не остальным людям, а чуть ли не самим небесам и природе.

Едва Билли ступил на территорию кладбища и невольно чертыхнулся, ударив себя по ноге калиткой, как Шарлотта тут же обернулась и посмотрела на нас. От этого взгляда у меня внутри всё обжигающе похолодело. Будто она смотрела прямо в мою душу. Будто на меня смотрела не она.

— Чарли, — позвал я.

— Что вы здесь делаете? — сухо и отрывисто спросила она.

— Чарли, что с тобой? Ты плохо выглядишь, — проигнорировав вопрос, заметил Старк. И даже непонятно было, хотел он сейчас её в очередной раз подколоть, или же говорил чистую правду без единой мысли о сарказме.

— Что вы здесь делаете? — механично повторила вопрос Боунс. Я молча отдал лопату Билли и направился к ней, стоявшей шагах в тридцати от нас. Она же не двинулась с места, просто продолжала смотреть на меня во все глаза. И мне начало казаться, что этот её взгляд оставляет за собой какие-то последствия.

— Шарлотта Мария Боунс, — с расстановкой сказал я, не останавливаясь. —

Пожалуйста, приди в себя.

— Я в себе, — тут же выстрелила она в ответ.

— Нет, — не сдался я. До неё оставалось всего каких-то шагов десять, но их преодолеть оказалось невероятно труднее, чем первые двадцать, которые с моим темпом превратились тоже в десять.

Десять шагов.

Десять мыслей.

Первая: передо мной не Чарли. Шаг был слишком быстрым, коротким и вроде как уверенным.

Вторая: передо мной Чарли, но с ней что-то не так. Шаг подлиннее, но более дисбалансированный, если так можно вообще сказать. Если объяснить по-человечески, то я снова споткнулся. Уже второй раз за последние минут десять.

Третья: Чарли пришла сюда не просто так. Ещё один длинный шаг, да такой, что веточки захрустели.

Шарлотта не отрывала своего взгляда. Я, рискуя, смотрел ей в глаза. Но чем же я рисковал?

Это была четвёртая мысль, на которую я не мог дать ответа. И она тоже сопровождалась шагом.

Пятая: это из-за Хейли. И я уверен в этом. И шагнул так же уверенно.

Шестая: Билли может быть прав, говоря, что между Хейли и Шарлоттой было что-то больше, чем дружба. На этой мысли я, заглядевшись, чуть покачнулся, но тут же поймал равновесие. А Боунс всё смотрела.

Седьмая: сейчас Шарлотта в таком состоянии, что вполне способна кого-то убить. Расстояние между нами сокращалось, а у неё на лице не появилось ни одной новой эмоции.

Восьмая: Шарлотта Боунс, как и её подруга Хейли Коллинз, может быть связана с убийствами. Мои ноги меня словно отказались слушаться, поэтому дистанция между нами сократилась совсем чуть-чуть.

Девятая: Хейли — не жертва, и Чарли жертвой не будет. Шаг сократил дистанцию наполовину. Шарлотта наклонила голову набок и будто решила что-то сказать.

Десятая: Чарли — причина, по которой погибают все.

И вместо того, чтобы сделать последний шаг, я оборачиваюсь, потому что слышу, как кто-то кричит. И все это слышат. Сидни, Билли, Бри. Даже Чарли. Даже она испуганно оглядывается по сторонам, жмётся к стороне.

— Что это? — дрожащим голосом спрашивает она. Снова смотрит на меня. Я смотрю на неё, и десять мыслей словно улечиваются, потому что передо мной не та Чарли, которая прибыла на кладбище раньше нас. Эта Чарли напугана, она, как и мы, не понимает, что происходит. И она точно не хочет, чтобы кто-то из нас умер.

И мы все этого не хотим.

Отчего-то возникло желание обнять Шарлотту, но тут же исчезло. Это было похоже на мимолётное желание приласкать щеночка, вот только Чарли не была щеночком, и щеночком ей никогда не стать.

Я лишь ринулся к своим друзьям, которые уже стали озираться по сторонам. И Боунс побежала вслед за мною. Сидни держалась одной рукой за Билли, что казалось удивительным, ведь не так давно она увернулась, когда он хотел взять её за руку, а второй за Бри, которой было страшно, это видно было по её глазам, вот только она пыталась сохранить

невозмутимый вид. Но глаза выдают всех.

Мой телефон зазвонил. Сейчас это казалось таким обыденным: мы стоим все вместе, ожидая чего-то подобного небесной каре, и тут у кого-то из нас звонит мобильник, нас вызывает кто-то, кого мы не знаем. Нас вызывает кто-то, кому мы бросили вызов, нас вызывает небо.

И сейчас звонила не Лекса, сейчас звонил тот, кому так нравилось измываться над нами, словно над куклами, которые не смогут вернуть на место свои головы, если им их оторвать. Снова неопределённый номер. Я включил динамик и ответил на звонок.

— Боишься, что мы опознаем тебя по голосу? — громко спросил я после нескольких секунд молчания.

— Нет, — послышался скрипучий ответ. — Мне — или нам — вообще бояться нечего.

— Чего вы добиваетесь?! — встряла в разговор Сидни. — Что от нас нужно?

— Процесс запущен вашей мёртвой подругой, и этот процесс не может быть остановлен, — скучаяще проговорили на той стороне. — Город рано или поздно канет в Лету.

— Это невозможно, — тут же вспыхнула Бри. — Невозможно окунуть в Лету целый город.

— Да что ты знаешь о том, что возможно, а что нет, Бриджет Уилла Моррисон? — Наш собеседник засмеялся, и смех этот звучал действительно устрашающе. Учитывая, что сейчас он пользовался программой, меняющей его голос до неузнаваемости. Таких покряхтывающих голосов не существует.

— Я знаю всё и не даюсь обману, — твёрдо ответила Бри, и я невольно восхитился её выдержке. Сейчас она совсем не была похожа на ту девочку, которая бегала плакать в туалет из-за всякой ерунды.

— Я вашей слабости дивиться не устану, — продолжая смеяться, сказал собеседник. — Ты же на такой ответ надеялась, цитируя "Тартюфа", правда? Показываешь свой ум, да не там, где надо.

— Зато вы умом не отличаетесь, — холодно проговорила она. — Иначе бы не устроили этот кровавый пир.

— Кровавый пир ещё впереди, — злорадно усмехнувшись, сказали на той стороне. — И мы как раз умом отличаемся, иначе как ты себе всё это представляешь? Как это всё создавалось, на чём это всё зиждится?

Кровавый пир ещё впереди.

Слова эти выстрелили. Как пушка.

Так вот какую цель преследует наш противник. Захоронить весь город.

— Допустим, — стараясь сохранять спокойствие, что было очень и очень сложной задачей, сказал я, — но давайте поговорим про сейчас. Что с Лексой?

— С Лексой? — на том конце вновь захохотали. — Конечно, вы повелись. Вы — мышки, побежавшие на запах сыра, вот только забывшие, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. Лекса мертва. Вернуть её в мир живых невозможно. Такие как она не возвращается.

— А кто же возвращается? — поинтересовался Билли.

— Избранные.

Шарлотта молчала. Я было подумал, что с ней снова что-то происходит, однако выглядела она так же, как несколько минут назад — испуганно.

Но я чувствовал: внутри у неё всё не так просто. И сейчас её мысли могут быть заполнены всем, чем угодно. Особенно после ответа, что избранные возвращаются из мёртвых.

Внезапно она сорвалась с места, устремившись к могилам. Мне ничего не оставалось, как всунуть телефон в ладонь Билли и побежать за ней, ведь в таком состоянии её оставлять было опасно.

— Чарли, что опять... — начал я, но фразы не закончил. Она остановилась у могилы Хейли, присела на корточки и остановила взгляд на могильной плите.

— Избранные возвращаются, — тихо пробормотала Шарлотта, прикоснувшись к плите.

— О нет, — вырвалось у меня. — Нет, Чарли, не надо сейчас...

— Хейли. — Она повернула голову и посмотрела на меня. — Понимаешь, кто подразумевался под избранными?

— Нет, — честно ответил я. — Не понимаю.

— Избранные — те, кто связан с этим мистическим заговором против Тэррифилда. Хейли — избранная. И Хейли возвращается.

Я сел рядом с подругой, опершись одной рукой о землю. Такую противную на ощупь, но не о ней я думал. Суждение о том, что Хейли — избранная, не было лишено логики; совершенно непонятно, кого ещё могли именовать избранными на той стороне, кроме как тех, кто связан со всем этим. Но так же мне совершенно не было понятно, почему Чарли с такой уверенностью заявила, что Хейли возвращается.

— Откуда ты знаешь? — медленно спросил я. Шарлотта нахмурилась, сжав одну ладонь в кулак. И ответила:

— Я её слышу.

***

— Это началось после гибели Лексы, — начала Шарлотта свой рассказ. Звонивший наговорил нам ещё какой-то чепухи о том, что рано или поздно всем нам будет грозить смерть, а так же напомнил, что с кладбища нам будет выбраться довольно трудно. И мы в этом убедились. Позвонили сестре Билли, Ари, которая знала, куда мы отправились, и та пообещала в скором времени приехать, если у неё получится. Сейчас, сидя в небольшом сарае, мы надеялись только на неё.

— Хейли была моей лучшей подругой, и это факт широко известный. Но когда-то давно, если года три можно считать давностью, я подумала, что она — моя родственная душа. Это может показаться вполне логичным, но сейчас я осознаю свою оплошность.

Она немного помолчала, чтобы убедиться, что мы её слушаем.

— Какую оплошность? — спросила Сидни, показав свою заинтересованность.

— Самую обыкновенную. Сейчас мне начинает казаться, что это и есть причина того, что она начала меня преследовать.

— Может, того факта, что вы были лучшими подругами, здесь достаточно? — предположила Бри.

— Может, — не смогла не согласиться Чарли. — Но... Хорошо, возможно, дело лишь в этом. Но, как бы то ни было, а она всё равно меня преследует.

— Каким образом? — недоверчиво спросил Билли. Она замялась, погибала пальцы.

— Она не дала мне выехать из города.

— Я слышала эту историю, — тут же вспомнила Бриджет. — И я ей поверила. Честно.

— Да, я не смогла выехать. У меня было что-то вроде видения. Но самое интересное то,

что Хейли показала мне труп. В кустах. В лесу.

— Стоп, — остановил её я. — Подожди, ещё одна жертва?

— Наверное. И она сказала, что мне не сбежать из Тэррифилда.

— Дрянь, — выплюнула Сидни. — Чарли, прости, что я говорю это сейчас, но Хейли меня часто бесила.

— Скажешь ей это в лицо, если увидишь, — мрачно пошутил Билли. Он вскочил на ноги и вышел из сарая, намереваясь посмотреть, не приехала ли Ари.

На наше удивление, именно в этот момент мы услышали гудок автомобиля. Я выскочил наружу вслед за другом, который уже побежал к калитке. За оградой стоял новёхонький автомобиль, который принадлежал Билли.

Ари приехала.

Ари сможет помочь.

По крайней мере, у неё есть мозг, а лишний мозг нам не мешает. Конечно, есть Бри, но не выглядит ли это несправедливо — вываливать всё на неё? Она не супермен и не супергерл. Она не может осуществить всё. И она не википедия. Я так говорю не потому, что презираю её или что-то в этом духе, а потому что так и есть.

— Ари! — взревел Билли, накинувшись на калитку. — Ари, я понимаю, как по-идиотски это выглядит...

— То, что вы заперлись на кладбище и изображаете, словно вы в опасности? — фыркнув, перебила его сестра и поправила свои очки. — Ребят, да вы издеваетесь? Вы не можете замок снять?

— Всё не так просто, — возразил я, подойдя к калитке. Забавно: на ней действительно висел замок. Словно мы заперли себя изнутри.

Билли поднял какой камень и стал бить по замку. Сначала это не принесло никакого положительного эффекта, а потом глухой звон осведомил нас, что в этой схватке мы победили.

Ари распахнула калитку, но внутрь не пошла.

— Выходите, — уперев руки в бока, приказала она. — Не буду я в ваши игры играть.

Я попытался сделать шаг на ту сторону, но тут же отлетел назад, будто кто-то меня сильно толкнул. Сестра Билли ошеломлённо разинула рот и попятилась назад.

— Билли, что это? — взвизгнула она. Тот пожал плечами. Выглядел он на удивление спокойно. А мне было не до спокойствия — приземлился я не самым удачным образом.

— Это то, во что ты верить не хочешь, — ответил я, приподнимаясь. Она хмыкнула, брезгливо дёрнув носиком. Потом начала разворачиваться.

— Эй, Ари, что за ерунда? Ты нам поможешь или как? — возмутился её брат.

— Каким образом? — вспыхнула она. — Вы не можете выйти.

И тут меня осенило.

— Мы-то выйти не можем, — начал я, — но ты точно войдёшь.

— Скорее, сгорю.

— Нет, ты войдёшь. У этих сил нет задачи никого сюда не впускать.

— Чтобы потом не выйти?

— Выйдешь. Все мы выйдем. Иди сюда, Ари, ну же!

Она вновь недоверчиво посмотрела на нас. Всё, что она излучала, — одно сплошное недоверие.

А потом сделала пару шагов и оказалась на территории кладбища.

Калитка за ней громко захлопнулась с каким-то злобным звуком.

Теперь в нашей ловушке оказалось на одну мышку больше.

Ари испуганно оглянулась, услышав звук захлопнувшейся калитки, потом вновь повернулась к нам и быстрым шагом устремилась к сараю.

— Идиоты, — буркнула она себе под нос. Как будто это мы во всём виноваты.

И в этот момент что-то загудело. Как тогда, когда мы приезжали сюда на могилу к Хейли. Вот только сейчас этот гул никакая молитва остановить не могла, потому что Лексы с нами не было. Это она могла сейчас нас спасти, но мёртвые живых уже не спасают.

Я помчался к сараю, Билли — за мной. Оттуда нам навстречу выбежали перепугу ныне Чарли, Сидни, Бри.

— Опять? — возмущённо воскликнула вторая. — Серьёзно? Снова этот гул?

— Только теперь нам не дают убежать, — заметила Шарлотта.

— Почему же не дают?

Тут Чарли резко вдохнула и схватилась за горло. Стоявшая рядом Бриджет схватила её за плечи.

— Чарли, что с тобой? — взволнованно спросила она.

Шарлотту будто отпустили и она выдохнула.

— Хейли, — процедила она сквозь зубы.

— Что Хейли?

— Это её вина. Это всё из-за неё. Она идёт. Она идёт, идёт... идёт!

А дальше картинки начали сменять друг друга, словно в калейдоскопе. Перед глазами замелькали чёрные тени, в ушах зазвенело, потом послышались отчаянные вопли. Послышались голоса.

Сначала был голос Джо. Разобрать, что он говорил, было невозможно. Наверное, потому что я никогда с ним особо не общался. А может, потому что не было такой цели у наших противников — доносить до нас слова Митчелла.

А потом был голос Лексы. Вернее, сначала были всхлипывания, потом измождённый крик, потом слова. Она повторила моё имя, повторяла до тех пор, пока голос не стал хрипеть. Я ничего не видел, но инстинктивно зажал уши, а голос не смолкал, ведь звучал он в моей голове.

Мне показалось, что я тоже стал кричать, но я не мог сказать точно, было ли это на самом деле. Мой крик, пусть и лишь в моём сознании, смешался с моим именем, произносимым мёртвой Лексой.

А после ворвался другой крик. Тоже знакомый, но словно инородный, потому что он был будто не отсюда. Он не вязался с голосом Лексы и моим глухим воплем.

Я будто проснулся ото сна. Перед глазами сначала всё поплыло, но тут же сфокусировалось. Я сидел в сарае на полу, а прямо напротив сидела на коленях Бри. Она кричала. Потому что что-то пыталось её задушить.

У этого чего-то были человеческие черты, но их не было видно. Вроде вот рука, фигура как у взрослого мужчины, но в общем и целом это была тень. Силуэт.

Я резко встал и бросился к Бриджет. Бросился к этому монстру, который хотел её убить, с каким-то зверским рёвом. Попытался повалить тень, которая оказалась такой упругой, как резина. Ударил её. И ещё раз. И ещё.

И крик замолк, а тень исчезла, словно её и не было. Бри схватилась за шею и посмотрела на меня широко распахнутыми глазами.

— Ты в порядке? — спросил я, помогая ей встать. Она кивнула, не отрывая взгляда.

— Где остальные? — чуть осипшим голосом спросила она. Я оглянулся. Пространство сарая будто стало гораздо обширнее, чем было. Будто мы сейчас были и не в сарае, хотя были именно здесь. Я направился вперёд по возникшему из ниоткуда коридору. На стенах виднелись кровавые пятна, от которых меня передёрнуло. Страшно было и помыслить, что это может быть кровь кого-то из наших друзей.

Бри схватила меня за плечо и пошла вместе со мной. Я чувствовал её страх чуть ли не ярче собственного. Но также я чувствовал, что боимся не только мы с ней. Где-то там были те, кто тоже боялся. Осталось лишь дойти до них.

И уже в который раз я услышал крик, только теперь его услышала и Бриджет, потому что этот крик был реален. Переглянувшись, мы побежали быстрее и достигли комнаты, которая больше всего была похожа на сарай. Можно сказать, это и был он, а всё остальное — построение или нашего сознания, или построение сообщников Хейли. Да, сейчас я был на все сто процентов уверен, что наших противников можно именовать именно так. Сообщники Хейли.

Ари сидела на стуле без сознания. Только стул был повален, поэтому она, скорее, полулежала. А напротив находился тот, кто кричал.

Билли.

У меня аж сердце ёкнуло, когда я посмотрел на него. Он был неподвижен, словно заморожен, и не кричал. Смотрел прямо на меня.

— Билли, — позвал я, наклонившись, и в эту секунду будто кто-то нажал на кнопку "воспроизвести": он снова завопил, протягивая мне руку, а что-то потащило его за ногу в какую-то другую комнату.

— Билли! — заорал я, бросившись за ним, намереваясь сделать что-то с этой тенью. Как у меня получилось это с Бри. Вот только я увидел, что на кофте у Билли — кровь, и что пространство, в которое его тащила эта тень, стремительно начало сужаться. Я попытался схватить друга за руку, и его пальцы попытались переплестись с моими, но...

Но было слишком поздно.

Тень резко дёрнула его, заставив выпустить мою руку, а через миг он уже исчез за стеной, словно его и не было. Как и тени.

Я медленно осел на пол, смотря на свою ладонь. На заднем плане слушались тихие всхлипывания Бриджет. Страх окончательно взял над ней верх.

А у меня в голове витала лишь одна мысль.

Мой друг погиб. Мой лучший друг погиб. Билли больше нет.

Нет. Нет, я не мог этому верить, нет, я не мог потерять и его тоже!

Чёрт.

Я потерял Лексу. Я потерял Билли. Не слишком ли это несправедливо по отношению ко мне?

Да, звучит эгоистично. Но что поделать?

— Пойдём отсюда, — прошептала Бри.

— Куда? — безэмоционально спросил я.

— Наружу. Вот дверь.

Будто не до конца осознавая, что только что произошло, мы вышли из сарая. Увидели перед собой могилы, а ещё — Сидни и Чарли, сидевших на траве. У обоих лица были такие, будто и здесь тоже что-то произошло.

— Билли мёртв, — сказал я. И удивился, как легко у меня это получилось.

Хотелось плакать, но внутри меня всё словно высохло.

— Мы слышали, — ответила Сидни. Нет, с ними явно было что-то не так.

Шарлотта вновь походила на ту себя, которую мы встретили на кладбище. И одновременно не походила. Я вообще не понимал, что здесь происходило.

И тут Бри, которая всё это время стояла, смотревши в другую сторону, дёрнулась и, вскрикнув, повалилась на меня, прижимая к земле.

А после я услышал, как прогремел взрыв.

Непонятно было, где реальность, где игры сознания, но я почувствовал, как будто кто-то вонзил в меня нож. Хотя это в принципе было невозможно, ведь я лежал на земле.

А потом я окончательно потерял сознание.

ГЛАВА 7. МОИ РУКИ В КРОВИ

Здесь жди меня, и дух обогати
Надеждой доброй; в этой тьме глубокой
Тебя и дальше буду я блюсти.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Шарлотта

Шериф, казалось, вновь принял нас за сумасшедших. Не удивлюсь, если сегодня-завтра нам скажут, что нас отправляют в психотерапевтическую лечебницу.

На самом деле, я бы от неё, наверное, не отказалась. Потому что голоса не дают мне спокойно жить.

Хотя из этих голосов выделяется один, заглушающий остальные. И если раньше этому голосу я была рада, то теперь этот лучик стал ножиком, вонзающимся в меня сильнее и сильнее.

Впрочем, кое-кто действительно оказался в больнице, правда, в обычной, не для свихнутых. Томас оказался ранен каким-то совершенно непостижимым образом. В живот. Будто ножом.

Бри спасла его. Мы с Сидни успели пригнуться, а вот если бы Моррисон не сбила его с ног, то ранений он бы получил гораздо больше. На кладбище что-то взорвалось, и пара осколков как раз достигли бы его, если бы он остался стоять. Вот только и Бри пострадала тоже. У неё тоже обнаружилось ножевое ранение, но в ногу. И у этого ранения форма, конечно, более лёгкая, чем у Томаса.

Врачи недоумевали. Сначала не хотели нам верить, не слушали нас, были уверены, что, во-первых, кто-то из нас убил Билли, во-вторых, кто-то из нас ранил Бри и Томми. Но мы в слезах клялись, что нет, это не мы. Действительно в слезах.

На самом деле, я склонна придерживаться той версии, что они были ранены осколками того, что взорвалось, однако на месте происшествия уже ничего никто не нашёл. Будто нас там и не было. Только труп Билли в сарае. Скорее всего, Бриджет и была задета осколком, но с Томасом не всё понятно. Он лежал на животе. Не мог же он со всей дури грохнуться на осколок.

Сидни рыдала не переставая. Я не понимала, в чём дело. Не могла же она так плакать из-за гибели Билли. Да, он был нашим другом, да, я плакала тоже, долго, но не так, как Сид. По поводу Бри и Томаса, казалось бы, плакать если и можно было, то чуть-чуть, ведь они остались живы. На удивление.

Всё оказалось гораздо интереснее и неожиданнее, чем я могла подумать.

— Сидни, — сказала я, когда она потянулась за очередным бумажным платочком, — может, лучше...

— Ты просто не знаешь, что со мной происходит, — всхлипывая, прервала меня она.

Тут я вздрогнула, почувствовав, что я и вправду многого о ней не знаю.

— Расскажи мне, — попросила я. — Излей душу, может, полегчает.

Она взглянула на меня своими грустными глазами. Утёрла лицо тыльной стороной ладони, глубоко вдохнула.

— Я влюблена, Чарли, — полушёпотом проговорила она. — В Томаса.

И этих слов я услышать никак не ожидала.

— Как... как давно? — спросила я.

Сидни неуверенно пожала плечами.

— Думаешь, я помню? Не один год точно. Может, два. Три. Не знаю.

А я стала прокручивать в памяти события, которые с нами происходили. И действительно, если бы кто-то вывел меня на эту дорожку, я бы догадалась, что Сидни влюблена в Томаса. Она всегда хотела быть рядом с ним. Всегда переживала за него, когда он получал плохие оценки. Ни одной вечеринки не устраивала, не пригласив его. Но в то же время она всегда оставалась чуть в стороне от него. Она не надеялась, что когда-нибудь сможет быть с ним вместе, а потому не рисковала. Любила в стороне.

— И что ты теперь будешь делать? — осторожно поинтересовалась я.

— Плакать, — фыркнула она в ответ.

— Так дело не пойдёт, — покачав головой, возразила я. — Ты должна сказать ему. Нельзя столько молчать.

— Может, я люблю его не для того, чтобы он полюбил меня в ответ! — тут же воскликнула Сидни. — Может, я люблю его просто для того, чтобы за что-то держаться в этом мире!

Я посмотрела на неё, поджав губу. Нет, ни за что я не готова была поверить, что она не хотела бы, чтобы Сайфер наконец узнал, что его счастье бродит у него под носом.

— Не обманывай себя, — вздохнув, сказала я и встала с дивана. — Нам с тобой надо в больницу. Сейчас.

Сидни шмыгнула носом и нехотя поднялась с кресла. Казалось, в этот момент она нервничала больше, чем когда-либо.

***

Бри и Томас лежали в соседних палатах. Если первая в принципе могла передвигаться, то второму лучше было оставаться на койке и не делать лишних движений. Впрочем, он переживал не по этому поводу.

Томми по-настоящему подавлен.

Недавно он потерял ту, которую любил. Теперь он потерял самого лучшего друга, почти что брата.

Я и представить себе не могу, насколько ему тяжело.

Сперва мы с Сид заглянули к Бри. Когда мы пришли, она сидела на своей койке и читала книгу.

— Ричард Фейнман, — сказала она, не дожидаясь, когда мы спросим, какую именно. — Автобиография.

Она захлопнула книгу и положила её на тумбочку.

Я присела на стул, Сидни облокотилась о стену.

— Как ты? — спросила я.

— Средне, — ответила Бри. — Жить буду. — На этих словах она опустила взгляд, нервно сглотнув. Конечно, она не была подругой Билли, но его гибель не прошла мимо неё. Она видела, как это произошло, видела своими глазами. Третья смерть, и снова она случилась прямо перед ней. Это же в концов концов несправедливо — сваливать всю тяжесть происходящего на неё.

— Это тяжело, — словно озвучивая мои мысли, сказала Сидни. — Да ведь?

— Видимо, — Бриджет равнодушно посмотрела на неё. — Я уже привыкла.

Сейчас бы самое время спросить у неё, что да как было там, но всё-таки нет. Совсем не

время. Она тоже раздавлена.

— Просто на этот раз чуть не убили меня саму, — ответила она на мой немой вопрос.

— Вам повезло, что вы выжили после этого взрыва, — заметила я. — Именно у вас был большой риск погибнуть. Мы с Сид...

— Меня чуть не убили раньше, — перебила меня она. — Меня душили.

— Кто?

— Почём мне знать? — Она задрожала от нахлынувших на неё воспоминаний и, казалось, была готова заплакать. — Но Томас спас меня.

Сидни вздрогнула, но это увидела только я. Хорошо, что ей не пришло в голову сейчас заявить: "А знаешь, я его люблю!", потому что это было бы неправильно.

Но услышав эту весть, я почувствовала гордость за своего друга. Он спас Бри, Бри спасла его. Они были квиты.

Мы могли потерять их обоих.

— К нему же можно сейчас зайти? — спросила Сид.

— Наверное, — ответила Бри, наверняка ничего по этому поводу не знавшая.

Сидни пошла к двери, я на прощание неуклюже похлопала Бриджет по плечу. Когда я уже почти переступила порог, она вдруг спохватилась и воскликнула:

— Подождите, книгу захватите!

Увидев моё недоумение, она пояснила:

— Я-то её прочла уже, а Томас нет. Нам мистер Мэден её советовал.

Сидни отвернулась, но я сделала вид, что её реакции не заметила, а потому взяла книгу и попрощалась с Бри.

Перед дверью в палату Томаса Сидни нерешительно остановилась.

— Зачем ты взяла книгу? — спросила она, не взглянув на меня.

— Только не говори, что ты ревнуешь, — закатив глаза, попросила я.

— А даже если и так? — Она вопросительно подняла брови.

Я провела ладонью по лбу.

— Сидни, — начала я, — я, конечно, совсем не эксперт в делах сердечных, но, по крайней мере, я понимаю, что ревновать в данной ситуации — дикость. Или ты бы хотела, чтобы Бри умерла?

Она покачала головой.

— Вот именно. Он исполнил свой долг.

С этими словами я приоткрыла дверь палаты и, убедившись, что внутри никого, кроме Томаса нет, проскользнула внутрь, поманив Сид за собой.

Томас сидел, уставившись в какую-то неопределённую точку. Казалось, она даже не заметил, что мы вошли. Выглядел он и вправду плохо. Было видно, что рана у него настоящая не в животе, а в душе. Лекса, Билли... даже представить страшно, кто следующий. Но ещё страшнее кажется тот факт, что потеря Билли уже казалась чем-то обыденным. Чем-то вроде дождя. Будто это то, что рано или поздно должно было произойти. Наверное, учитывая обстоятельства, это не совсем странно. Странно то, что теперь лишаемся всего, к чему привыкли. Если в скором времени у нас заберут горячую воду и отопление, я уже ничему не удивлюсь.

Я подошла к другу и осторожно дотронулась рукой до его плеча. Сидни подошла с другой стороны и тоже положила ему ладонь на плечо. Казалось, она училась у меня, как у его лучшей подруги. Выглядело это, несмотря на всю плачевность ситуации, весьма забавно.

Мне было её жалко. Если она решила признаться ему сейчас, то нельзя не отметить, что момент она выбрала не самый подходящий.

— Бри передала тебе книгу, — сказала я и аккуратно положила её ему на простыни.

— Спасибо, — наконец-то чуть оживившись, проговорил он. Голос его был хриплым и дрожащим. Хотелось плакать.

— Ты как? — спросила я, не надеясь услышать от него что-нибудь вроде: "Да всё прекрасно, Чарли". Потому что ничего не было и не могло быть прекрасно. Всё было ужасно, уродливо, тошнотворно и невыносимо.

— Я в норме, — всё равно ответил Томас и посмотрел сначала на меня, потом на Сидни. — Спасибо, что пришли.

Я кивнула и тоже посмотрела на Сидни, которая, казалось, была готова в любой момент захлюпать носом. Я подняла брови, беззвучно спрашивая у неё, готова ли она поговорить с Томасом, ведь это то, чего она хотела. И она поняла меня, медленно моргнув и едва заметно утвердительно качнув головой.

— Томми, — начала я, — Сидни... Сидни хочет с тобой поговорить. — Заметив лёгкое удивление на его лице, я быстро улыбнулась и закончила: — Пожалуй, я оставлю вас наедине.

С этими словами я поспешила покинуть палату, оглянувшись, чтобы убедиться, что Сидни не упустит свой шанс. Потому что она — моя подруга, которой я хотела помочь.

Если я не могу помочь себе, то я помогу другим.

Выйдя, я заметила стул, стоявший прямо возле двери в палату. Нет, я не люблю подслушивать и подсматривать за другими, но сейчас... сейчас я просто хотела удостовериться, что хоть что-то в этом чёртовом городе может пойти как по маслу.

И тогда я услышала, как скрипнула койка, на которую присела Сидни. А потом — её монолог.

— Я не помню, как влюбилась в тебя, Томас, но знаю, что уже очень долго живу с этой мыслью. Мне неважно, что ты мне ответишь. Просто хочу, чтобы ты это знал. Когда у тебя были неудачи на биологии, и я видела, как ты расстраивайся... Когда на тебя кричали родители из-за всякой ерунды... Я всегда хотела помочь тебе, Томми, даже если это будет в ущерб мне самой. Когда начало происходить всё это, когда мы решили отправиться за Лексой, я не собиралась тебя покидать, чувствуя, что всё это может закончиться не самым лучшим образом. Я просто не могу перестать думать о том, что я чуть тебя не потеряла, — тихо закончила она и всхлипнула.

Пауза затянулась, и я осторожно заглянула в палату одним глазком.

Слушать признания в любви и тяжело, и радостно, и больно. Смотря по ситуации. Некоторым на эти слова может вообще быть наплевать. Как в своё время было наплевать мне. Да, можно подумать, что я бесчувственная, но я отвергла своего совершенно не нужного мне поклонника в прошлом году. Потому что таких идиотов как Нейт ещё надо поискать.

Но Томас не выглядел так, будто ему только что вручили самый отвратительный подарок на свете. Он был поражён, не удивлюсь, если в самое сердце. Казалось, чужое чувство породило в нём его собственное.

— Эй, — наконец, приобрёл он дар речи, — ты же знаешь, что никогда меня не потеряешь, правда?

Я чуть со стула не упала, но вовремя себя остановила: прерывать такой момент лишним шумом не хотелось, оказаться замеченной — тоже.

Томас протянул руку и дотронулся до ладони Сидни, и они переплели свои пальцы. И смотрели на свои руки, осторожно улыбаясь. Может, от счастья, может, от отчаяния — кто их теперь разберёт?

А я почувствовала себя так, будто исполнила свой долг. С относительно довольным видом я встала со стула и направилась к лестнице по больничному коридору.

Но стоило мне достигнуть своей цели, как моя голова мигом закружилась, и мне пришлось быстро протянуть руку, чтобы опереться о стенку. Чёрт.

Нет, Хейли, не сейчас. Почему ты всегда находишь самый подходящий момент? Твои удушливые приходы за последние несколько дней уже начали раздражать!

Я прислонилась спиной к стене и вдохнула так глубоко, насколько это было возможно. Хорошо, что коридор был пуст. Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться на собственном дыхании.

Вдох, выдох. Вдох, выдох.

— Ну же, Чарли, сделай вид, что слушаешь меня!

— Нет, — шепчу я. Мне хочется закричать. Но не здесь. Закричу в больнице — точно подумают, что я сумасшедшая. Конечно, я и есть такая, но это лучше держать при себе.

— И только посмей сказать, что не скучаешь.

— Я скучаю, Хейлс, — горько сказала я, запрокинув голову и уставившись в потолок. — Но тебя нет.

— Кто тебе это сказал?

— Мой разум, — твёрдо ответила я. Но кому я отвечала? Своей больной фантазии? Своей нездоровой душе?

Этот наш диалог начался там, на кладбище. Тогда я сначала подумала, что я вообразила себе голос Хейли, что я просто думаю её голосом, но тот слишком звонко раздавался в моей голове, в моих ушах, и я не могла от него избавиться. И в конечном итоге я просто забылась.

Сначала она сказала мне одну фразу: "Сколько ещё крови должно пролиться, чтобы ты наконец вспомнила обо мне?" Я засмеялась, правда, смех тот не был весёлым. Я ответила вслух: "А ты действительно считаешь, что я про тебя забыла?" И ужаснулась тому, что сказала это. Мои слова просто подтверждали тот факт, что я сошла с ума, ведь лишь сумасшедшие слышат голоса, внимают им, отвечают им.

Но я не могла забыть свою лучшую подругу. Хотя бы потому, что я была уверена: это она виновата в том, что происходит. Но дошло до меня это не сразу. Да и сейчас я бы предпочла отдать всё ради того, чтобы узнать, что она — первая жертва, а не убийца. Убийца. Слово вгрызается в сознание, как заноза, которую слишком больно выдернуть, но и сидеть с ней тоже больно.

У-бий-ца. Какая жалость.

Она убила Джо. Она убила Лексу. Она убила Билли.

— Ты правда так считаешь?

Да, Хейли, я считаю так. Я чувствую, что меня предали. Меня предала ты. Я верила тебе, каждому твоему слову, движению, каждой твоей идее, я свято верила, что ты всегда права, я свято верила, что ты — солнце, которое и светит, и греет, и не наносит вреда, ущерба, которое не приносит беду... А потом кто-то щёлкнул пальцами — и всё это улетучилось. Я поняла, что это моё мнение перестало существовать, тогда, когда она начала меня контролировать. Поначалу я не понимала, что со мной происходит, но после того, как она не дала мне выехать из Тэррифилда, у меня не осталось никаких сомнений. Я

вспомнила, как внезапно начинала черстветь, как что-то во мне ломалось. Будто проснувшись ото сна, я вновь стала той, кем была раньше, хоть и на миг. Той девчонкой, у которой не было забот в лице гибнувших друзей.

И я поняла, что это Хейли пробуждала во мне тьму. Я видела в ней свет, а она была моим разрушением. Она разбирала меня по крупицам, по частичкам, по деталькам, едва сдерживая желание смахнуть се эти детальки одним мановением руки. Да, она будила во мне тьму, которая поглощала весь мой разум, съедала его, или даже, лучше сказать, сжирала, пожирала. Эта тьма голодала, и я, моя душа, была птичкой для голодного льва. Так невовремя попавшейся ему под руку.

— Ты сошла с ума, Шарлотта.

— Да неужели! — воскликнула я, всплеснув руками. — Да неужели, Хейли, неужели это только сейчас до тебя дошло? Если так, то я тебя с этим поздравляю!

С этими словами, звучавшими слишком громко в этой больничной тишине, я устремилась к выходу. Ещё пару минут я слышала лепет моей подруги, она неустанно говорила что-то вроде "Да как ты смеешь", "Возьми себя в руки", "Услышь меня"... Последняя фраза выглядела особенно забавно на фоне остальных. Да и вообще на фоне.

И когда я уже открыла дверь, чтобы выйти улицу, я услышала последнюю фразу Хейли на ближайшее время:

— Скоро увидимся, Чарли.

***

В школе было так же тихо. Едва войдя туда, я почувствовала некую скованность. Она возникает, когда всё вокруг погружено в атмосферу траура. Некоторые могут сказать, что становится холодно, но нет, мёрзнуть я не начала. Наоборот, был слишком жарко. Душно.

Пол вдруг стал таким мягким и бездонным, что ступать по нему было и легко, и тяжело одновременно. Он вдруг превратился в болото.

Самым вязким болото это становилось у шкафчиков. Погрязли здесь многие, столпившимися вокруг одного из них. Я осторожно пробралась сквозь толпу, так неожиданно расступившуюся предо мной.

Зрители пришли поглазеть на шкафчик Билли.

Теперь он был обвешен маленькими плюшевыми игрушками, записками, висела и его фотография. Когда из жизни ушла Лекса, на её шкафчике висели цветы, фотографии и ещё какая-то мелочь. Всё это выглядит так наивно, но так трагично.

Я прикусила губу. Глаза Билли смотрели на меня, мои глаза смотрели на Билли, и казалось, между нами возникла безмолвная связь... и оборвалась, заставив меня отвернуться и уйти.

Нет, ни в школе, ни в любом другом месте невозможно было находиться. Невозможно было существовать.

Есть вроде бы такая фраза: и жизнь обрела смысл. Моя же его вдруг потеряла. Звучит, наверное, слишком эгоистично, поэтому я поспешу добавить: не только моя. Жизнь Томаса потеряла смысл. Жизнь Бри, наверняка, тоже. Сидни пока что отделялась лёгким испугом.

Потому что она ещё не потеряла никого, кто был бы для неё по-настоящему дорог.

Даже не знаю, радоваться по этому поводу или злиться.

Злиться...

Последнее время мне кажется, что злоба польётся из меня фонтаном, как льётся кровь из перерезанного горла. Пульсирующей ярко-алой краской.

Но я прекрасно знаю причину своего ранения. Я — привязанность своей убийцы. Я — игрушка в её руках. Я — нож, который режет самого себя.

Но лучше, если этот нож вонзится в своего хозяина.

Сидни стояла у лестницы и ёжилась в своём свитере, хотя погода была совсем не холодной. Скорее, она ёжилась от прохлады стоявшей атмосферы, чем от действительных низких показателей на термометре.

— Не видела Ари? — вдруг спросила она.

— Нет, — ответила я, помотав головой. — А что?

— Ну она же сестра Билли. Просто интересно, как она отреагировала на всё это.

— Наверняка подумала, что это из-за нас он погиб. Что мы идиоты. Что без нас этого всего бы и не произошло. Что мы хотели её убить.

Казалось, этот список я готова была продолжать ещё очень долго, но умение остановиться — это способность очень и очень важная. Сейчас она у меня внезапно появилась. Или проявилась.

— И ей больно.

— Естественно.

Сид отвернулась, оперевшись о перила. Её нижняя губа едва подёргивалась; обычно такое происходило, когда она была вот-вот готова была заплакать. Самое смешное-несмешное то, что я понятия не имела, что делать в подобной ситуации. Обнять её? Глупо. Похлопать по плечу? Выглядит по-дурацки. Проще было просто оставить её в покое, но какой покой ей здесь был доступен?

— Какой сейчас урок? — не посмотрев на меня, спросила она.

— Насколько я понимаю, алгебра. У нас с тобой она общая.

Она кивнула и начала подниматься на второй этаж. Поправив лямку рюкзака, я последовала за нею.

— Что у вас с Томасом? — аккуратно поинтересовалась я по мере поднятия. Она грустно усмехнулась. А потом наши взгляды пересеклись, и я заметила, что да, это было сквозь слёзы, но она улыбалась.

— Я пока не знаю, — уклончиво ответила она.

— Но шанс есть?

Мой вопрос остался без ответа. Только зашагала она уже куда веселее.

Ну, по крайней мере, хоть за кого-то тут можно было порадоваться.

До двери кабинета оставалось всего несколько шагов. Я обыденно оглянулась, и вдруг у меня перед глазами мелькнуло что-то тёмное. И исчезло.

Я сделала шаг вперёд, но споткнулась и упала. Сидни быстро повернула голову и, увидев меня, опустилась на корточки и потрогала ладонью мой лоб.

— Что с тобой такое, Чарли? — спросила она. — Температуры у тебя нет вроде.

— Скажи ей. Давай, Шарлотта, скажи.

Я поморгала, пытаюсь сфокусировать свой взгляд на подруге, которая выглядела уже обеспокоено и явно пыталась что-либо предпринять.

— Ты опять её слышишь, правда? — прошептала она. Я еле заметно кивнула. Сидни чертыхнулась.

Перед глазами снова всё поплыло, и я запрокинула голову назад.

Мне снова стало казаться, что меня что-то душит. Кто-то душит.

— Ты же не сможешь мне сопротивляться, пока я здесь, Чарли.

Я готова была заплакать, как маленькая девочка. Но Хейли не давала мне этого сделать. Хейли сковывала меня, спутывала, натягивала ниточки меня-марионетки, чтобы отпустить их тогда, когда ей самой вздумается.

— Сид, — прохрипела я. — Сид, мне кажется...

— Не отключайся, Боунс! — отчаянно вскрикнула она. — Не здесь!

Но её просьбы могли мало что изменить.

Сознание наполнялось дымкой и запотевало, как окно на кухне, в которой варится картофель.

И в конце концов эта дымка поглотила меня полностью.

***

Приводить меня в чувство с помощью нашатырного спирта было так же бесполезно, как пытаться есть суп китайскими палочками.

"Ты упала в обморок", — сказали мне в медицинском кабинете, и я еле сдержалась от желания воскликнуть: "Да неужели?"

Но на самом деле, это маленькое происшествие пугало. Оно означало, что Хейли начала брать верх.

— Это уже что-то из ряда вон выходящее, — заметила Сидни. — Она не может просто взять и успокоиться?

— Я не знаю, — ответила я. — А вдруг я просто сошла с ума, и всё это мне кажется? Вдруг нет никаких голосов?

Подруга молча посмотрела на меня, выдержав паузу.

— Ага, и трупы тебе кажутся, и похороны, правда? — Она невесело фыркнула. — Нет, Чарли. Если тут кто и сошёл с ума, то сразу весь город. По одиночке здесь свихнуться невозможно.

Мы ещё немного помолчали. Но долго сохранять тишину было невозможно — она звенела, резала уши и кричала во весь свой тусклый голос.

— Зачем она это сделала? — спросила я, не требуя ответа. — Зачем она стала ходить на эти шабаши? Ведь это не один раз случилось, я её регулярно перед её родителями покрывала. Зачем я именно в то день решила узнать, что происходит? Зачем она взяла с собой мобильник, зачем мы с Джейком выследили её, зачем вообще мы — с Джейком, зачем...

А дальше — истерические всхлипывания, не несущие никакой смысловой нагрузки. Несущие только отчаяние, разочарование и разрушение всего, что попадает под руку. Прежде всего — души. Своей.

Сидни пытается меня успокоить, Сидни понимает, что это бесполезно, Сидни бежит к шкафчику с лекарствами, Сидни достаёт валерьянку. Сидни наливает стакан воды, в другой стаканчик поменьше — эту кошачью отраву. Сидни подходит ко мне, садится на корточки, хочет, чтобы я выпила, а я — одним махом — выбиваю стаканчик из её руки. Я кричу.

Я кричу, вскакиваю с места, пробегаю мимо оторопевшей Сид в коридор медицинского блока, где меня ловит медсестра. Я вырываюсь. Рычу, отбиваюсь.

И в этот момент не совсем понимаю: я — это я или кто-то ещё? Я — это я, или та марионетка? Я — это всё ещё Шарлотта Боунс, или я — это уже Хейли Коллинз?..

Меня пытаются усадить хотя бы на пол, но я и сама съезжаю по стенке, хрюкая носом. А потом снова кричу, уже более озлобленно. И снова вскакиваю, словно желая залезть на потолок.

Будь у меня когти, всё бы здесь уже было изодрано. Будь у меня клыки, всё бы здесь уже

было искусано. Но у меня нет клыков, когтей, рогов, копыт, ещё чёрт знает чего. У меня есть только сумасшедшая подруга, которая выбрала меня своим орудием. У меня есть мёртвая подруга, которая решила перевести на свою сторону всех живых. У меня есть подруга, которая решила убить весь город.

И вот я уже не слышу, что мне говорят, ни единого слова из тех, что пытаются мне донести ненароком, пока я кричу и молчу, я — одновременно. Я просто закрываю глаза и слепну, и глохну, и слушаю только один голос, который снова проснулся во мне.

— Покой обретают только мертвецы.

— Намёк на мою близящуюся смерть? — нервно смеясь, интересуюсь я. Глаз я при этом не открываю — наверное, Сидни и медсестра не понимают, что сейчас происходит. Вернее, первая, может, и понимает, но не вторая.

— Ты безумна, Чарли. Ты беспокойна. Но я знаю, что тебя успокоит.

— Смерть, — снова слетает слово с моего языка. Смерть, смерть, смерть. Даже у самого слова железноватый привкус крови, обжигающий нёбо.

— Нет, Чарли, не смерть. Смерть недостойна тебя. Тебя успокоит встреча.

— С кем? — продолжая трястись и душась от смеха и слёз, спросила я. — С психотерапевтом?

— Со мной.

И после этих слов я буквально чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Я лечу на дно, как Алиса падала в кроличьей норе, только её впереди ждали необычные приключения, а что ждало меня? Меня ждала моя личная тьма, ждала с распростёртыми объятиями.

И именно в эти объятия я и летела.

***

Очнулась я дома.

Честно говоря, мне уже надоело приходить в себя. Или выходить из себя. Надоело ли мне существовать в принципе? Спорный вопрос, отвечать на который я не осмелюсь.

Мама моя была здоровски напугана. Она вилась вокруг меня, не зная, что ей лучше сделать — подоткнуть мне одеяло, сварить мне чаю с вареньем или просто отстать от меня.

В детстве она часто на меня кричала, потому что я была непослушной. С годами это прошло. Теперь у нас отношения... странные. Такое ощущение, будто во мне есть какой-то замок, открывающийся одним единственным ключом. Который она потеряла.

Но в то же время она уверена, что таких, как я, ещё надо поискать. В хорошем смысле. Она считает, что я могу быть примером для своих ровесников. Про Бри она почему-то всё время забывает. Ну, забывает, и ладно, что с неё взять.

— Логги, ты переутомилась, — прошебетала она. Я еле сдержалась, чтобы не сделать вид, будто меня сейчас стошнит.

— Всё в порядке, мам, правда, — отмахнулась я бессовестной ложью.

— Солнышко моё, ну нельзя так урабатываться, — продолжала она. Урабатываться? Такое слово вообще есть?

Знала б она, что тут происходит на самом деле.

— Тебе что-нибудь принести? — не отставала она с вопросами. Я молча отвернулась. Мать вздохнула и, наконец-то поняв, что ничего мне от неё сейчас не нужно, покинула комнату.

Тогда я выбралась из-под одеяла и встала голыми ступнями на холодный пол. Медленно подошла к своему столу, над которым висела доска для фотографий, замёток и прочей

чепухи.

Нахмурилась.

По самому центру висела наша с Хейли фотография, которая была в единственном экземпляре и хранилась в своё время у неё, а не у меня. Мы улыбались. Нам здесь было лет двенадцать, не больше. Снят кадр был в спортивном центре. Да, в своё время мы обе увлекались спортом и ходили на занятия по волейболу. Не скажу, чтобы она делала какие-то успехи в этом направлении. Ну а мне это просто наскучило.

А возле фотографии была прикреплена маленькая записочка, которую сначала можно было и не заметить.

Я протянула руку и осторожно открепила её, стараясь не повредить. Развернула.

Обомлела.

Ты же помнишь это место? Встретимся там, подружка. Только не опаздывай.

— Хейли.

Меньше секунды мне потребовалось на то, чтобы осознать: записка написана самой Хейли и написана она сегодня. Получается, Хейли жива? Или это очередной фокус, обман, очередная выдумка?

А потом во мне что-то щёлкнуло. И что-то словно кольнуло в глаза.

Я — или не совсем я — всунула записку в карман джинсов, открыла шкаф, выудила оттуда свою кожаную куртку. Подошла к столику с зеркалом, взяла расчёску, причесалась. Посмотрела на своё отражение и злорадно ухмыльнулась. И в глазах словно что-то блеснуло.

Потом тоже вышла из комнаты. Проверила, что делала мама. Сидела и читала какую-то книгу. Значит, она меня не слышала.

Ноги повели меня на кухню, руки потянулись к ящику со столовыми приборами, открыли его и выудили из него один единственный предмет. Одно единственное оружие.

Нож.

Я захотела закричать, но вдруг поняла, что больше не имею контроля над собственным телом. Вроде вот я, смотрела на жёлтую стену нашей кухоньки, а пошевелиться не могу. А тело — шевелится. И оно повело меня — ту, сумасшедшую, и меня- ту, вроде бы как нормальную, из дома.

Хейли вела меня на встречу с нею. Хейли заставила меня взять нож. Хейли заставила меня, заставила, заставила... заставила стать такой, какой я стала. Она изменила меня, она переродила меня, создала меня. И ей нравилось то, что она сотворила, потому что только с любимыми игрушками обращаются так.

Сжимая в руке нож, я вышла на улицу и пошла к своей цели. Ничего не соображая и доверяясь лишь своему телу. И чувствуя раздвоение своей личности.

Одна из них кричала, что Хейли — тварь, которую надо забыть. Вторая же считала её божеством. Вторая вела меня в центр, первая хотела остаться дома. Вторая достала нож, первая хотела его выбросить.

Первая была мной. Вторая — тем, что придумала Хейлс.

Путь до спортивного центра был близок. Мне уже начинало казаться, что я отделилась от своего тела настолько, что могла наблюдать за ним с вышины. Кого я видела? Запрограммированного монстра. Девушку, в чьих глазах не читалось ничего, кроме ненависти. Она шла быстро, можно сказать, молниеносно. Никто не попадался ей по дороге, и это было счастьем, потому что в правой её руке был крепко зажат нож. С какой целью? Кто знает.

Но ненависть в её глазах была обращена не к Хейли, а к людям и к городу, по которому она шла. Казалось, её цель теперь совпадала с целью мёртвой подруги. Убить город.

И тут я заметила, как с соседней улицы вышла Сидни. Прямо навстречу мне-не мне.

Я начала молиться, чтобы не столкнуться с ней. Не знаю, верь ли я в Бога, но ничего другого делать не оставалось.

А я шла. Напролом.

— Чарли! — воскликнула заметившая меня Сидни. — Чарли, что ты здесь... о, чёрт.

Она подбежала, чтобы схватить меня за плечи.

А я закричала. Только крик этот был не криком отчаяния, который получился бы у меня. Этот крик походил на злобный рык. Я кричала прямо в лицо своей живой подруге, и казалось, что у меня вот-вот вылезут когти.

Но нет. Я не оборотень. Я просто подруга сумасшедшей мёртвой девчонки, решившей убить этот город.

— Чарли! — взревела Сидни в ответ. — Приди в себя! Ты не монстр, слышишь меня? Ты! Не! Монстр!

Вот только она ошибалась. Та, кого она сейчас называла Чарли, таким родным именем, была монстром, чудовищем. Не человеком.

И тут послышался гул. Гул, который преследовал нас уже не в первый раз. Сидни испуганно оглянулась. Я посмотрела ей за спину.

И тут моё сердце словно упало в какую-то яму.

Я побежала, спрятав нож, и в этот момент я вновь воссоединилась с собственным телом. Я бежала навстречу своему творцу.

Я бежала навстречу Хейли.

***

Она стояла посреди парка. Такая живая, хоть и мертвенно бледная. И на лице её был какой-то испуг. На ней было надето то зелёное платье, в котором она была в день последнего шабаша. Её любимое платье.

— Хейли, — выдохнула я и ринулась к ней. Заметив меня, она открыла рот, словно от изумления. Через секунду мы уже сжимали друг друга в объятиях. В самых настоящих объятиях.

Я плакала.

Обвив руками её шею, я забыла, кто находится предо мной. Я видела, обнимала свою лучшую подругу, а не своего врага. И почему-то я этой мысли уже не боялась.

— Чарли, Боже мой, — прошептала Хейлс. — Чарли, я так рада тебя видеть!

Я не смогла ей ответить. Казалось, что она правда не писала мне никаких писем. Не угрожала мне. Не говорила со мной. Словно она сейчас вернулась из долгого странствия.

— Я скучала, — наконец, выговорила я. Она улыбнулась и закивала.

— Я тоже.

Мы смотрели друг на друга и не могли поверить, что это происходило на самом деле.

У меня вмиг появилось множество вопросов.

— Может, тогда расскажешь мне о шабашах? — на свой риск спросила я.

И зря я это сделала. Этот вопрос оказался переломом.

— Шабаша... может, тебе ещё и сказать, кто такой Nightwolf? — На её лице появилась злобная усмешка. Я инстинктивно сделала шаг назад. Сердце у меня ёкнуло. Там, на дне ямы.

— Какая же ты всё-таки глупышка, — пропела Хейли. — Впрочем, я и не сомневалась, что дурить мозги тебе будет так же легко, как обводить вокруг пальца слепого котёнка.

— Nightwolf'a не существует?

— Почти. Но дело не в этом. Ты что, правда подумала, что я вернусь к тебе с мешком счастья? — Она засмеялась. О, этот звонкий смех не нёс в себе ни капельки света или тепла.

Хейли была моим разрушением. В Хейли не было света.

— Ты заставила меня думать, что ты — центр мира, — сухо сказала я. — Ты сделала меня чёрствой.

— А кого же ещё, как не тебя?

Действительно. Кого же ещё.

— Зачем тебе вообще понадобилось покушаться на Тэррифилд?

— Этот город изжил самого себя. Он разлагается на ваших глазах.

— Из-за тебя, — прервала я её.

— И без меня он разрушался, а я просто довожу дело до конца. С помощью тебя. Через Магнит.

Магнит. Конечно, есть же ещё и Магнит.

— Значит, я Магнитом не являюсь? — тут же спросила я.

— Слишком много чести, — фыркнула моя подруга. — И тем не менее. Твои друзья. Они всё... все они боялись, пытались бороться, страдали. И всё это происходило только потому, что ты любила меня.

Заметив моё недоумение, она тут же продолжила:

— Неважно, как. Как подругу ли, как сестру ли, как девушку. Неважно, Чарли. Ты меня любила, а я заставлю тебя любить меня вечно.

— Не заставишь, — холодно отрезала я, нащупав в кармане нож. — Знаешь, ты, конечно, много мной управляла, но...

— ...но я ещё не закончила, дорогуша.

С этими словами она протянула свою руку. Её пальцы сжались на моей шее железной хваткой, а мои руки онемели. И ноги. И всё тело.

Кричала я на сей раз мысленно. Но этот крик был гораздо громче предыдущих.

— Сейчас ты пойдёшь в спортивный центр, — медленно начала она читать свою инструкцию, которой я уже не могла сопротивляться при всём желании. — Пойдёшь в зал, где тренируются баскетболисты. Сейчас там находятся три человека. Всех троих ты прекрасно знаешь. Но убить ты должна только одного из них. Я скажу, кого.

— Нет! — сипло взвизгнула я.

— Да, Шарлотта, да. Ты убьёшь, потому что это то, для чего ты мне нужна.

Но я не хотела убивать.

И на этой мысли я снова потеряла контроль над собой.

Теперь я видела в Хейли командира, а в себе — солдата, исполняющего её приказы.

Я хищно улыбнулась и рванула в сторону спортивного центра.

***

Внутри было пусто.

Не пусто было только в зале на втором этаже по весьма понятным причинам.

Правда, Тобиас, Ал и Кейси не играли, даже несмотря на то, что на первом была спортивная форма. Этот первый стоял и целовался с Кейси. Так, словно хотел её сожрать. А Ал стоял и возмущался.

— О, Чарли, привет, — поздоровался он. — Ты прикинь, эти двое тут стоят и целуются как ни в чём не бывало, а мы вообще-то с Тобом тренироваться пришли... Чарли?

Внутри меня всё похолодело. Я не могла поверить, что кто-то из них сейчас погибнет из-за меня.

— Ал, беги отсюда, — проговорила я. — Ал, я не шучу, это опасно — быть сейчас здесь. Быть рядом со мной опасно.

— Что ты несёшь? — захохотал он. Идиот, зачем, зачем же он смеётся...

Тут дверь зала распахнулась, и вбежала Сидни.

— Шарлотта! — вскрикнула она. — Ты должна бороться с этим, понимаешь?

Я прекрасно понимала. Но я не могла.

Кейси вмиг оторвалась от своего парня и взглянула на нас.

— О, приветик, — запоздало отреагировала она. — Бороться с чем?

— Хейли управляет ей, — пояснила Сид. — Её призрак сейчас в парке, между прочим. А может, снова в голове у Чарли.

— И что такого они могут сделать? — спросил Тобиас.

— Убей его.

— Что-то очень страшное! — ответила Сидни. — У меня нет никаких конкретных данных, но они сделают! Не потому что Чарли плохая, а потому что Хейли дрянь! Мь доверяли ей, а она прокляла наш город. Тэррифилд проклят! Он проклят ею, понимаете?

Моё сердце забилось чаще, к ушам хлынула кровь. Голова затежелела.

Всё, что я сейчас чувствовала — нож в правой руке.

Сидни посмотрела на меня.

— Я не верю, Сид. Чарли не такая, — Тобиас улыбнулся. Я посмотрела на него.

И в следующий миг Сидни закричала так, будто я бросилась на неё. Но я бросилась на Тоба, повалив его на пол.

Моя правая рука взметнулась вверх. И застыла.

Тобиас был перепуган до смерти. Его глаза распахнулись так широко, что стали похожи на огромные блюдца. Он дышал так часто, как дышат перед решающим шагом. Только я так не дышала. Я словно вообще перестала дышать.

Тобиас. Я знала его года четыре, если не больше. И он совсем не изменился. Только в росте прибавил. А так — всё тот же курносый мальчишка со взъерошенными волосами. Любитель подраться, поесть гамбургеров. Попить кока-колы, в конце-то концов. У него могла быть ещё долгая, счастливая жизнь, полная эмоций, впечатлений. Воспоминаний. Но его линия жизни должна была оборваться сегодня.

Из-за Хейли.

Из-за меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чарли, не смей! — закричала Кейси. Она подпрыгнула ко мне, но тут же отшатнулась, словно ударившись током. Потом стала медленно отползать от меня. На лице её была изображена смесь ужаса, недоговаривал и страха. Она боялась меня. Я стала той, кого боятся.

— Чарли, — послышался голос Сидни. — Чарли, это не ты. Это она заставляет тебя делать ужасные вещи. Ты слышишь меня?

По моей щеке скатилась одинокая слезинка.

— Я слышу, — шёпотом ответила я. — Но это теперь я, понимаешь? Она теперь сс

мной. Она не умерла окончательно, потому что жива я. Чтобы убить её, надо убить меня. Но она не даст мне убить саму себя, потому что я в её руках — оружие. Оружие идёт против других. Оружие убивает. Но не себя.

Я вновь посмотрела на свою жертву. Он глядел на меня щенячьими глазами. Так смотрят на палачей. Он уже чувствовал, что ничто не может пойти по-другому.

— Чарли, пожалуйста... — взмолился он. — Ты же не сделаешь этого, правда?

Я всхлипнула.

— Прости, — хрипло сказала я. И вновь стала зверем. Питомцем Хейли.

Моя рука вновь взметнулась вверх, изо рта вырвался громкий крик, похожий на рык.

Нож вонзился ему в грудь и повернулся там несколько раз. Прямо в сердце.

Последнее, что мне довелось услышать — отчаянный вопль Кейси. Она кричала, рыдала, истерила, потому что я убила того, кто был ей дорог.

Я стала убийцей.

ГЛАВА 8. ШИПЫ

Любовь сжигает нежные сердца.

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Томас

Тоска — вот то, что поглотило меня полностью.

Когда я смотрел фильмы ужасов, на которые меня обычно таскал в местный кинотеатр Билли, я воспринимал их как чистый плод воображения создателей, который не может прорасти вне их сознания. Сейчас же я понял одну простую вещь. Жизнь может быть куда страшнее, чем её показывают в фильмах или описывают в книгах, потому что в жизни сложно что-либо предсказать. А раз мы не можем ничего предсказать, то мы боимся грядущего. Потому что мы его не знаем.

Грустно это признавать, но мне страшно. Я боюсь. Я боюсь просыпаться по утрам, боюсь идти в школу, боюсь жить — или же проживать? — эту жизнь в этом городе в этот миг. Я хочу уехать и забрать с собой свою семью, начинающую терять рассудок Чарли, так невовремя сдружившуюся с нами Бри, Тоба с Алом и Кейси. Всех, кого получится.

И Сидни.

Когда тебе признаются в любви, ты словно выпадаешь из этой реальности. Вроде вот ты, сидишь напротив собеседника, а сам будто упал на дно колодца. И не знаешь, что надо сказать, чтобы оттуда выбраться. И не знаешь, что ты чувствуешь на самом деле — то, что ответишь другому человеку, или то, о чём даже не вспомнишь от внезапности происходящего.

Любовь — то, чего я не ждал. По крайней мере, не сейчас. Даже не то чтобы не ждал — не ожидал. Не ожидал от Сид. Наверное, я был слишком слеп, а может, просто не обращал внимания на все, о чём она мне сказала. Но по ней было видно — она действительно переживала за меня. И я понятия не имел, что с этим делать.

Потому что когда-то я считал, что я её не достоин.

Богатая красавица, за которой могли бы ходить толпы фанатов из старших классов и не только. Но в то же время такая же загадочная, как Мона Лиза. Хотя нет, в Моне Лизе ничего такого загадочного нет. А Сидни всегда словно что-то скрывала. И теперь я узнал, что.

И я понятия не имел, что мне с этим делать.

С другой стороны, Сид была одной из немногих, кто меня всегда поддерживал. И я ценю это.

Кому известно, как рождается любовь? Может ли она родиться в ответ? Видимо, ответы на эти вопросы мне предстояло узнать самому. В ближайшее время.

От мыслей о Сидни я отвлекся, лишь принявшись за чтение книги, которую Мэден советовал. Читал "Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!" долго, не отрываясь. В какой-то момент меня начало подташнивать от жизнелюбия физика-ядерщика. Потому что мне весело не было, а ему — да. Да он веселился в своё удовольствие, рассказывал о том, как хороша жизнь, словно издеваясь надо мной, словно подглядывая за моим самочувствием и раздумывая, на какую рану насыпать больше соли! И как это только Бриджет прочитав умудрилась в теперешних обстоятельствах? Ума не приложу. А ведь ей тоже нелегко приходится. Её засосало во всю эту круговерть, хотя она к ней вообще отношения не имеет. Попалась под руку, из под которой очень тяжело убежать. Вцепились в неё железной

хваткой. Как там, на кладбище. Но от этой истории её нельзя избавить так же более-менее легко, как её удалось мне избавить от душившей её тени. Как и всех нас. Мы по-крупному попали, начав игру не на жизнь, а на смерть. Вернее, конечно, не мы её начали. Её начала Хейли. А мы стали её пешками, её шестёрками. Её куклами.

Но её любимой куклой всегда была Шарлотта. Именно этой кукле достанутся лучшие платья, причёски и прочая дребедень, включая двухэтажный домик с двумя комнатами и большой кухней. А все остальные будут ходить к ней в гости, ведомые той, кто всеми управляет. Главное — той, кто управляет Чарли.

От чтения и от размышлений о тяжком бремени меня отвлек телефонный звонок. И пока мобильник едко дребезжал, я смотрел на него с опаской. Потому что вспоминать, чем обернулся предыдущий звонок, даже не приходилось: зловещие картины так и стояли перед глазами, не стремясь покинуть моё сознание. Пересилил себя, я всё-таки взял трубку.

— Томас! — закричала Сидни по ту сторону. — Томас, чёрт, здесь беда!

Я вздрогнул. Голос подруги был полон отчаяния. Совсем недавно подобные нотки слышались в её признании, но тогда она всё же была счастлива, что наконец призналась, а сейчас... Сейчас ей было страшно.

— Сидни, что случилось? — резко спросил я. — Ты где?

— Хейли управляет Чарли! — воскликнула она. — Чарли убила Тоба!

Внутри у меня что-то будто бы ухнуло.

Чарли. Убила. Тоба.

— Что... что ты сказала? — переспросил я, словно надеясь, что мне послышалось.

— Чарли убила Тоба, а сейчас вполне может убить кого-то ещё! — то ли раздраженно, то ли чересчур перепуганно повторила Сидни. — Томас, Томас, что делать?

Она искала во мне поддержку, знание, помощь. Хваталась за меня, как за спасательный круг, даже будучи на расстоянии.

И я понял: сейчас я нужен там. Я нужен моим друзьям. Я нужен ей.

— Где вы? — настойчиво повторил я свой вопрос.

— Спортивный центр «Барри»! — чуть не плача, ответила Сид. — Я не понимаю, что творится с Чарли, она сейчас словно зверь, она...

— Жди, — прервал я её. — Жди, слышишь?

Сначала мне никто не ответил. Я замер, готовясь к худшему. Но через несколько секунд услышал ответ:

— Жду, Томми. Жду.

Я встал с кушетки и охнул: оказалось, резких движений мне делать не стоит. Но это меня не особенно волновало. Я подошёл к шкафу, вытащил оттуда свою обычную одежду, настолько быстро, насколько это было возможно, переоделся. Так или иначе, рана всё равно была закрыта, и ей мало что сейчас грозило. Не то что Сидни, Шарлотте и тем, кто был там с ними, а с ними ведь наверняка кто-то был, помимо уже мёртвого Тобиаса.

Выйдя из палаты, я устремился к лестнице, но в последний миг развернулся и пошёл в палату, находившуюся не так уж далеко от моей.

Бри не спала, не читала, а просто сидела, уставившись в окно.

— Эй, — окликнул её я. Она тут же повернула голову. Потом её рот, словно в замедленной съёмке, распахнулся от удивления.

— Ты что делаешь? — шёпотом воскликнула она. — Ты куда собрался?

— Плохие вести, — объяснил я. — Чарли... Чарли убила.

Бриджет свесила ноги с кушетки, намереваясь встать, но тут же резко втянула воздух.

— Что такое? — обеспокоено спросил я.

— Нога, — хрипло пояснила она. — Я не знаю, откуда на ноге вообще рана. Словно осколок.

— Там же был взрыв какой-то.

Она усмехнулась.

— Ты в этом так уверен? В том, что взрыв действительно был?

Потом кое-как всё-таки встала, взглянула на себя в висевшее на стене зеркало. В отличие от меня, она не была облачена в больничную рубашу и уже была готова идти сейчас хоть куда. Конечно, с трудом, как и я, но всё же.

— Кого она убила? — спросила Бри, наскоро заплетая свои рыжие волосы в косу.

— Тобиаса, парня Кейси.

Она кивнула.

— И как?

— Понятия не имею, Сидни на подробности не раскошелилась.

И это к счастью, наверное. Хотя труп нам увидеть всё равно предстояло, равно как и узнать, что же случилось.

Из палаты Бри выбежала даже быстрее меня, что меня, естественно, удивило.

— Ты вообще как такое с больной ногой вытворяешь? — поинтересовался я на бегу, спускаясь по лестнице.

— Мне слишком много причиняли боли. В итоге я научилась её терпеть.

— Мудро сказано, — только и заметил я, заходя в вестибюль первого этажа. И тут-то нас и ожидала первая неприятность.

— Куда собрались? — поинтересовался медбрат, стоявший у выхода.

Я посмотрел на него. Что-то было в нём ехидное. Злое. Или же это было в тот момент во мне, и потому я переносил эти черты на других? Но я знал одно: доверия мне этот тип не внушал.

Драться я никогда не умел по-настоящему. Так, чтобы победить. Победа была для меня чистым результатом удачи, везения, ещё чего-нибудь в этом духе. Но чтоб действительно выиграть какой-то бой просто потому, что я сильнее и умелее — нет, так со мной не пройдёт. К сожалению.

Драться с этим медбратом — безумие, потому как в этой схватке мне определённо нельзя было победить.

Я подошёл нему вплотную. Он смотрел на меня свысока, хило ухмыльнувшись.

— Куда нам нужно, туда и собрались, — с нажимом ответил я. — Понятно?

Реакция его меня поразила. И Бри она тоже поразила.

Медбрат просто пожал плечами и ушёл.

Пожал плечами и ушёл.

А мы выбежали из больницы. На удивление с лёгкостью. Опять-таки.

***

Боже, храни Тэррифилд. Хотя нет, со своей миссией Он уже не справился.

Вдвоём, прихрамывая, мы добрались до спортивного центра.

— Мы на месте! — закричал я в трубку, едва перешагнув порог.

— Мы? — недоверчиво переспросила Сид. С момента нашего разговора прошло минут десять. Хорошо, что городок наш небольшой. Но жуткий. И страшный.

— Бри со мной, — пояснил я, поднимаясь вверх по ступеням. — Вы на каком этаже?

— А, Бри, — медленно проговорила она. — Мы в зале, где в баскетбол играют.

— И что там сейчас?

— Увидишь.

И я и вправду увидел.

Миг — я распахиваю дверь. Ещё миг — влетаю в зал. Ещё — Сид кидается ко мне навстречу, я сжимаю её в объятьях, а сам смотрю вперёд. И вижу.

На полу лежит Тоб. Мёртвый. Глаза у него закрыты, а в груди торчит нож.

Рядом сидит Шарлотта и рыдает. Ещё неподалёку — Ал и Кейси. Брат пытается успокоить сестру, которая пытается вырваться из его рук. Наверняка для того, чтобы наброситься на Чарли. Которая убила её парня.

Сидни плачет. Я провожу рукой по её волосам, прижимаю к себе и невольно понимаю, что она мне дорога. Что я боялся её потерять, боялся, что Чарли её убьёт, потому и спешил сюда. Внезапно так понимаю.

Бри подбежала к Чарли. Присела рядом, встряска её за плечи. Начала выкрикивать её имя, пытаясь привести её в чувство.

— Чарли! Чарли, чёрт тебя побери!

— Уже побрал, — сквозь всхлипы ответила та. — Уже.

— Только зовут этого чёрта Хейли, — заметила Сидни, высвободившись, наконец, из моих объятий. — Этот чёрт начал всю эту игру, и мы должны её закончить!

Ал громко прочистил горло.

— Хейли, говорите? — отозвался он. — Ну-ну. А не хотите признаться, что сами всё это и устроили?

Внутри меня всё вмиг похолодело. И я уверен, что не только внутри меня.

Ни Ал, ни Кейси нам не верили. Они явно считали, что мы всё придумали. Про думали историю с гибелью Хейли, историю с гибелью Джо, Лексы и Билли. Просто выдумали сочинили. Они думали, что мы — убийцы, что это мы — проклятье города.

Это ясно читалось в их глазах. И я не знал, как заставить их перейти на нашу сторону. Заставить их поверить нам.

— Ал, — тихо сказала Бри. — Даже я этому верю, понимаешь? Казалось бы, я же на учёбе помешанная, а значит, верить в этот бред не должна, ведь он вообще ничем не подтверждается с научной точки...

— И ещё ты психованная, — оборвал он её. — Да ведь? Давай, Бри, расскажи всем себе! Почему ты так часто плакала? Почему ты так часто психовала, а может, психуешь и по сей день? Расскажи! Давай!

В зале повисло молчание. Я недоумевающе посмотрел на подругу; то же самое сделали и Сид, и Чарли, и Кейси. Один Ал победоносно злорадствовал.

Бриджет вспыхнула и поднялась с пола.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — сказала она, произнося одно слово на один шаг. — Ничего.

— Я знаю о твоих шрамах, Моррисон.

Она остановилась. Растянула губы в жалкой улыбке.

— Да, у меня есть шрамы. Но шрамы есть у всех. У кого-то эти шрамы на теле, у кого-то на душе, у кого-то — и там, и там. Кто-то ранит сам себя, кого-то ранят другие, кто-то подвергается нападкам обоими путями. Но не это главное. Даже если я и псих, это тоже не

имеет сейчас значения. Потому что я не такая сумасшедшая, как Хейли. Если ты этого не понимаешь, то тебе же хуже, потому что, рано или поздно, но ты это всё равно поймёшь.

— Что, если это ты — причина происходящего? — не отступался Ал. — Что, если это из-за тебя всё тут происходит?

— Ах, из-за меня? Конечно, я же способна проклясть целый город! — она всплеснула руками. Потом пристально посмотрела на этого придурка. — Ал, я не исключаю возможности того, что я и есть Магнит, но заметь, даже если это и так, я к этому не причастна. Я бы никогда не начала эту резню. Потому что я ненавижу убийства. Ненавижу насилие. Это не моя прерогатива — истреблять Тэррифилд.

И вновь молчание. Меня начинал сбивать с толку этот диалог. Ал точно знал что-то о Бриджет, чего не знали мы, и это... это пугало.

И тут двери зала распахнулись. Мы машинально обернулись, ожидая увидеть что угодно — хоть призрак Хейли, хоть тени, хоть ещё что-либо подобное.

Но в зал ворвались полицейские. И мы застыли от неожиданности.

— Это я их вызвал, — заметив нашу реакцию, объявил Ал. — Пусть арестуют убийцу.

Последнее слово он просто-напросто выплюнул. С ненавистью и отвращением.

Никого из пришедших я не узнал. Какая жалость, что шерифа МакСтоуна среди них не было. Хотя, как знать, может, оно и к лучшему.

— Шарлотта Мария Боунс, — начал главный из них, пока его коллеги подходили к ней, — вы арестованы за совершенное вами...

— Нет! — взвизгнула Сидни.

И в это мгновение случилось то, что мы могли бы назвать невероятным, если бы уже не пережили многое, схожее с этим.

Чарли посмотрела на полицейских. Те уже собрались надеть на неё наручники, но вдруг отлетели, прокатившись по полу до самых стен.

Шарлотта часто задышала и в ужасе закрыла лицо руками. Главный полицейский обомлел. Сам ринулся к ней.

— Не подходите! — попыталась она предупредить его, но было поздно. Вспышка — и он и сам отлетел на приличное расстояние.

А потом... потом пришла она.

— Никто не посмеет тронуть Чарли, — послышался твёрдый голос, принадлежавший никому иному, как Хейли Коллинз.

И она сама стояла здесь. Как будто живая. В своём зелёном платье, со своими волнистыми золотистыми волосами. И со своим холодным выражением лица.

Наш главный враг был здесь. И мы не могли ему противостоять.

Она подошла, вернее, будто подплыла к полицейским. Слегка пнула их ногой. Скривилась.

— Сейчас вы пойдёте домой и забудете, что здесь что-то вообще было, — злое приказала она. И те на удивление легко поднялись и, словно по указке, ровным строем покинули зал.

И двери захлопнулись за ними.

И мы остались с ней наедине.

Я сразу присел на пол, понимая, что устоять мне уже не удастся.

Ал с Кейси вообще плюхнулись, разинув рты. Они выглядели так, будто... ну да, они впервые увидели призрак, и так они, собственно говоря, и выглядели. Но что же время было

видно, что они всё ещё не готовы это всё принять. Что готовы сейчас придумать любую отговорку. Что это не Хейли перед ними, что полицейские подкупленные, хотя это они их и вызвали, что... Да чёрт их знает, что они там ещё думают. Главное то, что всё это — неправда. Ложь. Обман.

— Кто тут ещё ничему не верит? — спросила Хейлс, глядя в тот угол, где они и сидели. Те закачали головами, прижимаясь друг к другу.

— Хейлс, — позвала Сидни. — Хейлс, зачем ты это делаешь?

— Вы заслужили.

— Ты же не хотела этого всего никогда, да ведь?

Смех. Звонкий-звонкий смех, от которого Чарли тут же зажала уши, запрокинув голову.

— Послушай меня, девочка. Тебе никогда не узнать, что творилось в моей голове. Но ты можешь понять, что творится в твоей. Пока не поздно.

— Что значит пока не поздно? — вскрикнул я. — Ты серьёзно убьёшь своих друзей?

— У меня нет друзей и никогда их не было, — отмахнулась она. — Вы мне не друзья. Вы — мои любимые игрушки. Хейли же любила поиграть.

— Это и так ясно, — подала голос Бри. — Но это всё нелогично.

— Весь мир нелогичен. Весь мир — один большой хаос, так почему же не сотворить весь это хаос в небольшой городок? Получилось весело.

Она улыбалась так ярко, что становилось тошно.

— Обхохочешься, — буркнул я.

— Давай, скажи теперь, кто Магнит, — сказала Сидни. — Неужели это так сложно?

— Конечно, сложно, — улыбаясь, ответила Хейли. — Потому что что-то ведь должно вас мучить.

Подошла к Чарли, присела рядом с ней, приобняла за плечи. А на лице у Шарлотты был написан полнейший ужас. Она не знала, как избавиться от призрака лучшей подруги.

— Оставь меня, — прошептала она.

— Я? Тебя? Смеёшься, — возразила Хейли. — Ты же прекрасно знаешь, что это не-воз-мож-но. — Она стала наматывать себе на пальцы пряди её волос, что казалось нереальным, ведь она должна была быть бесплотным призраком, но оказалась весьма осязаемой. — Хотя знаешь... Мы ещё увидимся.

Она окинула нас всех прощальным взглядом и... испарилась. Вот так просто взяла и испарилась.

Недоумение постигло каждого, сидевшего в зале. Мы переглядывались немymi взглядами, пожимали плечами.

— А ведь разгадка была так близко, — задумчиво проговорила Сидни.

Но было и ещё кое-что.

Труп Тобиаса тоже исчез.

***

На следующий день мы, как ни в чём не бывало, пошли в школу.

Звучит до умиления утопично. Вместе, вприпрыжку... Шучу, не было никакой припрыжки.

Да, в больнице был переполох. Да, дома был скандал. Мама была в шоке полнейшем. Она и так-то едва понимает, что происходит, а тут ещё я сбежал. Кое-как удалось её успокоить.

Потому что рана больше не болела.

То же случилось, как потом выяснилось, и с Бри. Её мать, правда, не реагировала столь бурно, но рана её тоже зажила. Объяснений этому, конечно, не найдено. Как и всему остальному.

В общем, в школу мне улизнуть удалось. И там я встретил Сидни и Бри.

А Чарли не было.

Это был первый вопрос, который возник у нас троих: где Шарлотта? И вопрос этот был страшным, потому что ответы на него могли быть самыми непредсказуемыми.

Мы боялись за нашу подругу. А она боялась за нас и потому страдала. И мы не знали, где она страдала. Зато — страдала. И точка.

Биология у нас с Сидни не совпадала. Она неуклюже обняла меня, прежде чем разойтись, а Бриджет лишь смущённо отвела взгляд. Кажется, она видела в нас влюблённую парочку.

Кабинет располагался на втором этаже. Поднявшись, мы с Бри переглянулись.

— Всё в порядке с ногой? — на всякий случай спросил я.

— С ногой-то да, но... — неопределённо прозвучал ответ. Она остановилась, будто вслушиваясь. Выглядела она сейчас очень напряжённо.

— Что-то не так?

Честно говоря, один вид её меня пугал. Кто знал, что произойдёт дальше?

— Нет, у меня просто предчувствие странное. — Она качнула головой и вновь пошла по коридору. Постоянно озираясь по сторонам.

Но ничего в коридоре особенного не было. Всё было как обычно: снующие туда-сюда школьники, стены, обклеенные объявлениями о пропаже вещей, на подоконниках сидели настоящие влюблённые парочки, от одного взгляда на которых хотелось прочистить свой желудок.

Мы зашли в кабинет, сели на те же места, что и в прошлый раз.

Место Чарли пустовало. И эта пустота бросалась в глаза, резала их, кричала на весь кабинет, на всю школу, на весь Тэррифилд.

Мистер Клаус даже не опоздал на урок, а начал его чуть раньше. Я даже не особо вслушивался в тему. Мысли совсем не на уроке витали.

Через минут десять я взглянул на Бриджет. Она вжалась пальцами в парту и смотрела в какую-то неопределённую точку.

Ей было плохо.

— Бри? — шёпотом позвал я. Она посмотрела на меня глазами, полными дикого ужаса.

Потом взметнула руку вверх.

— Мистер Клаус, мне нехорошо, — негромко сказала она. — Можно Томас проводит меня до медкабинета?

Тот недоверчиво посмотрел на нас, но согласие своё всё-таки дал.

И под всеобщее недоумение мы покинули класс, в который так недавно зашли.

Всё становилось всё страньше и страньше.

Бри забежала за угол и устремилась к окну. Я — за ней.

— Бри, что происходит? — воскликнул я. — Может, объяснишь?

Она развернулась, оперевшись локтями в подоконник. Часто-часто дышала. Глаза будто заплаканные. Волосы растрёпанные.

— Я чувствую, что что-то грядёт, Томас. Я не знаю, как от этого избавиться, это просто мешает мне дышать, это давит изнутри с такой силой, что кажется, что сейчас разлетишься

на тысячи осколков!

Она провела ладонью по лицу.

— Я не понимаю, почему, почему это со мной происходит! — в истерике закричала она, а я оглянулся, чтобы убедиться, что рядом никого нет.

— У тебя паника, — заметил я.

— Я хочу закричать, — прошептала Бриджет. — Не знаю, зачем, не знаю, как это может чему-либо помочь. Просто закричать...

— Так закричи, — твёрдо сказал я. — Забудь, что ты в школе с какими-то там правилами. Если ты чувствуешь, что это нужно, то закричи, потому что сейчас на кону — жизни многих людей.

С секунду она смотрела на меня. А потом глубоко вдохнула и...

...закричала.

Громко. И крик её разрезал висевшую в школе тишину.

А вслед за криком последовал ещё один шум, которого не было слышно до этого. Оставив кричавшую Бриджет, я кинулся к кабинету биологии.

Перед ним стояла Шарлотта. Спинай ко мне, лицом к классу.

— Чарли? — осторожно позвал я, перебивая крик. — Чарли, ты...

Фразу закончить не удалось.

Она взглянула на меня, потом вновь вернулась взглядом в кабинет.

А потом раздался оглушительный звон.

Я подбежал ближе, но тут же отступился.

Стёкла вылетели из окон. Осколки осыпали всех, кто находился в кабинете. В особенности стоявшего у самого окна мистера Клауса.

Бри перестала кричать. Вместо крика раздавались глухие рыдания.

Я оттолкнул Чарли в сторону и вбежал в кабинет. Здесь никто не двигался. Совсем никто.

— Мистер Клаус! — заорал я, устремившись к нему. — Мистер Клаус, вы меня слышите? Мистер...

И тут у меня пересохло во рту.

По голове мистера Клауса, нашего доброго мистера Клауса, стекала кровь. Глаза остекленели и смотрели на потолок. Я по инерции устремил свой взгляд туда же... и едва не потерял равновесие.

Кровавая надпись сияла своим ужасающим значением:

12 МЁРТВЫХ.

— Двенадцать мёртвых, — слышался сзади голос Шарлотты. — И этого не изменить. Двенадцать человек умрут, как бы вам не хотелось этого изменить.

Она улыбалась. Конечно, улыбалась не она, а Хейли.

Мне было искренне жаль мою лучшую подругу. Мою потерянную лучшую подругу, ставшую марионеткой.

— Чарли, одумайся...

— Двенадцать человек умрут, — механически повторила она. — Умрут. Умрут, умрут, умрут.

Я выбежал из кабинета, схватившись за голову. Голос Чарли звенел у меня в голове, перед глазами мелькало то безжизненное тело Клауса, то кровавая надпись.

Со стороны лестницы выбежала Сидни, а за ней ещё много учеников. Увидев меня, она

сразу ринулась ко мне с таким лицом, словно кто-то умер.

Ну да, так и есть, умер. Мистер Клаус.

— Томас! — закричала Сид. — Томас, что случилось?

Она пощёлкала пальцами у меня перед глазами, потрясла меня за плечи. Но я словно выключился.

— Томас! — заорала она. Я посмотрел ей в глаза. Провёл рукой по её волосам.

— Пойдём отсюда, — тихо сказал я.

Приобнял её за плечи, повёл к лестнице.

Ноги тащили меня и Сидни за собой подальше от этого ужаса. Но сбежать от него окончательно не могли. Хотя бы потому, что мы — его часть.

***

Дом Сидни я привык рассматривать исключительно как место проведения самых взбалмошных вечеринок. Дом, где нередко лился рекой алкоголь, а некоторые даже протаскивали с собой травку, хотя им потом за это доставалось. От нас. Мы ведь такие правильные, что просто слов нет. Дом, где к утру почти во всех комнатах приходилось наводить порядок, да ещё нужно было успеть до приезда матери или отца Сидни, иначе ничего хорошего из этого бы не вышло. Или они бы не обратили внимания. У них же у самих проблем по горло. Иногда они наверняка бы и сами не отказались от подобной вечеринки.

Но этот же дом вызывал у меня, да и не только у меня, другие, менее весёлые воспоминания. А именно — вечеринку в честь дня рождения Хейли.

Самый ужасный момент был даже не тот, когда мы нашли мёртвого Джо, нет. Самым ужасным был тот момент, когда мы разделились. Когда Сидни осталась на парковке. Когда мы не понимали, что происходит. Когда все исчезли.

Это начало конца и было самым страшным. Когда начинаешь падать, никогда не знаешь наверняка, чем это падение закончится. Мы не знали. Мы тогда даже и не знали, что вообще падаем. Узнали потом и очень пожалели о том, что узнали.

— Здесь, вероятно, Хейли навела полнейший хаос, — с грустью вспомнила Сидни, войдя в свою комнату. Сейчас ничего не говорило о том, что здесь происходило совсем недавно, но стоит вспомнить тот звонок моей подруги, когда её переполняли одни эмоции. Когда её комната выглядела так, словно её обыскивали на наличие тех же наркотиков.

— Хаос она навела повсюду, — горько усмехнулся я. — Везде, где только можно.

— И зачем? — спросила Сид, не ожидая услышать какой-либо ответ.

— Может, она устроила беспорядок снаружи, потому что хотела избавиться от беспорядка внутри?

Она пожала плечами. Переложила какие-то тетрадки на полку, убрала ручки в пенал. Вновь подошла ко мне.

Повисло неловкое молчание. Нам обоим хотелось говорить, но, видимо, мы не могли найти нужных слов. А меня тянуло к ней, словно магнитом, и я ничего не мог с собой поделать.

— Сидни, — тихо прошептал я, заправив выбившуюся прядку волос ей за ухо. Провёл ладонью по её щеке.

Сидни, наша маленькая кукла Барби, попавшая совсем не в нужное место. Но здесь она нашла меня.

И я понял: я нашёл её.

Я наклонился к ней, она поднялась на цыпочки, положив мне руки на плечи. И наши

губы встретились.

Я запустил руки в её спутанные волосы, а она отвечала на все поцелуи с той страстью, что, казалось, ждала этого момента всё то время, когда она любила меня. Любила, любила, любила всегда, при любых обстоятельствах, несмотря ни на что. А теперь я любил её. Здесь и сейчас. Ощущая вкус её клубничного блеска для губ, чувствуя, как её пальцы хрупко впиваются мне в спину. Открываясь друг от друга на какое-то мгновение из-за нехватки воздуха и снова ныряя в бездну.

Этой бездной были мы. Опустошённые, распластанные по земле этого города. И утешение мы смогли найти только в нас самих. Только друг в друге.

Она сама потянула меня к кровати. Повалила меня на неё, не переставая целовать. Я понимал: она слишком долго ждала этих мгновений. На пару секунд мы остановились и посмотрели друг на друга.

— Это вообще нормально? — осторожно хихикнув, спросила Сидни.

— Что именно?

— То, что мы творим.

— Разве здесь есть что-нибудь... — я ненадолго задумался и закончил фразу: — Противозаконное?

Она улыбнулась. Покачала головой.

Тогда я перехватил инициативу. Теперь я навис сверху, изучая взглядом её лицо.

Снова секунды молчания. А потом снова вливаемся в нашу общую бездну.

Всё превращается в сплошные ощущения. Ощущения губ, рук, чувство какого-то единения. Её холодные руки под моей футболкой. Её трепещущие ресницы. Её приглушённый смех.

А потом кто-то словно заставил метроном тикать чаще. И всё замелькало в каком-то бешеном темпе. Не то presto, не то allegro. Без постепенного нарастания, а очень резко.

Футболка — прочь. Кофта, пуговица за пуговицей, — тоже — прочь. Молнии будто бы недовольно зажужжали и смолкли.

И снова всё в сплошных ощущениях. Ощущая друг друга, ощущаем безысходность. Ощущаем весь абсурд ситуации, всю его сущность. Понимаем: мы выше этого. Понимаем: мы — это мы. И нет ничего более настоящего, чем то, что происходит с нами.

***

— Бриджет дома сидит на успокоительных, — возвестила Сидни, глядя в телефон. Я повернулся на бок.

— А что с теми, кто был в классе? — спросил я. Сейчас мы снова вернулись к событиям, произошедшим в школе. Всё-таки от них отойти было не так-то просто.

— Бри пишет, что все ранены, но не так уж и сильно. Мистер Клаус скончался на месте.

— Я видел, — сказал я и вздрогнул. Всего пару часов назад я успел побывать на настоящем кровавом пиру, а казалось, что это всё было так давно.

Сид поёжилась под одеялом, натянув его сильнее на себя. Вид у неё был, как у напуганного цыплёнка.

— Жуткое зрелище, — пробормотала она. — Это ж в него очень много осколков и...

— Голова была вся в крови, — оборвал её я и понял, насколько омерзительно эти слова звучали. И как это ужасно выглядело.

Да уж, мёртвый мистер Клаус теперь вполне может являться ко мне в моих ночных кошмарах.

— И Бриджет это предчувствовала?

Я попытался улыбнуться.

— Видимо. По крайней мере, она говорила, что предчувствовала что-то. И у неё было такое странное состояние, будто она призраков видела. Хотя не знаю, мы ж в такое состояние не впадали, когда с Хейли общались.

Сидни задумчиво провела рукой по волосам.

— Это всё очень странно, — наконец, вынесла она свой вердикт. — Почему она знала, что случится что-то плохое?

Я вздёрнул плечами.

— Понятия не имею. Но её жалко было в тот момент. Так не сыграешь. Ей реально плохо было.

Сид подняла с пола свою кофту и натянула её на себя. Начала застёгивать пуговицы. Пальцы у неё едва заметно подрагивали, но я это замечал.

— Помочь?

Отрицательно помотала головой.

— Тебе не кажется, что она что-то скрывает? — Спросила. Встала, запрыгнула в джинсы. — Помнишь, Ал что-то пытался сказать...

Натягиваю футболку.

— Помню.

Встаю, разбираюсь со своими брюками. А сам взгляда от Сидни не отрываю.

— Она наверняка имеет ко всему происходящему какое-то отношение, — медленно произносит, подходя к столу. Копаются на нём, ищет что-то. Наконец, находит. И протягивает бумажку мне.

«Не стоит бояться, но стоит молиться. Самое страшное ещё впереди.»

— Это её почерк? — с нажимом на каждом слове спрашивает она. Я вглядываюсь в буквы. Воспроизвожу в памяти виденные мной конспекты Бриджет.

И меня словно током пронзает.

Буквы очень и очень похожи на то, что я видел раньше.

— Вполне вероятно, — только и осмеливаюсь сказать я.

Мы молчим. На сей раз — от неожиданности и растерянности.

Переглядываемся. Снова смотрим на записку. Вертим её так и сяк, словно надеясь, что это очередная иллюзия.

И решаем: надо ехать к ней.

***

Интересно, Фиби Моррисон хоть когда-нибудь покидает этот дом?

Она встретила нас и даже не спросила, кто мы, зачем мы здесь, почему. А мы сразу стали мотать себе на ус. Все её странности, включая манию к рисованию, не давали нам покоя.

Постучалась в комнату Сидни. Мы подумали, что если к ней ломиться начну я, то это будет более некрасиво, чем если этим займётся Сид. Логики особой нет, но, если так задуматься, логики сейчас вообще нигде нет.

Бри открыла нам дверь спустя несколько секунд. Вид у неё был не ахти: волосы растрепанны, глаза опухли от слёз, губы пересохли. На шее виднелся след от попытки её задушить.

Мы прошли в комнату, присели. Бриджет закрыла дверь, подошла к зеркалу, не

понимая, как же начать разговор.

— У тебя на шее, — Сидни не закончила фразу.

— Я знаю, — спокойно сказал Бри. — Меня душили. Мне незачем это скрывать.

И с этим трудно не согласиться.

— Мы хотели поговорить по поводу сегодняшнего. И вчерашнего. — Я прочистил горло. На самом деле, говорить ей это сейчас было как-то неловко. Обвинять её в чём-то после всего того, что ей довелось пережить, не хотелось.

Она развернулась. Присела на свою кровать.

— А что тут говорить? — хмыкнула она. — Я боялась. Из страха родилось предчувствие. Мания преследования, паранойя. Какое хотите этому определение дать, такое и выбирайте.

— Что имел в виду Ал? — не обращая внимания на её слова, поинтересовалась Сид. — Что он такое знает, чего не знаем мы?

Бриджет отвела взгляд. Подняла голову вверх, словно загоня слёзы туда, откуда они решили выкатиться. Нервно засмеялась.

— О моей неуравновешенности и несправедливом отношении к самой себе, — хрипло ответила она. — Он знает мою тайну. Он знает, как я себя изматывала, когда у меня ничего не получалось.

Она резко задрала рукава и вытянула руки.

— Смотрите. Смейтесь. Наслаждайтесь. — Каждое слово звучало как впрыскивание яда в нашу сторону. Как будто она вонзалась в нас ядовитыми клыками, стремясь защитить себя и свой секрет. Который теперь открывала нам.

Руки Бри были испещрены мелкими шрамами. И на стороне вен, и с другой стороны, и на запястьях, и недалеко от локтей. Всюду.

Я поражённо смотрел на них. Потом посмотрел ей в лицо.

— Кто, как и зачем? — задал я сразу три главных вопроса, вертевшихся на языке.

— Я сама, — легко ответила она. — На память. Ножницами, ножом, лезвиями. Что под руку попадалось, то и становилось моим оружием против самой себя.

— Бри, но ты ведь и так лучше всех, — непонимающе проговорила Сидни.

— Я была лучше всех, но я не была лучше самой себя, — твёрдо ответила девушка, возвратив рукава в исходное положение. — И это убивало. Расчленило по косточкам.

— Ты думала о самоубийстве?

Она качала головой.

— Нет. Нет, никогда. Потому что мне было ради чего жить. И сейчас есть. Просто причины поменялись. — Бри усмехнулась, посмотрев на стену, и снова вернула взгляд к нам. — Я любила Джо. Держалась за эту глупую любовь. Как будто она чем-то помочь могла. Видно, помогала, раз я тут до сих пор сижу.

— А за что ты держишься теперь? — дрогнувшим голосом спросила Сид. Бриджет поджала губу.

— Я держусь за вас, — призналась она. — И за тот факт, что нужно остановить то, от чего погиб Джо. Я благодарна Судьбе за то, что у меня появились друзья. И я ненавижу её за то, что она отобрала у меня Джо.

Сидни понимающе кивнула. Надо же, она ведь и стала для Бри первой подругой. Она ведь и привела её к нам.

А теперь она сомневалась в ней. Думала, что она — предатель.

Да и у меня подобные мыслишки возникали.

И тут Сид вытащила из кармана злосчастную записку и протянула её Бриджет. Та недоуменно посмотрела на нас.

— Разверни и скажи, ты ли это писала, — твёрдо попросила Сидни.

Словно в замедленной съёмке Бри развернула бумажку. Пробежалась глазами по строкам.

— Это мой почерк, — согласилась она. — Но я не помню, чтобы я писала это. Что это?

Сид озлобилась.

— Это было найдено мною в моей комнате после погрома. Это связано с тем, что происходит. Ты ничего не хочешь нам рассказать?

Какое-то мгновение Бриджет держалась. А потом она вспыхнула от негодования.

— Вы пришли обвинить меня в том, что я — Магнит?! — воскликнула она. — Молодцы! Большой вам за это поклон! А теперь вбирайтесь отсюда. Вон!

Долго объяснять мне не пришлось. Я понял, что лучше уйти.

— Уходите! — повторяла она, срываясь на рыдания и вцепившись руками в подушку. Сидни медлила. Мне буквально пришлось вытаскивать её из комнаты за шкуру.

В коридоре мы остановились, чтобы перевести дух.

— Что думаешь? — спросил я.

— Прикидывается, — равнодушно заявила она. — Или действительно не понимает, кем является.

— Но ты уверена, что это она?

— На все сто процентов.

Я же такой уверенностью не обладал. Не стоило верить всему, что замечал. Потому что всё могло оказаться обманом.

Мы спустились на первый этаж и прошли мимо комнаты, где сидела мать Бри и увлечённо создавала какие-то образы на полотне. Я остановился, чтобы всмотреться в рисунок.

На холсте был изображён длинный тёмный коридор и маленькая комнатка. И фигуры людей. Одну фигуру душили, другая поднималась ей навстречу. Третья зависла с протянутой рукой в какой-то щели.

На рисунке были изображены мы. Но каким образом Фиби могла нас нарисовать, если понятия не имела, что творилось в тот раз на кладбище?

ГЛАВА 9. ПОСЛЕДНИЙ ВДОХ

Я отовсюду слышал громкий стон,
Но никого окрест не появлялось;
И я остановился, изумлен.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Сидни

Я не могла поверить, что отныне стала считаться девушкой Томаса.

Не скажу, чтобы это было моей главной мечтой. Я слишком долго довольствовалась тем, что его люблю, мне этого хватало. Я не надеялась получить его любовь в ответ.

Однако я получила. Внезапно. Неожиданно.

Но осадок неприятный был. И осадком этим был вполне себе живой человек.

К моему удивлению, я меняю отношение к людям так же быстро, как другие меняют зубные щётки. Так случилось и с Бриджет. Я больше не могла ей доверять, даже если бы очень захотела.

Наверное, я даже ревновала её к Томми. Он же её спас. А она спасла его. И это не давало мне покоя.

Да, конечно, можно этому объяснения найти. Мол, не было там больше никого другого, совесть не позволила оставить погибать, и так далее, и тому подобное. Но всё же... Что-то едкое грызло меня изнутри. Выгрызало всё самое хорошее.

Так мне казалось.

Потому что это был её почерк. Это она написала эту записку, а не кто-либо ещё. И сейчас я была уверена в одном.

Бриджет Уилла Моррисон — Магнит, и оправдаться ей никак не удастся. Я укоряла себя за то, что подружилась с ней, что привела в нашу компанию врага, сама об этом не догадываясь. Ну конечно, достаточно вспомнить эпизод на кладбище. Она приехала к Джо? Да неужели! Естественно, только к Джо ей ехать и надо было. К своей первой жертве. Ведё так?

Только непонятно, почему Хейли назначила на эту роль именно её. Или же сначала была Бри, а потом Хейли? Это то, что узнать и понять было, судя по всему, невозможно. Только если с Моррисон поговорить. Но со мной она говорить больше не будет. Да и я с ней тоже не собираюсь.

А что теперь с моей нынешней лучшей подругой? Что случилось с Чарли? Где она, чёрт побери, теперь? Хейли прибрала её к своим рукам. Сделала её своей заложницей. Куклой, марионеткой, помощницей. Она уничтожила её. И всех нас заодно.

Нельзя забыть и о матери Бри. Эта женщина не внушает мне никакого доверия. Сидит, рисует. Томас ещё в её творения всматривается, но молчит. Не рассказывает, что там. Но в эти моменты выглядит, будто привидение увидал.

На самом деле, мне неинтересно, что она там рисует. Мне интересно лишь, знает ли Бриджет всё о себе или нет.

***

В школе о нас знали.

Знали о том, что Томас и Бриджет были в больнице. Что нам высылают подозрительные сообщения. Что Чарли убила Тоба.

Здесь все всё знали. Плохие вести в этих стенах распространялись быстро, словно вирус. Но всем будто бы было все равно. Никто не удивлялся. Никто не приставал с вопросами. Только Чарли вызывала у них толпу вопросов. И у всех нас.

Потому что она не объявлялась. Её не было слышно. Она не писала нам, не выходила вообще с нами на связь. И мы боялись. Очень. Все.

Последний раз мы её видели позавчера. И всё, больше — ни слуху, ни духу.

— Это вообще нормально? — в очередной раз спросил Томас. А я пожала плечами. Я понятия не имела, что ему ответить. Он вздохнул и вытащил из своего шкафчика пару тетрадок.

Странно было осознавать, что только мы вдвоём друг у друга и остались. С Бри мы не говорили, и она с нами — тоже. Шарлотта была одержима и не с нами. Билли и Лекса лежали в своих могилах. То, кем мы были раньше, перестало существовать. Будто по щелчку чьих-то пальцев.

Мимо прошла Кейси. Заметив нас, она тут же отвернулась и подошла к своему шкафчику. Я увидела, как содрогнулись её плечи, пока она копалась в своих вещах. Вероятно, она снова рыдала. Не могла смириться с гибелью Тобиаса. Не могла смириться с гибелью мистера Клауса, с выбившимися окнами. Не могла смириться с тем, что видела Хейли, которая была мертва. Что видела призрак.

Кейси не могла смириться с тем, что она-то прекрасно знала, что мы не лгали. Что не мы начали всё это кровопролитие.

Потом к ней подошёл Ал. Они о чём-то поговорили. Покосились в нашу сторону.

— Только этим двоим, видимо, и есть дело до нас, — буркнула я, обращаясь к Томасу.

— Просто остальные не думают, что они в опасности, — сказал он, хлопнув свой шкафчик. Потом неуклюже обнял меня одной рукой, отстранился, дал понять, что идёт на урок и ушёл восвояси.

Были ли мы на самом деле похожи на официальную парочку? Да не особо.

Нужно ли мне было, чтобы мы были на неё похожи? Нет. Я же и так знала всю правду.

До звонка оставалось не так много времени. Я зашла в туалет и встала у зеркала, чтобы поправить макияж. Тушь уже успела немного размазаться, и это не могло не огорчать. Глупо, наверное, беспокоиться о косметике, когда тебя в любую секунду могут убить. Но эта любая секунда могла наступить и не в этот день, а прилично выглядеть было необходимо здесь и сейчас.

Я посмотрела на своё отражение. И отметила про себя, что жутко изменилась. Раньше я не выглядела такой уставшей. Измотанной. Раньше не было у меня таких кругов под глазами и впалых щёк.

Вдруг свет выключился. Я испуганно развернулась. Сзади никого не было. Я пошарила рукой в кармане, выудила оттуда телефон. Включила фонарик.

Особого повода для беспокойства не было. Наверное, просто выбило пробки.

Как у меня дома. На вечеринке.

Клянусь, после этой наступившей темноты в ушах зазвенел крик Бри. Но это были лишь воспоминания.

В реальности же стояла жуткая тишина. И какой-то свист, который её всегда и везде дополняет.

Я открыла дверь и вышла в коридор. Здесь ничего не изменилось.

Что ж, значит, воспринимать всерьёз это происшествие не стоило.

Когда я подошла к классу, где должен был проходить урок искусства, я вдруг заметила, что перед ним стояла знакомая мне девушка. Так подумала я, увидев её со спины. Тёмные локоны, средний рост, знакомая одежда...

Она развернулась, прервав какой-то разговор. И сверкнула на меня своими дикими глазами.

— Чарли? — ошарашенно позвала я. И подошла к ней. Понимая, что это могло плохо кончиться.

— О, Сидни, — сказала та, щёлкнув языком. — Какая приятная неожиданность.

— Почему ты не сообщила нам, где ты, как ты?

Она усмехнулась и подалась вперёд. То, что она была выше меня, явно играло ей на руку. А я ещё и обувь без каблуков на себя сегодня напялила.

— А я разве была должна? — наигранно изумлённым тоном поинтересовалась она. Я отшатнулась, будто от пощёчины.

Нет, передо мной была не Шарлотта Боунс. Перед мной вновь была Хейли Коллинз завладевшая её телом. Её душой.

Я протиснулась сквозь столпившихся и влетела в класс. Хотелось поскорее услышать лекцию о Леонардо Да Винчи, чтобы хоть ненадолго забыть обо всём том, что успела наговорить Чарли, или же та, кто ею притворялась. Хоть ненадолго остыть, отстраниться от Тэррифилда. Города, который уже было не спасти.

***

На ланче я пересекалась с Томасом. Вид у того был не самый весёлый.

— Что случилось? — мигом поинтересовалась я.

— Чарли случилась, — ответил он. Я шумно вздохнула.

— О да, я в курсе, — не без какого-то разочарования сказала я.

— Видела б ты её на астрономии, — странно усмехнувшись, заметил Томас. — Там же и Бри была.

Бри там была, конечно. Все уши ещё мне прожужжи, чтобы яснее стало.

— Ну и что там делала наша подруга?

— Спорила с учителем, вставляла колкие, едкие фразочки, высмеяла перед классом пару ребят. Прикинь, Кент на одной из вечеринок признался, что ему не нравятся девушки, и после этого...

— Ясно, проехали, — оборвала я его речь. — Подожди, а откуда ей это всё известно?

Томас поперхнулся апельсиновым соком.

— Угадай, — только и проговорил он. — Это же Хейли. Хейли знает, видимо, всё и о всех.

От этих слов становилось жутковато. Что ж, если Коллинз действительно знала все наши тайны... Секреты — отличное оружие. Теперь она могла нами всеми манипулировать.

Так, как Ал выдал нам секрет Бри. А Хейлс была готова выдать нам все секреты. Всех. Высмеять, опозорить, обвалить в грязи. Унизить.

А потом она будет звонко заливаться своим противным смехом.

Я отложила свой сандвич. Кусок в горло не лез. В голове начали воссоздаваться картины прошлого. Трупы друзей.

Кровь.

Много крови.

Кладбище с трупами. Лес.

— Всё в порядке? — обеспокоенно спросил Томас, не отрываясь, глядя мне в лицо.

— Аппетит пропал, — пояснила я, будто бы этого ответа было достаточно.

— Не удивительно.

Мысли о том, как очерствела моя лучшая подруга, пришли очень вовремя и уходить не собирались. А ведь казалось бы, когда Шарлотта только приехала к нам в город из затхлого Джеймстауна, она и подумать не могла, что такое провернётся. Она сдружилась с Хейли. Потом уже и со мной, и с Томасом. И с Билли. И с Лексой. Потом. А сначала была Хейли.

Вроде как у Чарли была подруга в том городе, Шерил. И она по ней ещё какое-то время тосковала. Ведь выбраться в родной город у неё возможности не было. В интернете тогда они не сидели. Писем не писали. Вот и всё, дружба просто развалилась.

А как обстояли дела её дружбы с Хейли? Развалилась ли она?

Да. Развалилась. Потому что то, что происходило теперь, дружбой назвать было нельзя. Это была не дружба. Это было порабощение.

Хейли использовала Чарли в своих личных целях. Она сделала из неё свою куклу и игралась с ней, как малое дитя. И эта кукла должна была уничтожить всех.

— Если бы у тебя был шанс вернуть кого-то из тех, кто погиб... — неожиданно задумчиво начала я, — то кто бы это был?

Томас молчал. Потом он закачал головой.

— Нет, Сид, этот вопрос слишком тяжёл. Я не могу на него ответить.

— Я тоже не могу, — согласилась я. — Все были слишком хороши. Недостойны смерти.

— С чего бы вдруг? — послышался сзади голос. И сразу после Чарли села рядом со мной на лавку.

Я посмотрела на неё. Она была бодра, весела и она готова была опрокинуть ведро помоев на каждого, кто проходил мимо.

— О чём ты? — как можно более непринуждённо спросила я.

— С чего вы вдруг решили, что они не были достойны смерти? — вкрадчиво поинтересовалась она. — Смерть всегда забирает самое лучшее. Она не любит собирать коллекции из фальшивок.

Я уронила лицо в ладони. Я просто не могла на неё смотреть. Не могла.

— Именно поэтому ты забрала нашу Чарли, правда, Хейли? — злобно прошептал Томас. — Потому что она была одной из лучших. Ведь так?

Чарли, вернее, Хейли, конечно, засмеялась. Чуть привстала, наклонившись к нему.

— Послушай меня, Томми, — обратилась она к другу, — твоя подруга всё ещё жива. Просто я заперла её в клетке, и эта клетка — она сама. Коли вам так хочется её ещё хоть когда-нибудь увидеть... Знайте: рано или поздно это свершится. Если, конечно, она уже не смирилась, что не вернётся. Потому что я — это и есть она.

— Ты не она. Ты чудовище.

— А кто же тогда она? Это она убила Тобиаса. Чарли убила Тобиаса! — закричала она, обращаясь ко всем, кто собрался в этот момент здесь. — Эй, меня кто-то слышит, да? Шарлотта Мария Боунс убила вашего друга, знакомого, а теперь она сидит перед вами и наслаждается своей весёлой жизнью!

Её слышали. Потому что тут же отреагировали.

— Если ты убийца, почему с тобой не разобралась полиция? — разжался вопрос с другого столика.

— Они не могут доказать мою причастность. У полиции на меня ничегошеньки нет!

— Кроме твоих рук, покрытых его кровью.

От этого чьего-то ответа к горлу вновь подкралась тошнота. Осознавать, что руки подруги были в крови того, кто был нашим хорошим знакомым, было больно, непривычно, неприятно. Мерзко. Осознавать, что руки подруги были в крови не по её собственной воле было отвратительно. Хотелось рыдать. Потому как изменить ничего было нельзя.

Чарли — убийца. Тело Чарли — убийца.

Душа Чарли — израненная птица, запертая в клетке из собственных перьев.

И ключа от этой клетки у нас не было.

— Заткнись, — прошипел Томас. — Не смей выставлять её в таком свете.

— Так хочешь вернуть её? — прошептала она. — Не хватает ставшей твоей девушкой Сидни?

И Томми, ничего не опасаясь, вlepил ей пощёчину. Как жаль, что он не мог ударить Хейли, не задев при этом Шарлотты.

Чарли поднесла руки к горевшему лицу. И в этот момент, да, да! Это была она. Я увидела это в её глазах. В них на миг поселился ужас.

— Томас, Сид, — проговорила она упавшим голосом, а потом схватилась за голову. Я тут же прижала её к себе, глядя по голове.

Наша подруга вернулась. Но мы знали, что ненадолго.

Чарли бил озноб. Она вся дрожала, всхлипывала, хрипела что-то. Я посмотрела ей в лицо. Это всё ещё была она. Боунс.

— Хейли тебя сильно мучает? — тихо спросила я, хотя ответ был очевиден.

— Она меня убивает, — сипло ответила подруга. А потом глубоко вдохнула, зажмурилась. Начала что-то шёпотом отрицать, быстро-быстро, будто бежала от кого-то. Вихрем.

И уже через секунду отскочила от нас, залившись безумным хохотом.

Всё снова было потеряно. Мы снова её упустили.

Хейли одержала верх. Хейли гордилась этим. Ей до чёртиков нравилось руководить в голове лучшей подруги.

Мы с Томасом переглянулись. Мы не знали, что же теперь делать. Как из этой ситуации выкручиваться.

Он накрыл ладонью мои пальцы, будто пытаюсь до мен донести, что разделяться было не нужно. Не сейчас.

— Какая же из вас сладкая парочка, — пропела Хейли. — Только вот один из вас до сих пор любит ту, кто теперь покоится в могиле. Спит с той, которая любит его уже незнамо сколько лет. Спасает ту, кто очень во многом на него похожа. И хочет вернуть ту, кто является его лучшим другом. Какая милая, прелестная картинка.

Я вздрогнула, когда услышала эту её фразу. Не стала отрывать взгляда от Томаса. Тот не показывал своим видом, что всё то была правда.

Он тоже был крайне удивлён.

— Неужели это ты можешь судить, кто здесь кого любит? — разъярённо спросил он.

— Конечно, я. Потому что сами вы до этого не додумываетесь.

А я тут же вспомнила, что она владела всеми нашими секретами.

А значит, она говорила полную правду.

Я убрала руку со стола. Мои губы дёрнулись, в носу защипало.

Как она сказала, Томас до сих пор любил ту, кто теперь покоилась в могиле? Томас до

сих пор любил Лексу? Томас меня обманывал?

Я подорвалась с места. Взглянула на Шарлотту с Хейли в одном лице. Она улыбалась.

Улыбалась, вновь одержав чёртову победу.

И теперь я не могла ей противостоять.

Теперь я могла только убежать. Что я и сделала.

***

Дома я тут же ринулась в свою комнату. Бросилась на кровать.

Стала бить в истерике подушку. Пытаться рвать простыни.

Всё здесь напоминало о нём. Всё. И если те слова были правдой, то я не могла не портить эти вещи.

А потом я уткнулась головой в подушку и зарыдала. Потому что не могла портить свою любовь к Томасу.

Я любила его, любила, и никакая Хейли не могла у меня этого отнять.

Возможно, мои чувства выглядели чересчур наивно. Возможно, я многое себе попросту навоображала.

Но я ничего не могла с собой поделать.

Если это была иллюзия, то... Мне нравилось жить в этой иллюзии, ведь она исполняла все мои мечты, словно волшебник из доброй сказки. Мне нравилась эта иллюзия, ведь я была в ней центральным лицом.

Мне надоело. Я встала, заправила кровать, утёрла слезы.

Мне надоело играть в плаксу. Игры закончились.

Я посмотрела на стол. Новых записок, к счастью, не было. И никого в комнате в моё отсутствие тоже не было.

Это радовало.

Я спустилась в гостиную. Мама сидела здесь. Листала журнал. По телевизору шла лурецкая передача, в которой продавали всякие хозяйственные товары; на данный момент ведущие тщетно пытались продать какую-то суперскую, как они считали, соковыжималку с разными насадками и ещё чёрт знает чем.

Я присела на диван. И тут она обратила на меня внимание.

— Сидни, милая, почему ты не в школе? — удивилась она своим приторным голоском.

— Голова закружилась, — соврала я. Хотя было ли это полноценным враньём?

— Детка, ты же выпила таблетку, правда?

— Конечно. Сейчас уже всё в порядке. Я думаю, мне стоит отвлечься.

Она улыбнулась. Тепло, по-матерински, что было как-то... внезапно.

— Может, мы посмотрим фильм?

— Нет, мам. Я хотела сходить в бассейн. Давно там не была.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Всё в порядке, правда. Так будет только лучше.

Мне правда хотелось в бассейн. С детства я обожала воду. Она словно смывала все мои негативные эмоции.

С водой было спокойно. И пока все её боялись, я точно знала, что она меня не тронет. Потому что я умею с ней обращаться.

— Береги себя, милая, — растянув губы в улыбке, сказала мама. Я подвинулась и крепко её обняла. В такие моменты я была рада, что была её дочерью. Её, а не чьей-то ещё.

— А, кстати, от дяди Ричарда никаких новостей так и нет, — спохватившись, сообщила

она. А я полуобижено поджала губу.

Ричард Грин жил в Нью-Йорке и был маминым младшим братом. Последний раз мы виделись, когда я была совсем маленькая. Потом переговаривались через Skype. Кем он работает, мы так и не понимали. Но на улице он не спал, что уже было похвально.

Но постепенно мы всё реже и реже выходили на связь. А теперь от него и вовсе ничего не было слышно. И это не могло маму не расстраивать.

А у меня в голове промелькнула лишь одна мысль: что, если Ричард пытается нам дозвониться, но не может? Что, если связь с Тэррифилдом попросту оборвана?

Не хотелось об этом думать.

Потому что это создавало ощущение, словно ты — изолирован, ты — под гигантским куполом. А у Стивена Кинга в его романе всё не шибко хорошо было.

Как и у нас.

— Я люблю тебя, ма, — проговорила я и тоже улыбнулась. А сама почувствовала, как на глазах выступили непрошенные слёзы.

Я вернулась в свою комнату, закинула в сумку свой любимый купальник, в котором ходила в бассейн, и вышла. Я была готова прыгнуть в объятия стихии, которая меня словно бы понимала. Которую понимала я. С которой мы были дружны.

Я ждала этой встречи. Потому что там я должна была обрести покой.

***

Людно не было. Я проверила телефон на наличие каких-нибудь сообщений или новостей и убрала его в шкафчик вместе с повседневной одеждой.

В бассейне плавало лишь несколько человек. Они бурно переговаривались о чём-то, а потом выделывали кульбиты, выпендриваясь друг перед другом. Им было лет за двадцать, а то и за двадцать пять. И им было весело.

Мне — нет.

Мне было тошно на них смотреть. Они были счастливы. У них никого не убили. Они не видели столько смертей, никого не убивали, наверняка, сами. Не видели столько крови.

Они не участвовали в этом всём.

А мы — да.

Я скинула резиновые тапки, но в воду не полезла. Уселась и стала болтать в ней ногами. Закрывает глаза.

Я представила, что я — на берегу моря. Ветер приятно обдувает кожу, волны налегают на песок и размывают его. Характерный шум воды прерывают крики чаек, витающих в небе. Кто-то прыгнул в воду с плеском и поплыл. На этом ком-то — нарукавники. Этот кто-то — ребёнок. Для которого ещё пока весь мир — одна сплошная загадка.

Смех и гомон оборвали мои мысли. Это были всё те же люди. Аж блевать хотелось, смотря на них. На их фальшивые улыбки и показное счастье.

Или же то не была фальшивка?

Слишком сложно разобраться.

Вскоре они выплыли, отряхнулись и пошли в сторону раздевалки. И их голоса стихли.

Я осталась одна.

В наступившей тишине вновь был слышен тот же свист, что ранее в туалете. И от этого становилось не по себе.

Тишина ещё и звенела и похрустывала. Словно в ней были какие-то помехи.

Свет мигал.

По воде шла едва заметная рябь.

И всё вызывало какое-то сомнение. Подозрение.

Мне вдруг стало страшно. Как будто бы я была глупой маленькой девочкой, боявшейся оставаться одной в темноте.

И тут я услышала тихий крик.

— Помогите! — сдавленно кричал кто-то. — Кто-нибудь, пожалуйста!

Я огляделась по сторонам. Никого не было. А стоны продолжались. Кто-то ныл, словно его... разрезали на части? Пытались убить?

Но здесь было пусто. И никого не было. Неужто то были игры моей головы?

И я опустила взгляд на воду.

И моё сердце замерло.

Я увидела свою маму. Она была там, под водой. И она тонула. Я видела её лицо, полное ужаса, и взывающее ко мне. Но это было невозможно! Она ведь была дома! Что же тогда...

Ни секунды не раздумывая, я бросилась туда. Задержала дыхание. Раз, два, три...

Я поплыла. Отчаянно гребла руками. И казалось, я была не в бассейне, а в море. В океане. Пресном, правда.

Я помотала головой в поиске матери. А крики давно замолкли.

И моей мамы здесь не была.

Мной овладела паника. Я забыла, что это значит — выплывать на поверхность. Эта поверхность казалась такой далёкой. А в нос, рот, глаза, уши уже забивалась вода. Я зажмурилась и завелась неммым криком, прижав ладони к ушам. Зарывшись пальцами в свои светлые волосы, так красиво развевающимися под водой.

Неужели это и был мой момент смерти? Неужели так Хейли решила меня устранить?

У меня не было сил выбраться из воды. Сопротивляться ей. Она словно тянула меня вниз, на дно.

Я доверяла ей, а она предала меня, продавшись этому чёртовому проклятию. Теперь, похоже, я не могла доверять уже никому.

И я оглохла. По крайней мере, ничего не слышала. Не видела. Не ощущала.

Я просто таяла. Исчезала.

Меня начинало не быть. И кроме этого я уже ничего не ощущала.

***

— Что с ней? Это что-то ужасное?

— Мистер Сайфер, пожалуйста...

— Я не могу её так оставить!

— Дайте нам разобраться во всём самим!

Я еле разняла глаза. На потолке мелькали лампы. Меня везли на больничной каталке. Я чуть наклонила голову вбок. Почувствовала боль в руке. Ну конечно, капельница. Следующая боль — в животе. Я подкосилась вниз и тут же зажмурилась.

Кровь.

Судя по голосам, Томас был здесь. Но как он тут очутился? Неужели это он вызволил меня из воды и доставил в больницу?

А в больнице ли я?

В мыслях всё снова поплыло. Как и перед глазами.

Я отключилась. Вновь.

***

Я была в палате. Не одна.

Рядом с койкой сидели Томас и Бри. И когда я повернула к ним своё лицо, они не могли не заметить проскользнувшего на нём изумления.

— Ты как? — тут же спросил Томас, взяв меня за руку. Мне хотелось вырваться. Но на самом деле — не хотелось.

— Что произошло? — вместо ответа задалась я вопросом.

— Я получила твоё сообщение о том, что тебе нужна помощь, — подала голос Бриджет. Мне так не хотелось слышать её, видеть её, но она была здесь. И её слова повергли меня в шок.

— Я ничего никому не писала, — заотрицала я.

— А мне ты предложила встретиться в бассейне. Мол, это что-то важное. — Томас грустно усмехнулся.

Так вот оно что. Фальшивые смс-сообщения. Которые спасли мне жизнь.

— Я ведь должна была умереть сегодня, правда?

— Если бы нам не пришли смс, ты бы и умерла, — подтвердил мои догадки Томас.

— Но ведь сообщения — тоже инициатива Хейли и Nightwolf'a, — заметила я.

— Тогда всё становится ещё непонятнее.

И действительно: разобраться в этом теперь было крайне сложно. Если сообщения должны были путать нас и мешать нам, почему сегодня они уберегли меня от неминуемой гибели?

В голове проносились воспоминания о вылетевших съёмках и надписи на потолке с шокирующими словами Шарлотты.

Двенадцать человек должны были умереть. Пятеро уже отбыли на тот свет. Неужто я должна была быть шестой? Или же и вовсе восьмой, после Бри и Томми?

— Почему у меня кровь? — слабо поинтересовалась я.

— А почему у Бри была кровь? У меня? — ответил за меня Томас.

Кровь была просто потому, что была. И всё тут. Потому что это нереальные раны.

Вспомнилась соковыжималка из рекламы. Забавно. Из нас выжимали не соки. Из нас выжимали всю кровь.

— Есть и ещё кое-что... — начала Бриджет и запнулась. Я непонимающе посмотрела на неё, потом перевела взгляд на Томаса. Тот вмиг изменился в лице. Прочистил горло.

Помрачнел.

— Что такое? — дрогнувшим голосом проговорила я. — Что-то... что-то произошло?

— Сидни, прими искренние соболезнования, — негромко сказал он. — Твоя мать найдена мёртвой. Она успела вызвать полицию, но когда та приехала, она уже не была жива. Нам очень жаль.

Во рту пересохло. Казалось, я забыла, как дышать.

Мама... мама... мама...

Моей мамы больше не было. У меня больше не было мамы.

Так вот кто стал шестым. Или восьмым. Моя мама. Моя любимая мама.

— Мамочка, — прошептала я. И одинокая слеза медленно начала скатываться по моей щеке. Нет. Нет, я отказывалась верить.

Нет. Моя мама сидит дома. Моя мама гадает. Моя мама читает журнал и смотрит телевизор. Моя мама играет с котами. Моя мама делает чай. Моя мама разбирает посуду. Моя мама...

Мысли охрипли. У них сорвался голос.

Терять близких — это то, чего нельзя пожелать и врагу.

Это боль, которую нельзя сравнить с какой-либо ещё. Она сильнее, чем физическая. В сто раз. В тысячу. В миллион.

Меня более-менее успокаивало то, что я успела сказать ей, что люблю её. И меня сильно настораживало то, что она сказала мне, чтобы я берегла себя. Словно она заранее знала, что должно было произойти. Словно хотела меня уберечь от этого. Защитить.

— Почему она, — выдавила я. — Почему именно она.

— Если бы мы знали, то всё было бы проще.

Гораздо проще.

Но мы не знали ничего.

Мы могли узнать обо всём лишь от той, кто бок о бок жила с нашим ночным дневным кошмаром круглые сутки.

— Чарли, — произнесла я одно имя. А до моих друзей тут же дошло, к чему я клонила.

— Чарли весьма полезна, если мы хотим во всём разобраться, — подхватила мои мысли Бри. Бри... я не злилась на неё. Не считала её Магнитом. Я была ей благодарна. Так или иначе, а именно ей пришло сообщение о том, что нужно меня спасти.

— Она наверняка уже знает Хейлс вдоль и поперёк, — согласился Сайфер.

Мы помолчали. Не знали, что уже здесь и говорить. Ведь всё становилось ужаснее с каждой минутой. Секундой.

— Кто-то должен вразумить Чарли, — наконец, сказал Томас. И, выдержав недолгую паузу, добавил: — И этим кем-то буду я.

ГЛАВА 10. СМОГ

Когда ты видишь сквозь туман, взгляни, -
Так молвил он. — Над илистым простором
Ты различишь, кого зовут они.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Томас

Я шёл, толкая носками ботинок валявшиеся на дороге камешки. Руки засунул в карманы толстовки: на улице было сыро и зябко. Из наушников раздавалась знакомая с детства мелодия, уже успевшая стать такой родной. Rolling Stones. "Paint it Black".

Под эту песню, на самом деле, довольно хорошо бегать. Вот только сейчас ни настроения, ни возможности бежать у меня не было.

Дорогу к дому Чарли я знал наизусть. Уже не раз я бродил по этому пути, то в одиночку, то с Билли, то ещё с кем-то. С ней самой, например. Мы смеялись, шутили. Много говорили и играли в какие-то игры. Теперь все эти воспоминания будто бы превратились в кадры из киноленты, в которой мы никогда не снимались. Которая не имела к нам никакого отношения. Будто мы посмотрели её когда-то и решили примерить роли её персонажей на себя.

I have to turn my head until my darkness goes.

Слова громко отзывались в ушах и невольно заставляли сопоставлять их с той реальностью, которой мы обладали.

Ведь, если говорить начистоту, тьма была теперь во всех нас. Не в одной Шарлотте. Во всём городе.

И в каждом из нас открылось что-то, прежде скрытое от чужих глаз.

Влюблённость Сидни. Шрамы Бри. Сломленность Чарли.

А что говорить обо мне? Что нового было узнано обо мне в процессе этих безумных расследований?

I look inside myself and see my heart is black.

Разве что моя так и не разделённая ребяческая любовь к Лексе Вудли. Скрылась ли она навсегда после её гибели? Нет. В том-то и проблема. Она по-прежнему была мне дорога. Так же, как Хейли была дорога Шарлотте до недавнего времени. Теперь я понимал её как никто другой. Я понимал, кого она потеряла.

А Бриджет? Джо ведь погиб первым. Он был первой жертвой, с него всё и началось, не с Хейли. Потому что Хейли... это всё из-за неё. Бри страдала не один год, это лишь казалось, что у неё всё чудесно, ведь она умница, отличница. И когда она впервые влюбилась, когда впервые влюбились в неё, эту ниточку просто взяли и отрезали. Не позволили её жизни стать ярче. Счастливее.

Maybe then I'll fade away and not have to face the facts

It's not easy facin' up when your whole world is black.

Я подошёл ко входной двери и отдышался. Всё-таки под конец я уже перешёл на бег. Чисто инстинктивно. Слишком привык слушать эту песню на пробежках. Да и медленно, спокойно идти уже не получалось.

Пока мне ещё не открыли дверь, успел стянуть с себя наушники, поставив песню на паузу. Всё же заявляться в гости с музыкой в ушах — не самый вежливый вариант.

Наконец, на пороге оказалась мать Шарлотты. На лице её изобразилось какое-то облегчение. Судя по всему, она была рада тому, что я пришёл.

— Томас, как хорошо, что ты пришёл, — сказала она, запуская меня внутрь. Я проговорил что-то обыденное, вроде «Рад вас видеть», и лишний раз посмотрел на миссис Боунс. Мы знали друг друга уже очень давно, и сейчас я мог сказать с полной уверенностью, что такой разбитой я её ещё не видел. Оно и понятно: она недоумевала. Не знала, что происходило с её дочерью, а если бы и знала, то не смогла бы это принять.

Отец Чарли был на работе. Об этом мне сказала её мама, вытаскивая из буфета пачку печенья. Я попытался отказаться от непрошеного угощения, но миссис Боунс была неумолима. Щедрая душа.

Мистер Боунс работал хирургом в нашей небольшой больнице. Последнее время он часто проводил операции, уставал. Тяжёлая у него всё-таки была работа.

Я взял одно овсяное печенье с шоколадной крошкой, так, просто из вежливости, потому как есть мне не хотелось, прожевал, запил безвкусной водой. И, улыбнувшись матери Шарлотты, поднялся на второй этаж.

Дверь в комнату Чарли была распахнута настежь. Я подошёл к ней и осторожно постучался, заглянув внутрь.

Девушка, сидевшая на своей кровати, скрестив ноги по-турецки, тут же развернулась ко мне. Раскрыла рот от удивления, кивнула. Я зашёл и прикрыл за собою дверь. Сел на пол недалеко от подруги.

Чарли смотрела на меня с испугом. Она мяла руками простынь и не отворила от меня взгляда, который словно кричал: уходи! Я — чудовище, монстр, уходи, если хочешь жить!

— Нет, — покачав головой, возразил я её немым просьбам. — Я никуда не уйду. Не дождёшься, Боунс.

— Зачем ты здесь? — слегка охрипшим голосом спросила она.

— Затем, что я не позволю тебе сломаться окончательно.

Она поморгала глазами.

А потом вдруг глубоко вздохнула и зажмурилась. Я даже представить себе боялся, что с ней творилось.

— Она меня не отпустит просто так, — стиснув зубы, проговорила Чарли.

— Что ей нужно от тебя? — неожиданно громко спросил я. Потому что этого я понять не мог.

— Я не знаю, — горько усмехнувшись, ответила она. К счастью, она всё ещё была собой. Но как долго это могло продолжаться?

Шарлотта очень изменилась. Она совсем не походила на прежнюю себя. Исхудала, превратилась в напуганную лань. Больше не было в ней той смелости, той отрешенности. Теперь она была или такой разбитой, или же вовсе не была собой.

— Ты... ты можешь понять, что творится у неё в голове? — осторожно поинтересовался я.

Чарли отрицательно помотала головой.

— Это ведь она в моей голове порядок наводит, а не я в её, — сказала она.

И с этим нельзя было не согласиться.

— Как Сидни? — едва звучно спросила Чарли.

— Ты в курсе? — изумился я.

— Я живу бок о бок с той, кто всё это начал. Думаешь, я могу быть не в курсе?

А ведь действительно. То, что Хейли поселилась в ней, давало ей некоторые преимущества. Она знала больше, чем знали мы. По крайней мере, узнавала раньше о тех или иных вещах. Ведь Хейли руководила этим спектаклем. И Чарли иногда могла подсмотреть сценарий.

— Она в шоке. Потому что гибели матери она не ожидала.

Шарлотта виновато поджала губу.

— Я пыталась отговорить Хейли, — упавшим голосом сообщила она. — Она лишь дразнила меня. И потом оставила. И тогда я поняла, что уже ничего сделать нельзя. Всё же надо было мне её удержать.

— То есть, она уходит от тебя?

— Конечно.

— Я думал, она...

Чарли поперхнулась, глядя на меня.

— Ну-ка, ну-ка, что ты там подумал? — тихонько засмеявшись, поинтересовалась она.

Чарли Боунс. Настоящая Чарли.

— Уже не знаю, что и думать, — со смехом вторил я ей.

I could not foresee this thing happening to you.

Она перебралась с кровати на пол и уселась рядом со мной, обвив руками колени. Смотрела напряжённо в пол, будто раздумывая над чем-то.

— Мне так жаль, — наконец, выдала она. — Это ведь из-за меня всё.

— Почему из-за тебя? — оторопело спросил я. Фраза её звучала ой как многогранно. Особенно если учитывать, что мы больше никому и ничему доверять не могли.

— Потому что я позволила ей занять себя всеми этим бреднями, — ответила Чарли, подняв взгляд. — Я попросту не уследила за ней. Вовремя не остановила. А потом поехала на её поиски в этот чёртов лес, и...

Она замолчала.

Эти воспоминания всегда приносили ей боль. Стоило вспомнить хотя бы тот эпизод на кладбище.

Только вот тогда мы все ещё думали, что Хейли — жертва. А она оказалась убийцей.

А ведь они так хорошо дружили. Были родственными душами. Знали друг о друге всё.

Даже не верилось, что можно так дружить, как дружили они. Что такое в принципе возможно.

Ну и во что эта дружба вылилась?

Неверна поговорка о том, что старый друг лучше новых двух. Иногда старые друзья имеют привычку мстить за то, что их кинули. Или за то, что ими пренебрегали. Или просто из чувства собственности. За то, что они теперь не единственные и неповторимые, а лишь одни из нескольких.

И такая месть может перерасти во всё, что угодно. Может погаснуть, оставив за собой лишь пепел. А может разгореться и устроить большой пожар.

— Ты не виновата, Чарли, — поправил её я, положив ладонь на её пальцы, сжавшиеся в кулак. — Ты не обязана была всё это предвидеть. Никто не ожидал.

— Я отдалилась от неё, — тихо проговорила подруга. — Она сказала, что это одна из причин того, что теперь она от меня не отстанет. Я больше не знала ни один из её секретов, она не знала ни один из моих. Мне не нравился её парень, Джейк. И она была недовольна этими моими придирками. Мы словно стали чужими друг другу, хоть это и не было заметно,

наверное. Внешне всё было, как прежде. А на самом деле, всё исчезало. Испарялось. Медленно так.

Она отвернулась, прижав руку к лицу. Она силилась не разрыдаться; видимо, не хотела, чтобы кто-то видел её слёзы. Чтобы её слёзы видел я.

— Она говорила что-то про Магнит?

Чарли повернулась.

— Из её слов я поняла, что это не я. А также я поняла, правда, не совсем из её слов, что, вероятно, никакого смысла в существовании Магнита нет.

— Это ещё почему? — непонимающе спросил я.

— Да потому что это явно не этот человек всё притягивает. Если она прокляла весь город, то тут и Магнит никакой не нужен. Если она до сих пор здесь, то и никому притягивать все эти смерти не нужно.

Шарлотта рассуждала здраво. С пониманием дела.

А ведь действительно: какой смысл был в том, чтобы назначать кого-то Магнитом и твердить, что это этот человек всю эту дрянь притягивает? Или же Хейли просто было удобнее свалить всю вину на кого-то другого, или такой человек действительно был. Но кто им был?

— Хочешь сказать, вряд ли такой человек в принципе есть?

— Ну почему же? — возразила Чарли. — Кого-то она им да нарекла. Кого-то, при ком все события и происходили.

Я не сдержал грустной усмешки.

— Мы все присутствовали при всём. И почти на каждого были осуществлены, так скажем, персональные нападения.

Я, Бри, Сидни. Чарли не в счёт: у неё был свой разговор с нашей принцессой. Меня чуть не задело взрывом, Бри чуть не задушили, Сидни чуть не утонула. А Чарли медленно, не верно сходила с ума.

Кто не был покалечен среди нас? Кейси с Алом, которые вообще не являлись частью нашей компании, а попали в этот водоворот событий по чистой случайности? Потому как стали общаться с Чарли, когда мы по своей глупости посмели от неё отвернуться?

Нет. Они тоже были не без ран. Кейси потеряла Тобиаса. Ал тоже потерял Тобиаса, как друга. И ему было больно за сестру.

Коллектив учителей лишился мистера Клауса. Сидни лишилась матери.

Все в этом городе чего-то лишились. Чего-то, что нельзя было вернуть. Кого-то.

— Надо попробовать разобраться в этом, — задумчиво пробормотала Чарли. — Учитывая, что Хейлс сказала, что финал не за горами.

— Финал? — не удержался я от саркастичного смешка. — У этого кровавого пира действительно будет конец?

— Будет, — подтвердила Чарли мои слова. — Только вот будет ли это окончательным завершением? Как мы можем заранее быть уверены в том, что это прекратится навсегда?

А мне стало не по себе от её слов.

Потому что число двенадцать никак не давало мне покоя. А раз финал был не за горами... это значило лишь то, что все мы могли войти в это число жертв.

Первым был Джо. Второй стала Лекса. Третьим — Билли. Четвёртым — Тобиас. Пятым — мистер Клаус. Шестой — мать Сидни.

Если верить надписи и словам Хейли, то погибнуть ещё должно было шесть человек. А

вдруг больше? Вдруг это всё — очередной обман?

Ведь нас кормили ложью, добавляя к ней с каждым разом всё больше приправ и гарниров. Фирменное блюдо кровавой резни — ложь. Ложь с мясом, ложь в разбитых окнах, ложь с водой, пресной, не газированной.

— Что ты думаешь насчёт Бри? — спросил я.

— То же, что и про остальных, — ответила Чарли. — Каждый может быть Магнитом, Томми. Но одно известно точно: не мы выбирали себе эту роль. Нас назначили. То, кто является Магнитом, об этом не подозревает. И ничего не сделал для того, чтобы им стать, кроме того, что он родился и живёт теперь в Тэррифилде. И так или иначе общался в своё время с Хейли. Всё. Других причин нет.

Я слушал то, что она говорила, с особым вниманием. Чарли была проводником между нами и нашим уничтожителем. И в то же время в Чарли звенел голос разума.

Нам нельзя было считать друг друга предателями. Хотя бы потому, что у Хейли не было сообщников среди нас, и это железно. Хейли не сотрудничала ни с Чарли, ни с Сидни, ни с Бриджет. И уж тем более никаких таких вещей не обсуждали с ней мы. Мы вообще редко разговаривали. И почему-то я об этом не особо жалею.

— То есть, у тебя нет своих собственных догадок по поводу того, кто это?

— Кто бы им ни был, я не изменю отношение к этому человеку, — улыбнувшись, ответила Шарлотта. — Потому что это не его вина.

Меня смущало сейчас лишь одно.

Хейли до сих пор не объявилась. Чарли до сих пор была собой.

— Ты ещё долго продержишься?

Она пожала плечами.

— Не знаю. У меня сейчас такое ощущение, что я заперта в клетке.

— Вот и не выбирайся из этой клетки, — предостерегающим тоном сказал я. — Потому что мало ли, вдруг Хейли к тебе пробирается, когда ты эту клетку открываешь.

А ведь действительно. Вдруг Чарли была уязвима лишь тогда, когда сдавалась?

Вдруг мой телефон пискнул, уведомляя о новом сообщении. То же случилось и с мобильником Шарлотты. Мы растерянно переглянулись и достали телефоны.

Это было сообщение от NightWolf'a. Которого, скорее всего, вовсе не существовало.

«Готовы узнать свои самые страшные тайны, покрытые туманом?»

— Что он хочет этим сказать? — медленно проговорила Чарли, глядя в экран. — Какие ещё страшные тайны?

— Понятия не имею, — ответил я. — Видимо, он знает о нас что-то, что мы бы не хотели рассказывать друг другу.

— А разве что-то такое ещё осталось? — недоверчиво спросила она.

Я подумал. Осталось ли что-то такое у меня? Конечно, какие-то мелкие тайны у меня были. Но какую из них он выберет? Что решит рассказать всем, словно пытаюсь... выставить меня в дурном свете? Или чего он там добиваться решил?

— Должно остаться, — хмыкнув, сказал я. — У всех есть секреты, о которых они не расскажут даже под дулом пистолета.

Шарлотта отложила телефон и посмотрела на свои руки. На ладони.

Она всё ещё видела на них кровь.

Её руки были в крови, которая уже была смыта.

Какой уж секрет мог быть страшнее этой известной всем правды?

***

Когда я уходил, мать Чарли долго не хотела меня отпускать. Она пыталась выведать, что с нами со всеми происходит. Рассказал ли я ей об этом?

Нет.

Потому что на такой вопрос не мог ответить даже самому себе.

Я снова вставил в уши наушники и включил музыку. С ней было как-то спокойнее. Многих раздражает, когда одна и та же песня крутится раз, наверное, в десятый подряд. У меня, конечно, было не в десятый сейчас, а в третий. И всё равно не надоедало.

Потому что уж очень песня была... в тему, что ли.

I see people turn their heads and quickly look away

Like a new born baby it just happens every day.

Люди мне по дороге домой встречались. И все — какие-то замкнутые. Избегающие чужих взглядов.

Изменился ли наш город? Как ни странно, но да. Он изменился. Тэррифилд заметно помрачнел. На улицах больше не было слышно ни весёлого стука колёс фургончика с мороженым, ни радостных приветствий, ни предложений о помощи. Люди не общались больше друг с другом. Люди друг друга избегали.

Когда это началось? С момента гибели Хейли? Я не успел за этим проследить, однако же ни капельки бы не удивился, если так оно и было.

А ещё стало казаться, что город начал пустеть. Раньше в нём было как-то тесно, людно, шумно. Теперь же создавалось ощущение, что он сошёл со страниц романов об апокалипсисе. Не хватало лишь медленно оседающих на землю сухих, уже почерневших осенних листьев, пыли, брошенных автомобилей с побитыми стёклами и старых измятых газет, валяющихся на дороге бессвязными клочками.

Чаще стали идти дожди. Всё вообще небо покрывалось тёмными тучами, не давая проходу солнцу и ясному голубому небу. Всё чаще будто бы заволакивало всё какой-то вязкой дымкой.

И не сопоставлять изменения в природе Тэррифилда с изменениями в нас самих не получалось.

Хейли считала, что наш город сгнил. Что ж, она способствовала тому, чтобы он начал разлагаться. Ей нравилось разрушать то, что было её собственным домом, вот только непонятно было, почему. Может, потому, что этот город не был пристанищем её лучших воспоминаний, а напоминал о чём-то ужасном?

Например, о том, что именно здесь она познакомилась с нами, с Чарли, что именно здесь кто-то рассказал ей про шабаши? О том, что именно Тэррифилд превратил её в то, кем она была теперь?

Ситар наперебой с отчаянным вокалом отзывались в моей голове.

I wanna see it painted, painted black

Black as night, black as coal

I wanna see the sun blotted out from the sky

I wanna see it painted, painted, painted, painted black.

А ведь всё действительно уже почернело. Всё, что ни назови.

Город. Стены. Чарли. Мои ботинки. Небо.

Всё, что было ярким и солнечным, стало хмурым, туманным. И обратить этот процесс вспять не являлось возможным.

Как только я снял наушники, вдоволь насытившись восклицаниями Мика Джаггера, у меня зазвонил телефон. Я остановился. С опаской выудил мобильник из кармана.

К счастью, то была Бри. Я нажал на кнопку и приложил телефон к уху.

— Как у вас там дела? — не дожидаясь её приветствий, поинтересовался я.

— Сид в порядке, — заверила меня Бриджет. — И её рана практически исчезла.

— Кто бы сомневался, — ничуть не удивившись услышанному, буркнул я.

— Томас, я хотела сказать о сообщении от NightWolf'a, — оставив мои слова без замечаний, сказала Моррисон.

— Так оно и тебе пришло?

На сей раз удивиться мне пришлось.

— И Сидни тоже, — грустно сообщила она. — Всех нас предупредили о том, что страшные тайны будут узнаны.

— А что, если не только нас?

Вопрос, казалось, застал её врасплох.

Нет, а что мог сделать NightWolf с четырьмя людьми, самые главные секреты каждого из которых уже, по идее, были известны? Он явно не мог ограничиться столь узким кругом лиц. В это был вовлечён кто-то ещё.

Были ли это наши одноклассники? Наши родители? Наши знакомые ещё откуда-нибудь?

Секреты есть у всех. У каждого. И никто не хочет, чтобы они оказались раскрыты без их ведома. Если наши секреты уже были известны, это было потрясающее средство для того, чтобы нами управлять. Манипулировать.

— Я не знаю, — наконец, выговорила Бри. — Но есть у меня подозрения, что это свершится завтра.

— Что именно?

— Раскрытие тайн. Поэтому к этому стоит подготовиться.

Только вот как готовиться к тому, чего не знаешь?

Радовало лишь то, что финал был действительно не за горами. И порой мне казалось, что я уже готов к любому исходу, лишь бы поскорее избавиться от этих сообщений, запугиваний и смертей.

— Ты ещё долго будешь с Сидни? — спросил я.

— Я буду на связи, — успокоила меня Бриджет. — Не переживай.

— Спасибо, — поблагодарил я и отключился. Хотя за что я благодарил? Действительно ли я так беспокоился о Сидни?...

Конечно, я беспокоился. Она была моей подругой. Она была моей девушкой, в конце-то концов.

Но имело ли это хоть какое-то значение?

Я словно терял вот такие чувства к Сид. Хотя можно ли потерять то, чего у тебя никогда не было? Мог ли я сказать, что любил её не так, как любят друзья?

Это было по-настоящему страшно, но с каждой минутой я всё больше понимал, что это не то, с чем я согласен. Я боялся это признавать, однако то, что произошло тогда у неё дома, выглядело какой-то большой ошибкой. Я не знаю, что нас заставило сделать это. Что нас притянуло друг к другу. Что конкретно меня притянуло к ней.

Но я переживал за неё. Потому что я уже устал терять близких мне людей. Любой бы на моём месте устал. Потому что это невыносимо больно. Есть же такие люди, которые болеют очень и очень часто, всякими пустяками. Им же это не нравится. Они ведь готовы на стенку

лезть, понятия не имеют, что же им делать. Вот и у меня, и у всех нас так же: мы устали от этого вируса, выкашивающего нас с корнем. Что самое обидное, так это то, что от вируса этого никто не придумал лекарств. Разве что существовало какое-нибудь магическое заклинание, останавливающее весь этот ужас. Звучит, словно бредни пьяницы, наверное, но я всё больше начинал думать именно о такой стороне разрешения нашего конфликта. О стороне столь же мистической, сколь и всё происходящее.

Родителей дома не было. Они были на работе. Хорошо, хоть тут удивляться было нечему.

Я умылся ледяной водой, словно пытаюсь собрать в порядок мысли, плутовавшие в моей голове. Не скажу, что были на то веские причины, однако порядка последнее время очень не хватало. Везде.

Я поднялся на второй этаж и собрался было зайти в свою комнату, но что-то заставило меня задержаться.

Я медленно повернул голову, вдруг услышав какой-то шорох. Конечно, вероятнее всего, это были пакеты, наполненные всякими вещами. Они всё время хрустели, не удерживаясь на месте. Мама прямо-таки обожала наполнять из до нельзя, а потом жаловаться, что они рвутся и падают.

Вот только в этом углу никаких пакетов никогда не стояло.

Я посмотрел на стену, подняв взгляд. На полу ничего не было. А на стене была надпись. Большими буквами. И все слова были начертаны кровью.

«Никому не говори.»

Когда я прочитал эту фразу, у меня сразу возник вопрос: что не говорить? А что тогда говорить? А кому не говорить?

Я подошёл поближе. Вероятно, вокруг надписи могли быть какие-то подсказки. Тайные послания, знаки, приписки более мелкими буквами. Что угодно, что могло ответить хоть на один из появившихся у меня вопросов.

А кровь была свежая. Будто бы только что написали на стене. И тут же убежали куда-то, скрывая следы преступления.

В голове пронеслась мысль о том, что это могла быть Хейли. Она ведь покинула Чарли, непонятно лишь, надолго ли. Что, если в такие моменты она путешествовала по городу, разыскивая себе новых жертв?

Что, если такие новые жертвы действительно находились, просто нам не было об этом известно?

Но никаких подсказок найти не удалось. Только эти три коварных слова.

Я спустился вниз, зашёл в ванную, достал из шкафчика тряпку, намочил её в воде. Быстро взбежал вверх по ступенькам и принялся оттирать написанное. Кровь удивительно легко поддавалась оттиранию, словно ждала момента, когда, наконец, покинет стены моего дома. Когда с этим было покончено я отошёл, чтобы убедиться, что разводов никаких не осталось. К счастью, покрытие настенное у нас было такое, словно оно воском пропитано — вода пятен не оставила. И вообще: никаких улик не осталось. Так и не скажешь, что тут было что-то написано. Да ещё и кровью.

Вздыхнув, я снова спустился вниз, выбросил тряпку в мусорное ведро, предварительно скомкав её так тщательно, что следов крови на ней заметно при мимолётном взгляде не было. А ведь в крови она хорошенько искупалась.

Когда я, наконец, зашёл к себе, то закрыл за собой дверь. Было не по себе оставаться

одному в доме, где уже успел побывать дух убийств, с открытой дверью в комнату. Чувствовалась какая-то незащищённость. А так: моя комната — моя крепость. Хотя и шаткая наверняка.

Усевшись за стол, я сгрёб в сторону всякий хлам вроде старых фантиков и тетрадок, в которых уже не было места никаким записям, и открыл свой ноутбук.

Он оказался включён.

Я попытался вспомнить, может, я его оставил так, когда уходил в школу. Но нет: я довольно чётко помнил, что последний раз его открывал вчера вечером, чтобы прочитать статью о планетах земной группы для школьного доклада, и, конечно же, я не забыл его выключить.

На экране всё так же висел водопад, стоявший у меня в качестве фонового рисунка. Нервно сглотнув, я посмотрел, какие приложения были открыты.

Браузер.

Я распахнул окошко на весь экран и посмотрел на вкладки. Вчерашняя статья, запросы в поисковике... и видеозапись. С которой я, безусловно, знаком не был.

Я кликнул мышкой, чтобы начать её проигрывание. Замер в ожидании.

На экране появился мой дом. Потом дом Чарли. Потом Сидни. Бриджет.

Потом на чёрном фоне белыми буквами — то, что я только что стёр со стены. «Никому не говори.»

Дёрганное изображение здания нашей школы. Обычный будний день: кто-то бежит, сломя голову, кто-то с кем-то переговаривается.

Вот бежит Чарли. И я невольно пытаюсь сопоставить, когда же это могло быть снято.

Я догадываюсь: после гибели Джо. В тот день Шарлотта припозднилась, вбежала к нам запыхавшись. Подтвердила наши забавные предположения о том, что она бежала. Ну конечно, она бежала, что тут и думать было.

— Эти люди даже не догадываются, что находится бок о бок с ними, — прозвучал хриплый голос за кадром. Определить, кому он принадлежал, было невозможно: автор видеоролика использовал программу, корректирующую голос до неузнаваемости и превращающую его в механический, не человеческий. — А ведь это что-то всегда было с ними. Рядом.

Следующие кадры — уже внутри. Автор видео прошёл мимо шкафчиков, некоторые ученики даже помахали рукой в камеру, улыбаясь.

Я в недоумении поставил запись на паузу. Получается, кто-то расхаживал в тот день с видеокамерой, а мы даже не заметили этого? Кто-то снимал нашу школу, этому кому-то даже радовались, и этот кто-то имел прямое отношение к смертям. А мы его проглядели.

Хотя была вероятность и того, что создатель ролика эти видео у кого-то украл. Что снимал не он.

Собравшись с духом, я продолжил просмотр.

— Это что-то не появилось здесь по щелчку, а существовало довольно давно. Просто теперь решило выбраться наружу.

От этого голоса невольно бросало в дрожь. О чём он говорил?

— И это что-то имеет оттенок крови и железный солоноватый привкус. Это что-то обрушится на вас лавиной, если вы это заденете. И ваша подружка это задела.

Ваша подружка это задела... Стоп.

Получается, говорила точно не Хейли. Хотя могла говорить и она, просто в третьем

лице о себе.

Но создавалось ощущение, будто она выставлялась тоже жертвой. Словно не она привела этот ужас в город, а город привёл этот ужас.

В голове это, конечно, укладываться не собиралось.

— Когда она выпустила это наружу, всё завертелось.

На экране стали возникать кадры, словно кто-то щёлкал фотоаппаратом.

Мёртвый Джо. Мёртвая Лекса. Мёртвый Билли. Я мчусь и спасаю Бри. Бри прыгает и обрушивает меня наземь. В классе вылетают стёкла, все визжат, мистер Клаус погибает. Сидни тонет. Мать Сидни падает с лестницы и громко кричит, воеет от боли, бьётся в конвульсиях.

Чёрный экран. Слова: «Что дальше?»

— А дальше — финальные аккорды, — неприятно смеясь, объявил голос. — И вы не будете сопротивляться. Вы примете всё, как есть. Вы узнаете, кто из вас всех является Магнитом. Им была ваша подружка, только вот она не особо справлялась. Никто не умирал. А теперь она сама приняла участие в том, чтобы выбрать, кто же им станет. И её выбор не был ошибкой. Он помог.

Голос замолк. И снова на экране возникла надпись: «Никому не говори.»

На этом записи пришёл конец.

Я ошеломлённо закрыл ноутбук. Провёл тыльной стороной ладони по лбу.

Хейли была Магнитом. Так вот что с ней произошло. Вот почему она не покидала Тэррифилд: она словно следила за тем, кто теперь играл её роль. Со всей ревностью. А также не отставала от Шарлотты.

Или же Шарлотта и была её избранницей, новым Магнитом?

Но главное, что меня теперь беспокоило: я не мог об этом рассказать остальным. Перед глазами так и стояла кровавая надпись, дважды повторившаяся в видеозаписи. И она заставляла её подчиниться.

Она заставляла действительно никому не говорить. Молчать. Обдумывать всё это наедине с собой.

И я принял решение никому не говорить. Потому что боялся не того, что это как-то может отразиться на мне, но того, что это отзовется на тех, кто мне дорог. Как бы это напыщенно и благородно ни звучало.

***

Когда я проснулся утром и по обыкновению первым делом подошёл к окну, то в ужасе отшатнулся.

Потому как на улице стоял дикий туман. Вернее, даже не туман.

Это был смог.

Я зашёл в душ, включил воду, упёрся ладонью в стену, подставив голову под струи воды. И всё думал об увиденном, пытаюсь убедить себя в том, что мне это показалось.

Мне показалось, думал я. Мне показалось, повторял я про себя, одеваясь, спускаясь по лестнице вниз, на завтрак. Не смотри в окно, думал я, намазывая кусок хлеба апельсиновым джемом. Никому не говори.

— Ого! — воскликнул отец, войдя в кухню. Я посмотрел на него и против воли проследил за его взглядом, обращённым в окно.

К сожалению, мне не показалось. Это видел и мой папа. И это не исчезало.

— Что случилось, доро... о Господи.

Мать ухватила за плечо отца. Потом подошла к кофеварке, кинув на меня беглый взгляд.

— И как в пойдёшь в школу? — поинтересовалась она у меня.

— Вприпрыжку, — буркнул я в ответ.

Хотя я и сам не догадывался, как, чёрт подери, добраться в школу. Потому что на улице просто стоял густой вязкий смог. По-другому этот природный или не очень катаклизм назвать было нельзя.

Мать с отцом понимали, что отпускать меня куда-либо — сумасшествие.

Связи не было. Телефон сеть не ловил, радио барахлило, как и телевизор. Всё погрязло в этот туман, если не в настоящий, то в метафоричный.

Но когда я сам подумал, что лучше остаться дома, я нащупал в кармане брюк свёрнутую бумажку. Я вытащил её, развернул.

На сей раз не известным мне почерком на ней было написано:

«Не пойдёшь в школу — умрёт кто-то ещё.»

Я содрогнулся, скомкал записку, убрал туда, где её взял и устремился к двери, поправив на плече лямку рюкзака.

— Я буду очень аккуратен, мам, пап! — воскликнул я как можно громче и выскочил из дому.

А в следующий миг зашёлся кашлем, прикрывая рукой глаза.

Находиться на открытом воздухе было буквально не-воз-мож-но. Потому что никого открытого воздуха уже и не было.

Хотя дышать постепенно становилось легче. Я осторожно открыл глаза. В них больше не щипало. Да и видимость вдруг стала гораздо лучше: дорогу было видно.

И я, на свой страх и риск, двинулся в путь.

У школы уже собралась толпа. Стоял такой гам, словно это была очередь на проход на какой-нибудь концерт. Я стал искать глазами Бри или Чарли. Или, на худой конец, Кейси или Ала.

Вдруг кто-то схватил меня за руку сзади.

— Вот ты где! — тут же раздалось. С радостью и облегчением.

Я повернулся и увидел перед собой Бриджет, которая выглядела до того испуганной, что становилось жутко.

— А Чарли здесь? — тут же спросил я. Про Сидни интересоваться не стал: уж кто-то, а она должна была оставаться сейчас в больнице и никуда не выходить.

— Я не знаю, — ответила Бри. Я приобнял её за плечи.

Судя по всему, в этом смогу только мы с ней и остались. На ближайшее время.

— Почему все стоят здесь? — спросил кто-то слева. — Мы не можем зайти внутрь?

— Школа заперта, — послышался ответ с другой стороны. И я вздрогнул.

Если школа была заперта, то мы буквально оставались наедине с тем, что не оставляло нам никаких шансов на выживание. Потому что смог не рассеивался. Стал чуть прозрачнее, чтобы мы видели друг друга... перед гибелью?... только и всего.

— Попробуйте выломать дверь! — отчаянно воскликнул кто-то.

— Пробовали, не выходит.

— Дайте мне, у меня получится!

Бам. Глухой стук. И ни черта, конечно, не получается.

Не впуская нас в запертую школу, нас заперли там, где нам меньше всего стоило

находиться.

Бри меня не отпускала. Озиралась по сторонам, как и я. Мы искали кого-то из наших, а потом будто бы вспоминали, что не было уже никаких наших. Что все они уже забраны смертью. Или её попытками прибрать их к своим рукам.

— Внимание, сохраняем спокойствие! — вдруг прозвучало из чьего-то рупора. — В ближайшие минуты школа будет открыта. Никуда не уходим!

Я развернулся на источник звука и увидел шерифа МакСтоуна, нашего старого приятеля. Он заметил мой взгляд, хмыкнул, но ничего не сказал. И даже не отвернулся.

А потом Бри вдруг отскочила и изменилась в лице. Она закрыла лицо руками, зарылась руками в волосы. И часто-часто задышала.

Я уже видел это с ней. Когда вылетали стёкла.

— Что происходит, Бри?

— У меня снова предчувствие, — упавшим голосом сказала она. — Это очень странно звучит, я знаю, но просто кажется, что что-то надвигается, и...

Она не закончила. А я посмотрел в противоположную школе сторону.

И обомлел.

Бриджет была права: что-то надвигалось. Только это «что-то» было не чем-то, а нашим замечательным смогом. И не то что бы он надвигался: он, скорее, начинал в себя засасывать. Сначала мелкие бумажки, валявшиеся на дороге. Потом цветочки с клумбы. Так осторожно, незаметно.

А потом раздался визг. Я инстинктивно обратил взгляд к Бриджет, но она молчала, хоть и разинув рот.

— Кейси! — отчаянно закричал кто-то сбоку, там, куда был обращён взгляд Моррисон.

Я пулей развернулся и обомлел.

Кричал Ал. Кейси засасывало. Она кричала тоже, плакала, пыталась отбиваться. Брат и ещё несколько ребят схватили её за руки, ведь ноги уже находились по ту сторону, стали тянуть на себя, силясь не позволить ей уйти туда, в смог. Я словно прирос к земле. На неё было больно смотреть, но что-то будто бы тихо шептало мне, что её уже было не спасти. Недаром в записке было написано, что умрёт кто-то ещё. Это значило, что кто-то сегодня умереть должен был точно.

Что-то было сильнее Кейси. Все в испуге отпустили её руки. Все, кроме Ала. И Ал за это поплатился.

Меньше, чем через долю секунды, оба исчезли в этом смогу, как будто бы их и не было.

И смог снова стал обыкновенным. Даже не внушающим страха.

Бри осела на землю, схватившись за голову. Я опустился на корточки рядом с ней.

— Кейси и Ал мертвы, — гробовым тоном возвестила она.

— Я вижу, — сказал я.

Семь. Восемь.

Ещё четверо.

Все вокруг молчали. Вернее, шёл по толпе какой-то гул, но отнюдь не членораздельный

— И это не конец, — прошептала Бриджет.

И я верил её словам. Я и сам мог так сказать.

Это был не конец. Это было начало конца.

И что нас ждало впереди, мы не знали. Дальше — финальные аккорды, которым мы не должны были сопротивляться.

Но как можно не сопротивляться, когда на кону стоят жизни людей? Твоя жизнь? Жизни тех, кто тебе дорог?

ГЛАВА 11. ГОЛОС РАЗУМА

Я сам себя казнил в моём жилище.

— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Сидни

Когда я проснулась, то даже и не сразу вспомнила, где я. Только спустя минуту поняла, что я в больнице. Вспомнила.

А ещё через минуту я вспомнила, что у меня больше не было мамы.

Плакать не получалось. Слезы душили меня, а наружу не выбирались. Но я чувствовала себя опустошённой. Будто всё из меня вытряхнули, оставив лишь оболочку.

Медсестра пришла, измерила мне давление, померила температуру. Проверила рану. Я видела, как она пыталась скрыть своё удивление. Оно и понятно: рана исчезла, словно её и не было.

У меня сил изумляться этому факту уже не было. Все мы помнили ситуацию Бриджет, ситуацию Томаса. Бри сидела со мной до последнего, пока её не выгнали. И я поняла, что зря я на неё злилась. Она была настоящей подругой. Просто раньше подруги не было у неё.

Когда она позвонила Томасу, то хотела дать мне трубку, но я лишь отвернулась к окну. Не было у меня желания с ним говорить. Конечно, можно вспомнить о том, что он меня спас. Вот только сообщение о том, что меня нужно спасти, было отправлено не ему, а Бри. Он всего лишь получил приглашение прийти в бассейн. И шёл туда, не подозревая, что его ожидало.

И я видела в его глазах, что ничего он ко мне не чувствовал. Томас никогда не полюбит меня так, как люблю его я. В этом я не сомневалась.

И теперь мне становилось больно от того, что я ему открылась. Иногда лучше молчать о том, что чувствуешь. Потому что можешь остаться ни с чем.

— Мисс Грин, ваш отец...

— Он в городе? — оборвала я медсестру на полуслове.

— Да. Он приехал.

Стоп. Как отец мог приехать в Тэррифилд, если Чарли не могла из него выехать? Как это вообще работало? Вход открыт, а на выход не пускают? Или пускают, но избранных? Или же не пускают как раз-таки избранных?

Дверь палаты открылась, и зашёл папа. Я не хотела его видеть. И одновременно понимала, что других родных людей у меня в городе больше не было.

Медсестра вышла, оставив нас с ним. Он осторожно присел на стул. Тот самый, где вчера дежурила Бри, искренне беспокоясь обо мне.

Я молчала. Не хотела говорить никаких фраз а-ля «Здравствуй, папа, где ты был, я так скучала». Не хотела лгать. И так всё ложью было покрыто. Всегда. Везде. Он никогда не для мне по-настоящему родным человеком. Даже фамилию носил другую, не такую, как у нас с мамой.

— Сидни, — позвал он меня. Отвечать ему мне не хотелось.

Тогда он позвал меня снова. А я продолжала не смотреть на него. Мне хотелось теперь лишь одного: чтобы он поскорее ушёл отсюда.

Или же, наоборот, я была рада его видеть?

— Почему ты приехал так поздно? — холодно спросила я, сдавшись и посмотрев на

него. Выглядел он неважно. Даже наличие чёрного костюма не делало его вид лучше. Не бритый, с кругами под глазами. Усталый какой-то.

Но становилось не жалко его, нет. Становилось смешно. Потому что насколько изменились мы, насколько уставшими выглядели мы, и насколько поменялся он можно было даже не сравнивать. И так было ясно, что, верней, кто тут перевешивал.

— Я виноват, — сказал он вместо того, чтобы дать хоть какие-то объяснения. Хоть лживые. Неважно абсолютно.

— Очень рада, что ты это, наконец, признал, — фыркнула я и проглотила накатившие слёзы.

— Я идиот.

— Я в курсе.

Папа закрыл лицо руками и откинулся на спинку стула. Я закусил губу.

Почему, почему, зачем он приехал именно сегодня? Он не мог выбрать другой день?

— Мне очень жаль, Сидни, правда, — проговорил он.

— Не смей врать, — сухо отрезала я. — Если бы тебе было жаль, ты бы всегда был с нами. А так тебя с нами не было. Ты для нас никто. Тряпка.

Я испепеляла его гневным взглядом. Он молчал.

— Уходи, — только и сказала я, поняв, что вряд ли он готов был в чём-то раскаяться.

И тогда он встал, кинул на меня последний взгляд и ушёл из палаты.

А я заплакала. По-настоящему.

***

Отец приезжал рано утром. В семь. Занятия в школе начинались в пол девятого. Мне туда идти было не нужно. Я веб в больнице.

После ухода отца я ещё немного поспала. Не скажу, чтобы мне снилось что-то нормальное. Нет, не снилось. Снился какой-то жуткий бред: лягушки в крови, метель, даже скорее невиданный буран. Голоса какие-то.

А проснулась я от телефонного звонка. И в очередной раз прокляла эту мелодию, которую уже давно пора было сменить. Хотя бывают мелодии и хуже. Помню, однажды будильник у меня прозвенел на час раньше из-за неправильно выставленного времени на телефоне, а было это, когда я была ещё восьмилетней девчушкой. Я тогда вскочила на кровати и испуганно закричала. Потому что звуки были вообще непонятно по какому правилу объединённые: кукареканье, бульканье какое-то, детский смех, казавшийся таким злобным.

Когда я потянулась к тумбочке, то невольно кинула взгляд на окно. И похолодела. Потому что на улице ни зги видно не было. Всё было покрыто туманом.

Хотя что тут удивляться. Туман — весьма обыкновенная вещь.

Звонила мне Бри. Я нажала на кнопку.

— С добрым утром, — как можно более жизнерадостно сказала я в качестве приветствия. Но голос подруги заставил меня понять, что радоваться было нечему. Да что там, кого обманывать: я и сама это чудесно понимала.

— Сидни, новые смерти, — ошеломлённо проговорила она. Я была очень рада, что на этот момент не стояла, а уже сидела. Но рукой я за бортик койки всё равно ухватилась.

— Кто? — еле звучно спросила я.

— Кейси, — прозвучал ответ. — И Ал. Их забрал смог.

Я облегчённо выдохнула и покосилась на окно. Так вот оно что. Никакое это не

творение природы. Это очередной подарок от Хейли и её сообщников. Убийственный смог, это ж надо было придумать.

— Где ты?

— Мы с Томасом у школы. С минуты на минуту начнут запускать всех внутрь. Считают, что внутри безопаснее — Бри остановилась, чтобы перевести дух. — Чарли мы пока не видели. Не исключено, что она дома.

— А вы не пробовали ей позвонить?

По ту сторону раздался нервный смешок.

— Сид, мы тебе-то каким-то чудом дозвонились. Связь еле ловится.

И действительно: голос подруги то и дело побряхтывал, порой прерывался, слышны были помехи.

Неужели Хейли решила обесточить нас, оградить от связей даже внутри города? Порвать не только связь со внешним миром, но и со внутренним?

— Там есть помощь какая-нибудь? Ну, вдруг есть пострадавшие.

— Полиция здесь. Шериф МакСтоун особенно. Тот, который с Чарли говорил ещё тогда. Ну и показания брал.

Конечно, знала я МакСтоуна. Как его не знать. Я была первая, кто принял участие в том допросе. Помню, отвечала я на вопросы даже с нахальными нотками в голосе. И потом вышла, гордо подняв голову. Наверное, чтобы слёзы не вытекали. Хотя зачем там было плакать? Повода особого-то и не было.

Все эти воспоминания теперь казались чем-то таким отдалённым. Словно это было в прошлой жизни, никак не позже.

— Ты там как? — спросила Бри.

— Нормально, — отмахнулась я. Вдаваться в подробности об отце не хотелось.

— Ладно. Нас уже запускают внутрь, так что... ты меня слышишь? Что-то со связью вроде. Я тебе перезвоню ещё.

И звонок прервался. Место голоса Бри заняли унылые гудки.

Я отложила телефон, на котором тут же обозначилось, что сеть не была найдена. Прелестно.

Осторожно приподнялась с койки, подошла к окну. За стеклом было всё видно так размыто, что хотелось протереть глаза. И всё покрыто тёмной дымкой.

Я вернулась на койку, завернулась в одеяло, поджав губы.

В этот миг в палату вошла медсестра. В одной руке она держала стакан с водой, в другой — блюдечко, на котором лежало две голубенькие таблетки. Я подозрительно скосилась на неё.

— Выпейте это, — сказала она.

— Зачем же? — непонимающе спросила я.

— Станет легче.

Не особо хотелось мне ей доверять, но пришлось сдаться. Взять стакан, взять обе таблетки сразу, отправить их в рот и запить, сделав несколько глотков.

Вкус у них был омерзительный. Хуже, чем у лекарства от кашля в виде капель.

— Поспи теперь, — посоветовала женщина, прежде чем уйти.

И будто против собственной воли я, проводив её взглядом, улеглась, прикрыла глаза.

И вскоре снова погрузилась в сон.

***

Томас не отпускал руку Бри, когда они, наконец, зашли в здание школы. Вокруг стоял такой гам, что не было слышно собственных шагов.

— Как Сидни? — как бы невзначай поинтересовался Томас, когда они поднимались по лестнице, направляясь в кабинет физики.

— Судя по голосу, нормально, — ответила Бриджет.

Только по голосу ей судить и приходилось. Грин не удосужилась сама обронить хоть слово по поводу своего самочувствия. То ли из какой-то гордости, то ли от шока. За сутки Тэррифилд потерял трёх человек. Не удивляться этому казалось каким-то преступлением.

Ученики были напуганы. Все до единого. Не прошло и получаса с того момента, как все увидели гибель Кейси и Ала. С какой-то стороны забавную, но на деле — очень и очень страшную.

— Томас, — позвал его кто-то из них. Он тут же повернулся навстречу голосу. Этого паренька он не знал; вероятно, он учился на год младше.

— Что-то не так?

— Естественно. Всё не так. Вы же знаете, что происходит, правда?

Сайфер покачал головой.

— Прости, друг, но если бы мы сами знали, что здесь творится, всё было бы намного проще. Уверяю тебя.

Собеседник нахмурился. перевёл взгляд на Бри. Та, слабо и грустно улыбнувшись, лишь дёрнула плечами.

— Лжёшь, — вынес он свой вердикт. — Вы слишком долго варитесь в этом котле. Ещё с той вашей блондиночкой и самой сумасшедшей из вас. Где вы их потеряли?

Томас еле сдержался, чтобы не сжать руки в кулаки. А ведь так хотелось ударить этого умника, да так, чтобы он этот удар на всю свою жизнь запомнил. Придумают же по незнанию.

— Мы не лжём, — вмешалась Бриджет. — Мы знаем лишь, что это началось, вероятно, с погибшей уже почти четыре месяца тому назад Хейли Коллинз. И что есть в городе человек, который всё это теперь к себе притягивает. Магнит. Да-да, идите, передайте остальным. Им будет очень интересно это услышать. Они ведь захотят найти и убить этого человека.

Она выдохнула. Продолжила смотреть на этого парнишку.

Тот скривился.

— Ах, Магнит, говоришь? Может, это кто-то из вас?

— Я этого не отрицаю.

— И, видимо, не скрываешь, — захохотав, заметил он. — Вы не можете ничего не знать о происходящем, ведь вы играете в этой пьесе главные роли. Разве вам это не ясно?

Бри широко улыбнулась. Правда, никакой радости в улыбке этой не было.

— Не ясно, — ответила она. Не сдаваясь. Она заметно осмелела за последнее время. События оказали на неё большое влияние.

Прозвенел звонок на урок. Парнишка тут же метнулся к своим друзьям, а Бриджет вместе с Томасом зашли в кабинет физики.

Чарли не было видно до последнего. До момента, когда все расселись по своим местам, а мистер Мэден ещё не пришёл. Вот тогда-то в класс пулей влетела Чарли Боунс. Именно она, а не Хейли в её обличье.

Томас разинул рот от удивления. Она уселась за парту, стоящую через проход от его

собственной, посмотрела на Бри.

— Это я, — прошептала она им. Те кивнули ей в знак понимания. На губах дрогнули улыбки.

Хоть какое-то светлое пятно в обстановке.

Встать с мест они сейчас не могли. А ведь так хотелось. Подбежать, обнять, расспросить обо всём.

Шарлотта подкопалась в своей сумке, вытащила тетрадь и ручку и со скучающим видом положила из на парту. Поёрзала на стуле.

Остальные, сидевшие в классе, были в шоке. Практически все сидели молча и смотрели на них троих. Чарли, Бри и Томаса. Троих, кто до сих пор был жив, словно противореча правилам игры.

Все ведь знали о смертях. О том, что Боунс убила Тобиаса. О том, что что-то неладное творилось, и названия этому никакого не имелось.

Просто принять это так просто возможным и реальным не казалось.

Спустя ещё минуту в кабинет вошёл мистер Мэден. Он остановился посреди класса. Театрально развёл руками, оглядев публику.

— Я очень рад видеть вас здесь, — сказал он. — Спасибо, что вы остались живы. По крайней мере, я точно знаю, что мой конец близок.

По классу прошёлся изумлённый ропот.

— Да-да, понимаю, слышать такое вам, во-первых, не впервой, а во-вторых, сейчас не очень к месту. Но с другой стороны, именно сейчас эти слова и звучат в нужном ключе. Но и, прошу заметить: «Не для того на свете мы живем, чтоб смерть застала нас в блаженной лени!» — гордо процитировал он Данте Алигьери. — Помните: нельзя лениться. Надс делать что-то постоянно, таким образом тренируя себя к любому труду.

Он замолк. Сел на стол, переплетя пальцы перед собой.

Томас повернул голову к Чарли. Та сидела будто бы на иголках. Речи Мэдена её не радовали. Да и никого они не радовали.

Бриджет вертела в пальцах ручку, внимательно слушая учителя.

И все они мотали себе на ус то, что он говорил.

— После смерти в большинстве случаев приходит забвение. Какое-то время человека ещё будут помнить, а дальше всё — пустота, пропасть. Он исчезает. Но исчезают лишь его деяния. Меня забудут все. Но вы постарайтесь сделать так, чтобы вас не забыл никто.

— Вас невозможно забыть, мистер Мэден, — хихикнул кто-то за первой партой. Так неуместно хихикнул. Потому что было совсем не до смеха.

Но слова правдивые сказал. Забыть Мэдена казалось чем-то невозможным.

После он рассказал что-то по электричество. Томас и Бри впервые не слушали его со всем вниманием. Мысли у них, как и у Чарли, были забиты совершенно другим.

Когда урок закончился, мистер Мэден решил поскорее скрыться из класса. Томас, сам не понимая, что делает, вскочил с места, схватив вещи, и ринулся за ним.

— Том... Томас! — воскликнула Бри. Посмотрела на Чарли. И они вдвоём кинулись за ним.

Потому как они понятия не имели, что хотел сделать Сайфер.

Они нагнали учителя во дворе, по-прежнему затянутом дымкой. Чарли посмотрела на Томаса с таким видом, словно тот решил нахамить Президенту США, но тот тут же отвернулся.

— Мистер Мэден! — осторожно позвал он. Тот остановился, вздрогнув. Обернулся.

Подошёл к ним поближе. Томас, Бриджет и Чарли смотрели на него, как будто на последнюю надежду.

— Вы в особенности должны беречь себя, — проговорил Мэден, слабо исказив губы в улыбке.

— Скажите, вам что-то известно? Вы что-то знаете?

Он сделал отрицательный знак головой.

— Я знаю лишь то, что это похоже на настоящую кару. Тэррифилд в чём-то провинился и теперь получает по заслугам. И почему-то всё обрушивается на вас. Но вы не расклеивайтесь. Это завершится. Надеюсь, что довольно скоро.

Томас промолчал. Как будто бы это ему было известно что-то сверх того, что знали все. Словно он знал, что те, кто твердит всякое вокруг, неправы.

Как будто бы ему была известна правда.

— Почему вам кажется, что вы скоро погибнете? — обеспокоенно поинтересовалась Бри.

— Потому что такие, как я, уже не нужны здесь. А кара прежде всего настигнет ненужный хлам. Даже если и не прежде всего, то всё равно настигнет мусор. Меня здесь, в этом городе, по-другому именовать уже невозможно.

Всё это он говорил с такой печальной улыбкой, что нельзя было остаться равнодушным.

— Вы, главное, научитесь в людях разбираться, — продолжил он свои наставления. — Настоящих. Белое на белом не увидишь. У каждого есть тёмная сторона. А у всякого человека, кого плохим считают, есть что-то хорошее. Это и к вам относится. Это как в Инь-Ян.

Он вдруг засмеялся. Тихо так, спокойно.

А они просто не знали, что сказать. Только чувствовали, что близилось что-то неладное.

Смог начинал потихоньку уплотняться вновь. Очертания предметов размывались, словно акварелью. Видимость ухудшалась с каждой секундой.

— А ведь мне пора, наверное, уже, — обыденным тоном произнёс мистер Мэден, словно он беседовал о том, что самое время зайти в поезд. Обернулся, сверился с наручными часами. Обнял взглядом Чарли, Томаса, Бри.

— Берегите себя, вы втроём. Только если вы будете держаться вместе, вам удастся дать отпор тёмной стороне этого города.

С этими словами он стал отступать назад.

И смог раскрыл ему свои объятья.

Мистер Мэден в последний раз глубоко вдохнул, а потом ему будто бы кто-то нож в спину вставил. Глаза его закатились. Он прогнулся, а потом пропал в тумане, будто бы его тут и не было.

Никогда не было как будто бы здесь этого единственного разумного голоса, который всегда стремился донести людям правду. Жаль, что его так редко слушали.

Потому что уж его слушать точно было нужно.

***

Я резко села, пытаясь отдышаться. Приложила ладони к лицу. Осмотрелась.

Я всё ещё лежала в этой палате. В реальности. А во сне я была в школе. Вместе с Шарлоттой, Томми и Бриджет. И вместе с ними я увидела, как погиб ещё один человек.

Этим человеком был мистер Мэден.

Физику я не посещала и имела опыт общения с ним совсем небольшой. Но слухи про него по школе ходили разные. Одни говорили, что он сумасшедший, другие говорили, что он лишь истину глаголет. Одни его ненавидели, другие над ним смеялись, третьи его обожествляли.

Мистер Мэден — человек-загадка, которую почти невозможно разгадать.

Но я не понимала, чем был мой сон. Я будто бы наблюдала за всем от лица участника, к которому, правда, ни разу не обратились. Я была с ними там, была! И создавалось такое ощущение, словно это было прямо сейчас. Будто это была не выдумка моего подсознания.

Будто я увидела то, что только что происходило в школе.

Я набрала номер Бри и стала ждать, когда она ответит. Трубку она не брала долго. Потом, наконец, не выдержала и ответила на звонок.

— Сид, прости, мы не можем сейчас...

— Что сейчас произошло в школе? — оборвала я её оправдания. — Что с мистером Мэденом?

— Что? — ошарашенно переспросила она. — Он только что погиб, в смоге. И...

— Я видела, — горько усмехнувшись, ответила я. — Я была с вами, Бри, с момента, когда вас запустили в школу. Я видела это во сне.

Повисло неловкое молчание. Я уже представляла себе, какое у неё лицо сделалось. Наверняка такое, будто я неправильно назвала формулу соляной кислоты. Хотя это я могу сделать с превеликим удовольствием. Поправочка: могла сделать.

И откуда во мне после такого сна, после таких событий, после того, как я буквально о-си-ро-те-ла, появился этот милый оптимизм?

— Что это был за сон? — быстро спросила Моррисон.

— Он был чересчур реален. Я просто была там с вами.

Послышался нервный выдох.

— Подожди, почему вообще так случилось? Это что, очередные...

Но я уже не слышала, что она говорила.

Потому что в палату вошла медсестра. Когда я увидела её, то на автомате отбросила телефон в сторону и вскочила с койки.

Это была та же медсестра, которая ранее мерила мне давление, температуру. Которая накормила меня таблетками.

Из-за которой, вероятно, я провалилась в сон.

— Что вам нужно? — как можно более твёрдо задала я негодующий вопрос.

— Сидни, я пришла оповестить о выписке.

Я засмеялась. Вот так просто? Сидни, я пришла оповестить о выписке? Ну это ведь не вяжется с нормальным пониманием медицины, поведения в больницах!

— Значит, я ухожу. Если не могу получить ответ на вопрос: что за таблетки вы мне подсунули?

— Самые обыкновенные, — невозмутимо сказала она.

— Да, вот только сны после них снятся отнюдь не обыкновенные! — взорвалась я.

— Можно устроить приём у психиатра.

Я раздражённо фыркнула.

— Спасибо, обойдусь.

Я стянула с себя больничную робу, натянула на ноги чёрные джинсы, лежавшие на полке в небольшом шкафчике, розовую тунику. Вещи были тщательно высушены и аккуратно

сложены. Надо же, хотя бы об этом позаботились.

Прихватив сумочку, я последний раз взглянула на палату и ринулась прочь. Сначала я шла в нормальном темпе, а уже потом пустилась бежать.

Бежать из этого места надо было, бе-жать. Как и из города всего. Б е ж а т ь.

Вот только из Тэррифилда не сбежишь. Скорее, под упавшее дерево попадёшь. Или ещё что-нибудь в таком духе случится быстрее, чем ты покинешь его пределы.

А что, если и другие небольшие города имели такую странную способность — не выпускать жителей за собственные пределы? Они словно боятся потерять тех, кто до сих пор был с ними, и не отпускают. Люди так не отпускают свои старые воспоминания, хоть и приносящие им немало боли. А город не отпускает тех, кто делает его живым, постепенно разрушая его изнутри.

***

Я не пошла домой. У меня больше не было дома.

Я двинулась к дому Бриджет. Понятия не имею, почему именно к ней. Учитывая, что её там ещё не было.

И снова, словно то был сбой матрицы, в дом меня пустила Фиби Моррисон.

— Бри скоро придёт и, кажется, не одна, — плавно объявила она и скрылась в какой-то комнате. Я покосилась в ту сторону и краем глаза заглянула внутрь, так, чтобы мать Бри меня не заметила.

Она сидела напротив мольберта и водила кисточкой по холсту, держа второй рукой палитру с красками. Я прищурилась, дабы разглядеть, что было на будущей картине.

На листе пока что были лишь нечёткие линии, которые постепенно складывались во что-то более отчётливое... но всё равно расплывчатое.

И спустя пару секунд до меня дошло: это ведь туман. Фиби Моррисон писала картину о том смоге, который накрыл Тэррифилд с головой. И получалось у неё это невероятно искусно. Чудесно. Засмотришься и глаз не оторвёшь.

— Так красиво, — восхищаясь, проговорила я и тут же хлопнула себя ладонью по рту. Я ведь хотела, чтобы меня никто не увидел.

Фиби тут же отвлеклась от дела и повернулась ко мне. Её губы растянулась в довольной улыбке.

— Тебе правда нравится? — спросила она. Я кивнула.

И миссис Моррисон, тихонько, радостно усмехнувшись, вернулась к картине.

Я присела на диван под лестницей. На меня вдруг снова накатила волна отчаяния. Как люди справляются с болью потери родного человека? Я думала, что пойму это, когда потеряю кого-то из близких. Оказалось, понять это не так-то просто. Ведь чтобы понять, нужно справиться. А у меня справиться не получалось.

Прошло, наверное, минут семь, как дверь дома распахнулась и вошла Бри. А за ней внутрь ввалились Шарлотта и Томас.

Я мигом вскочила с места и подошла к ним. И сразу заметила, как все они изменились в лице. Особенно Бри. Оно и понятно: она явно не ожидала увидеть меня в её доме.

— Ты...

— Выписалась. Всё прекрасно.

Ничего не прекрасно.

И они это знали.

— Идём наверно, — не задавая больше никаких вопросов, приказала Бриджет, поманил

нас за собой. Я шла прямо за Томасом, дыша ему в спину. А тот явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Или же ему очень надоедало моё общество.

В комнате Бри мы уселись на полу, а она взяла ноутбук и примостилась рядышком.

Что-то они затевали. Жаль, я пока не особо понимала, что.

— Итак, — начала Бриджет, пока ноутбук загружал стартовую страницу. — Как стало понятно, финал близок. И почему-то мне кажется, что всё завершится в ближайшие дни. Осталось три человека, которых ожидает гибель. Это легко может быть кто-то из нас. И если смерть выберет троих именно из нас, то лишь один останется в живых.

Она зажмурилась. Мы все переглянулись.

От этого столь, казалось бы, очевидного факта становилось жуть как не по себе.

— Если в живых останусь я, я сделаю всё, чтобы об этой истории узнали, — заявила Шарлотта. — Потому что так просто я это не оставлю.

— Если в живых останусь я, то я не дам людям забыть о вас, — с горечью на языке сказал Томас. — Потому что вас должны помнить.

Бри глубоко вдохнула.

— Если в живых останусь я, то это явно будет ненадолго. Потому что без вас, без моих единственных друзей, я жизни не представляю.

Настала моя очередь сказать какие-то слова. Я в замешательстве потеряла край туники.

— А я в живых не останусь, — неожиданно и для самой себя выпалила я. — Вот.

Ноутбук просигналил о том, что он готов к работе, и этот звук спас меня от дальнейших объяснений.

Бриджет открыла свою электронную почту и зашла в папку со входящими письмами. Кликнула по последнему из них.

— Когда мы были на уроке, мне пришло уведомление о новом письме, но на телефоне оно потом не открывалось, — пояснила она.

— На электронную почту письмо? — поперхнулась я. — Серьёзно? Кто-то ещё этого мамонта использует?

— Ну, некоторые, к твоему сведению, и факсом по сей день пользуются, — дёрнув плечами, сообщила мне Бри. — Так вот, письмо от NightWolf'a.

— Кто бы сомневался, — пробубнил Томас.

Моя подруга распахнула окошко с текстом письма на весь экран и расположила ноутбук так, чтобы всем было удобно читать. Мы склонились перед экраном с замиранием сердца. А если не мы, то я — точно.

«Ты думаешь, что люди велики?

О нет! С пути прямого соvrащенный,

Ты позабыл, что все мы — червяки,

Которые рождаются, умирая,

Чтоб превратиться, злобе вопреки,

В тех бабочек Божественного Рая,

Которым суждено в лазурь вспорхнуть.»

— Это Данте, — тут же узнала Бри отрывок. — «Божественная комедия».

— Что-то слишком много цитирования Данте на один день, — поморщилась Чарли.

Но письмо на этом не заканчивалось.

Далее к нему были прикреплены два видеофайла. Мы с опаской посмотрели друг на друга. Решение открыть их было принято безмолвно и единогласно.

Ролики по длительности оказались совсем небольшими. Первый — всего двадцать секунд. Второй — двадцать пять.

Мы включили первый и застыли в ожидании воспроизведения записи.

На экране появились кадры нашей школы. Коридор. Кафетерий. Зона для перекуса на открытом воздухе. Кабинеты. Шкафчики.

А на фоне звучал голос. В нём раздавалось скрежетание и механистичность. Это был не человеческий голос. Явно сгенерированный или исправленный в специальной программе.

— Вы примете всё, как есть, — говорил он. — Вы, наконец, узнаете, кто из вас всех является Магнитом. Им была до этого ваша подруга, только вот она не особо справлялась со своей задачей. Никто не умирал. А теперь она сама приняла участие в том, чтобы выбрать, кто же им станет. И её выбор не был ошибкой. Он помог.

Потом на экране, уже почерневшем, появилась надпись: «Хейли — первый Магнит».

И ролик на этом окончился.

Внутри меня всё сжалось. Так вот оно что. Хейли была Магнитом.

Получается, это не она начала всё это? Был кто-то и до неё?

— Круто, — только и выговорила Чарли. Я смотрела на неё и не могла поверить, как она всё ещё держалась.

Ведь Хейли буквально держала её в заложницах. А теперь выяснилось, что не она затеяла эту игру. Что она и сама в этих картах была шестёркой.

— Включай второй, — попросил Томас. Ему словно не терпелось узнать, что же нам решили рассказать ещё.

Я смотрела на него сейчас, и у меня невольно складывалось довольно странное ощущение. Как будто бы он смотрел эту запись не новыми глазами. Как будто бы он об этом уже... знал?

Бри кивнула и щёлкнула по второму ролику.

На фоне слышались помехи. Запись велась со входа в школу. И всё в дымке.

Запись была сделана сегодня.

На экране показался Томас. Бриджет. Ещё у школы, вероятно, в тот момент, когда погибли Кейси и Ал. Вероятно.

Потом Чарли. Уже в школе.

Я в больнице. Сплю.

Меня передёрнуло. Получается, пока я спала, меня кто-то снимал? Теперь я точно спать боялась. Мало ли, кто за мной подсматривает.

— Вы нарушили правила игры, — раздался уже знакомый голос. — Хейли назначила Магнитом одного. А Магнитов оказалось два.

— Что? — невольно вскрикнула Шарлотта.

— Но одно точно неизменно: умрёт из них лишь один. И всё закончится там, где и началось.

И эта же фраза оказалась написанной на чёрном экране.

И этой фразой закончился второй ролик.

Бри ошеломлённо закрыла ноутбук и посмотрела на потолок. Она ломала пальцы. Томми сидел, закрыв рот ладонью. Чарли немо негодовала. А я смотрела на них и не знала, что делать мне.

— Что ж, Магнитов два, — не скрывая дикой усмешки, проговорил Томас.

— Хорошо, что не четверо, — с мнимым облегчением пробормотала я.

— Уж лучше бы мы все были такими. А то так получается, что это двое из нас.

— Почему из нас? — возмущилась я. — В Тэррифилде помимо нас людей хватает!

— Но всё похоже на то, что это всё-таки мы, — вмешалась Бри. — Таки сообщения отправили бы всему городу. А отправили нам.

— Вообще-то тебе, — заметила я.

— И что, будешь мне не доверять?

Пауза.

Что такое доверие? Это то, о чём нам всем пришлось забыть.

— Мне тоже прислали, — устало признался Сайфер. — Так что не надо лишний раз гнать на Бриджет. Она такая же, как и мы.

— Всё закончится там, где и началось, — прошептала Чарли, не влезая в нашу перепалку. Мы обратили взгляды к ней. Она явно задумалась.

— А где началось всё? — спросила Бриджет.

— В лесу.

Лес. Теперь вспоминать это место спокойно не удавалось. Да и ничего спокойного в нём не было, а значит, незачем было его спокойно вспоминать. Не заслужил.

Вдруг раздался оглушительный хлопок. Такой, что мы подпрыгнули от неожиданности.

— Чарли, скучала по мне? — пропел сладкий голосочек из угла комнаты.

Ну конечно. На кресле сидела Хейли.

Давненько мы её не видели. А она ничуть не изменилась. Всё такая же адская кукла.

— Сука, — прошипела Шарлотта. — Лучше бы ты и оставалось этим чёртовым Магнитом.

— Ну что ты, дорогая, всё было не так драматично. А так... о, да вы даже не представляете себе. А я представляю. Я же, в отличие от вас, знаю.

— Что ты знаешь?

— Я знаю, кто Магнит.

Ужасные слова. От них становилось невыносимо больно.

Вот она, сидит, болтает ногами, улыбается, наматывает на пальцы светлые локоны. И знает, кому здесь суждено умереть. Или не здесь.

Знает. Знает и молчит.

— Скажи, — взмолилась Боунс. — Скажи нам. Уже хуже не будет.

— Да скажу я всё, конечно, — вздохнул призрак. — Куда ж я денусь.

Мы замерли в ожидании её ответа.

А она расхохоталась.

— Не сейчас, естественно. А там, где всё и началось. Авось подсказку узрите.

Она прищёлкнула языком, оглядывая нас как будто бы с высоты.

— Зачем ты ввязалась в это, Хейлс? — спросила я. И она тут же помрачнела.

— Если бы я ввязалась в это сама, то не изображала бы из себя такую дуру, — прохладно ответила она, убрав с лица улыбку, и вдруг сдалась. — И да, ладно. Вы сами-то не догадываетесь разве, кто пришёл мне на смену? И по какой такой причине этот кто-то сделал так, что у него появился коллега?

ГЛАВА 12. ГОРОД В ПУСТОТЕ

Меж призраков, которыми владел
Тяжёлый дождь, мы шли вперёд, ступая
По пустоте, имевшей облик тел.
— Данте Алигьери "Божественная комедия"

Томас

Резкое изменение в Хейли Коллинз не заметил бы сейчас лишь идиот.

Сейчас она не походила на того кукловода, каким была до этого дня. До этой минуты.

Она была такая же, как и мы.

Ж е р т в а.

Хейли Коллинз снова была хрупкой куклой, какой была до того, как всё произошло.

Куклой, которая слишком много знала. В ней не было видно больше той власти, которой она обладала прежде. Не создавалось ощущения, что она — проклятье нашего города и нас. Она была подопытным кроликом города.

Значит, то видео, о котором мне нельзя было никому говорить, не было враньём, выдумкой. Оно открыло мне правду.

Мы все переглянулись. Слова Хейли ввели нас в заблуждение. Потому что совершенно не было понятно, на кого она намекала и о чём говорила. И что это ещё за причина такая была.

— Это кто-то из нас ведь, да? — спросил я. И девушка, уже давно мёртвая, но по-прежнему не теряющая живости, горько усмехнулась, кивнув головой.

— Мне не оставили выбора, — начала оправдываться она, рассказывая всё, как было. — Мне ещё удалось их обмануть, потому что Магнитом должен был быть другой человек. Другая моя подруга. Лучшая.

Шарлотта раскрыла рот от удивления. Ещё бы. Она думала, что Хейли стала её проклятием, а она оказалась её спасением. Ведь получается, что Магнитом должна была быть она, Шарлотта Боунс. И Шарлотта Боунс должна была умереть. Хейли же не позволила этому случиться.

Пока что.

В комнате словно повеяло холодом. Будто откуда-то прилетел ветерок. С севера, наверное. Или с той стороны. Казалось, чувствуешь каждое малейшее свершаемое движение каждого. Каждый вдох, выдох. Мы словно стали единым организмом, который ждал одного — разоблачения.

Минус один кандидат. Осталось двое. Потому что Хейли сказала: другая моя подруга. А значит, на этой роли была или Сидни, или Бри. Не я.

Но ведь Бриджет не была её подругой. Или мы чего-то не знали о ней? Снова? Вдруг они тайно общались друг с другом?

— Меня заставили назначить следующий Магнит. Я отнекивалась. Меня не слушали. Они упрямо настаивали на своём.

Тишина, наступавшая в паузы, словно начала звенеть. Потрескивать в ушах.

Хейли сидела перед нами и обнажала свою душу. Которой уже не было места на земле.

— Вы удивляетесь небось, когда я говорю о каких-то "них". А всё потому, что не я это начала. NightWolf — вот это уже больше похоже на правду. И то: он лишь продолжил уже

давно начатое. А я, как дура, повелась. И мне будто затуманили мозги. К счастью, не до конца. Потому что они грозились отобрать у меня самое дорогое, что у меня было, а я им этого сделать не позволила.

Она посмотрела на каждого из нас, но взгляд задержала на Шарлотте. У той дрогнули пальцы, невольно сжимавшиеся и разжимавшиеся в кулаках.

— Я не позволила сделать Магнитом тебя, Чарли, — выдохнула Хейли. — Я не позволила им отправить тебя на верную смерть.

— Но почему... почему Магнит должен умереть? — тут же задалась вопросом Бри.

— Правила Тэррифилда.

Она виновато пожала плечами.

А Чарли сидела, словно на неё ушат ледяной воды вылили. Потому что этого она услышать явно не ожидала. Она не ожидала, что её лучшая подруга по-прежнему была собой.

Но теперь становилось понятно, почему Хейли так себя вела. Заставила её убить Тобиаса. Мучила её. Просто потому, что ей — тоже! — приказывали. Она — тоже! — была м а р и о н е т к о й. Не живым человеком со своими прихотями. А уже умершим бывшим Магнитом с последними миссиями.

Вдруг за окном раздался гудок автомобиля. Никто из нас не шелохнулся.

— Это Джейк, — внезапно выпалила Хейли. — Он и есть NightWolf. Правда, он перешёл на мою сторону. На вашу. Он хотел, чтобы всё это прекратилось.

Джейк в городе? Не верить Хейли было нельзя, потому что уж она сейчас точно говорила одну лишь правду. Но Джейк... приехал в Тэррифилд? Зачем? Что он надеялся здесь увидеть, разруху? Кладбище, на котором уже не было мест для новых могил?

— Так значит...

— Да, Чарли. Мы оба вралі всем вам. И когда вы с ним поехали меня искать, он, конечно же, знал, где я. Потому что он от тебя и сбежал, что необходимо было как-то всё это закончить. Но всё получилось вот так неблагоприятно.

Её ледяных губ коснулась лёгкая грустная улыбка. Она словно раскаивалась во всём содеянном, но в то же время рассказывала обо всём отстранённо, будто не желая иметь с этим прошлым ничего общего.

— Подожди, что именно закончить? — приходя в себя, опомнилась Чарли. — Что произошло там, в лесу? На шабаше?

— Ты там тоже оказалась не случайно. Будь твоя воля, ты бы уже давно отправилась на поиски меня. Раньше этого дня. Но именно на тот вечер был запланирован обряд, по которому Тэррифилд был бы оцеплен и изолирован от внешнего мира, а также подвергнут самоуничтожению. Это должно было произойти именно так. Ты там оказалась не случайно, потому что они грозились убить тебя ещё тогда. Это был своего рода шантаж: или я иду до конца, или я лишуюсь тебя навсегда. Больше им забирать у меня было некого, потому что никто никогда не был и не будет мне так дорог, как ты.

Она остановилась, чтобы проследить за нашей реакцией. Чарли буквально в рот ей смотрела, слушая. Бри то и дело опускала взгляд. Сидни сцепила пальцы в замок.

А я думал об одном: если Джейк приехал, почему он до сих пор не здесь?

— Поэтому когда я увидела тебя тогда, то первым делом вспомнила, что они грозились навредить тебе. И нарушила этот чёртов круг, испугавшись, что увижу, как ты умрёшь.

— А в итоге я увидела, как умерла ты, — тихо сказала Шарлотта.

С такой болью в голосе.

Трагедия их дружбы могла переплюнуть любую другую. Потому что такого исхода событий нельзя найти нигде.

Они боялись друг за друга, боялись, что кто-то из них умрёт, и тогда вторая останется без неё. И к чему это привело? Одна из них действительно умерла, но вторую не оставила. Даже после смерти она готова была всегда держать её за руку и быть проводником. Даже после смерти она готова была всегда, всегда быть с ней. Что бы ни происходило. И будь Шарлотта на её месте, она бы поступила точно так же.

— Джейк уехал из Тэррифилда, зная, что теперь всё это точно начнётся. И он писал вам. Он говорил с вами. Правда, не всегда: по большей части вам угрожали они. И я была с ним в эти моменты. Наверное, мы вас слишком пугали, мы испоганили вам жизнь. Вот только мы пытались всё уладить. Сделать проще. У нас не получилось, знаю. Но мы правда старались.

— Верим, Хейлс, — ответила за всех нас Шарлотта — Верим.

Словно это они вдвоём сейчас разговаривали, словно это ей Коллинз раскрывала все тайны, всё объясняла. Словно нас тут не было. А мы втроём уже ёрзали на полу, не зная, что и сказать, и кидая друг на друга косые взгляды.

Мы знали, что среди нас находится как минимум один Магнит. И оставалось лишь дождаться подтверждения этого факта той, кто Магнитом нарёк одного из нас.

— А всё началось потому, что обряд провалился. То есть, всё могло быть по-другому. И тут нельзя даже сказать, было бы это более или мне кровопролитно. Это было бы просто-напросто по-другому. И ж о должно было случиться, так или иначе. В наказание за то, что я прервала обряд и разрушила их мечты о покушении на Тэррифилд, я была обязана выбрать следующий Магнит. А они тем временем разработали отличную схему. Везде, где бы ни появлялся Магнит, что-то да происходило. Вспомните: кладбище, школа, лес. Но самым забавным было то, что они желали всем сердцем одного. Они хотели, чтобы Магнитом была Чарли. И мне пришлось их обмануть. Я вела себя всё время так, будто бы это она всё и притягивала: не дала выехать ей из городу, заставила её убить Тобиаса, потому что мне приказали сделать так. Но всё время я была рядом с ней. Всё время. И Магнитом я назначила совсем не её.

Молчание. Гнетущее молчание, в котором хотелось кричать с вопросами: ну же? кто же? говори!

— Мне очень и очень стыдно, — медленно заговорила Хейли. — Мне очень и очень жаль. Я бы сказала, что убиться готова, но к сожалению, я уже мертва. — И выдержав паузу, она объявила: — Сидни, это ты.

Если бы я сейчас стоял, то точно бы обрушился на пол.

Слова Хейли прогремели, словно выстрел. Мы все посмотрели на Сид.

Она сидела, вытаращив глаза. Ногтями впила себе в ладони, сжав кулаки, но не для того, чтобы с кем-то драться, а... да просто так.

Ей было более, чем тяжело. Потому что она осознавала теперь довольно много вещей.

Во-первых, теперь стало понятно, что это был за сон. Вернее, почему он приснился именно ей.

Во-вторых, стало понятно, почему с ней случилось в бассейне то, что случилось. Почему даже будучи одна одинёшенька, с ней что-то да происходило.

В-третьих, ей было больно осознавать тот факт, что Хейлс буквально её предала, избрав её, а не кого-то другого.

В-четвёртых, ей было больно осознавать, что куча людей погубило из-за неё, просто потому, что она была рядом.

И в-пятых, она понимала, что ей грозит смерть. И не просто грозит — она дожидается её за углом.

Вот только одно совершенно не вписывалось в эту, казалось бы, такую продуманную схему. И даже не одно. Несколько смертей свершились без неё. Потому и не подходили в то поле действия.

Мистер Клаус. Кейси. Ал. Мистер Мэден.

Сидни не было на этот момент в классе, в школе. Она была в других местах. А значит, эти смерти произошли из-за того, что рядом был другой Магнит. Второй. И им тоже должен был быть кто-то из нас.

Я почувствовал, как живот скрутило, а в горле застрял какой-то тугой ком, давящий изнутри на всё. Потому что у меня начали зарождаться не самые весёлые подозрения.

— Кто второй? — выдавил я из себя вопрос. А сам осторожно взял Сидни за руку. И она не вырвалась.

— Любовь — самое жесткое, что мог придумать человек, — не стремясь ответить прямолинейно, уклончиво начала Хейли. — Любовь меняет мир. Во имя любви свершаются самые страшные и, наоборот, самые отважные поступки. Любовь меняет людей. До неузнаваемости. Они становятся похожими друг на друга. Не могут без друга не прожить ни минуты. Стараются оставить частицу себя друг в друге... — Она шумно вздохнула, глядя на меня. — Томас, неужели ты до сих пор не догадался, что второй Магнит — это ты?

Спустя какую-то короткую паузу я вскочил с места, к стене, ударил по ней кулаком, развернулся, прислонился к ней спиной, запрокинул голову назад. Закрыв глаза. Открыл глаза.

Вдох, выдох.

Томас, Томас, что же ты наделал. Почему ты вообще связался с Сидни? Не потому ли, что тебя к ней тянуло, словно... Магнитом? Не потому ли, что она сама тебя к себе притянула, хоть, может, и не осознанно?

Томас, Томас, ты Магнит. И у тебя есть все шансы на то, чтобы распрощаться с этой жизнью сегодня.

И такие же шансы есть у той, кто не один год считала тебя своей последней надеждой.

Кто должен был сегодня по праву отбросить коньки? Первый или второй? Может, здесь надо применить считалочку? Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, всё равно тебе водить. Мне — водить. А ей, что, — умирать?...

I look inside myself and see my heart is black.

— Я не верю, — прошептала Сидни. Она уже плакала. По щекам медленными ручейками начали сползать слёзы. Она смотрела на меня, словно ощущала себя безумно виноватой.

Я присел рядом с ней и крепко её обнял. Прижал к себе. И она задрожала в моих руках, словно птица, выбравшаяся из клетки.

— Мне очень жаль, — повторила Хейли.

— Спасибо тебе, — полушёпотом проговорила ей Чарли.

А мне её благодарить было не за что.

И вот мы здесь. На ответе на вопрос, который нас мучил всё это время. И что мы почувствовали, узнав ответ? Облегчение?

Нет.

Я почувствовал одно сплошное р а з о ч а р о в а н и е.

Дверь комнаты распахнулась. И внутрь вбежал тот, о ком так много говорилось, с кем мы так много говорили, и кто сбежал с обряда, как оказалось, лишь с благими намерениями.

Джейк. Парень Хейли.

Хейли ринулась к нему. В такие моменты даже нельзя было и подумать, что она — призрак. Казалось, что она вполне себе осязаемая. Живая.

— Джейк, нужно попытаться вывезти их из города, — с мольбой в голосе попросила она. — Как можно скорее.

— Магниты здесь? — спросил он. Потом увидел Чарли. — О, Лотти, здравствуй.

— Если тебе так нравятся сокращённые имена, то я Чарли! — тут же возмутилась она.

— О, дорогие мои, не время для ссор, — драматично произнесла Коллинз.

Шарлотта и Джейк переглянулись.

— Да мы и не ссоримся, — протянул он. — Так, привычка.

— Мы собрались выезжать из города? — наконец, подала изумлённый голос Бриджет. Хейли развернулась к ней.

— Да. Да, вас нужно срочно вывозить из Тэррифилда. Хотя бы на какое-то время. Потому что теперь с ним может случиться что угодно. А в особенности — с вами.

***

Хейли, разумеется, не стала садиться с нами в машину. Она сказала, что будет ждать нас за чертой. И исчезла.

Я уселся на заднее сиденье. По правую руку от меня расположилась Бри, по левую — Сидни, обомлевшая от ужаса, шока и всего остального вытекающего. Чарли выбрала себе переднее сиденье, рядом с водителем. Что ж, они-то хоть знали друг друга. Уж явно лучше, чем мы знали его. Чем он знал нас.

— Пристегнитесь, — посоветовал Джейк. — С дорогой уже что-то неладное — вся е кочках.

Сидни, подрагивая, запуталась в ремне, и я помог ей. Мы встретились взглядами. Она будто бы спрашивала меня: ты хоть что-то чувствуешь ко мне?

И я не мог ответить на это вопрос. В данный момент я чувствовал лишь то, что нам всем необходимо спастись. Как — это уже другой вопрос.

— Будь осторожен, — посоветовала Шарлотта. — У меня имеется печальный опыт сбежание из Тэррифилда.

— Это была Хейли, — невольно нервно засмеявшись, напомнил Джейк. — Это были цветочки.

Что ж, если это было цветочками, то что могло нас ожидать теперь?

Мы тронулись с места. Налегке, взяв лишь свои мобильные телефоны. Непонятно куда. Прочь. Из города, который пустел. Который сам себя казнил.

Сид прижалась к моей груди щекой. Ей было хорошо со мной. И я не мог позволить ей думать, что мне было плохо с ней. Не сегодня. Не сейчас. Не тогда, когда выяснилось, что мы с ней — два Магнита, которые притягивают к себе смерть.

Возможно, именно поэтому в Бри включались эти предчувствия. Потому что она дружилась с нами обоими и была рядом. Всегда.

И сейчас она сидела и смотрела в окно. На пролетающие мимо нас кофейни, домики, машины.

Я поверить не мог, что это вообще возможно. Что у нас не заклинило ничего в первые минуты пути.

Но одну вещь я уяснил для себя навсегда. Думать о плохом нельзя, если не хочешь, чтобы оно случилось.

В один прекрасный миг Джейк вдруг потерял управление, и автомобиль крутанулся на месте в обратную сторону. Чарли завизжала, а мы втроём были слишком уже напуганы всем на свете, чтобы визжать теперь.

— Что. Это. Такое. Было, — медленно поинтересовалась Боунс. Джейк развёл руками.

А в следующую секунду автомобиль вдруг понёсся по дороге. В сторону, которую я отлично знал. И уж не только я один.

Все мы знали тот лес. И нас везли туда. Нас вёз в лес родной город.

Всё закончится там, где и началось. Всё началось в лесу. Там всему и суждено было получить финал.

Вид за окнами сменялся с бешеной скоростью. И я даже предполагать не желал, с какой скоростью мы ехали. Зато теперь я знал точно: мы проигрывали.

Нам не удалось сбежать.

— Джейк, это нельзя...

— У меня не выходит!

Даже притормозить не выходило.

И у всех у нас началась паника. До тех пор, пока автомобиль не остановился. Дверцы его раскрылись, вываливая всех нас наружу. Мы покатались по траве вниз, к поляне. А автомобиль вдруг перевернулся вверх тормашками.

Листья и ветки неприятно царапали открытые участки кожи. И одежда уже вся была в земле. Я тут же вскочил и посмотрел на остальных. Они тоже встали с травы, отряхиваясь. Сидни умудрилась при всей своей разбитости не утратить тягу к тому, чтобы всегда стараться выглядеть сногшибательно, а потому лицо её исказилось в гримасе ужаса, когда она увидела, что брюки теперь были у неё все испачканы. Бриджет лишь провела рукой по волосам. Чарли встала с помощью Джейка, но тут же кинула на него взгляд, полный неприязни, и отскочила.

Конечно, ей было за что его недолюбливать. Он был NightWolf'ом. Какую бы сторону он сейчас ни принял, он всё равно был тем, кто ввёл Хейлс в этот мир. Если бы не он, то...

А хотя что бы было? Если это проклятье города, никак с ним лично не связанное? Ничего бы не было. История бы была такой же. Просто какие-нибудь детали были бы другими. Например, не мы с Сидни были бы Магнитами, а, например, Хейли с Джейком. Почему нет?

Мы пробрались сквозь ветви деревьев и кусты и вышли на поляну. На ту самую, где в своё время прошёл шабаш. На ту самую, где в своё время вдруг появилась хижина.

И хижина стояла здесь и сегодня.

Я поймал взгляд Бриджет, который просто кричал: да что здесь происходит!

И с этим криком души я не мог не согласиться.

Мы подошли ближе.

— Тут же не было домов никаких, — вставил свои пять копеек Джейк.

— Уж ты-то мог и знать, что она здесь появляется иногда, — заявила Шарлотта, отворяя дверь и заходя внутрь, зови нас за собой.

Мы зашли в уже знакомое место. Правда, выглядело оно отнюдь не знакомым.

Словно это была совершенно другая хижина. Не та, в которой были мы раньше.

Он была гигантской. Как тогда, на кладбище в домике. Та же самая ситуация. Просто гипертрофированное пространство в очень маленьком помещении.

Джейк разинул рот от изумления. А мы уже никак не реагировали. Ведь мы с этим были знакомы. Ой как хорошо знакомы.

— Она внутри больше, чем снаружи, — проговорил он, озираясь по сторонам.

— Ну что ты как новый спутник Доктора в ТАРДИС'е, неужели это та-ак уж удивительно? — саркастичным тоном поддела его Чарли.

Да, эти двое явно нашли общий язык. Жаль, мне он был неизвестен. Нет, «Доктора Кто» я знаю, уважаю, смотрю, слежу за ним, на худой конец. Но так просто говорить с Джейком у меня не получалось.

А хотелось ли? А нужно ли мне это было?

Вдруг пространство начало меняться прямо у нас на глазах. Стены поплыли, расширяясь, потолок полез вверх. А я почувствовал приступ ликом ненависти.

Какого чёрта мы торчали здесь? Почему нельзя было всё это разрулить давным-давно? Если эта мёртвая подружка Шарлотты всё знала, почему не говорила, почему молчала? Разве это так весело — всё, чёрт бы её подрал, скрывать?

Я не знаю, как так вышло. Но мы с Сидни оказались одни в отдельной комнате.

Воцарилась мрачная тишина.

Мы смотрели друг на друга.

И я чувствовал, как что-то у меня внутри закипало. Медленно, но верно.

— Почему ты мне не сказала? — не своим голосом спросил я. Как-то нахально даже.

Сидни распахнула свои и без того большие глаза от изумления.

— Ты действительно считаешь, что я знала, что я — Магнит? — ошарашено спросила она.

— Я уже не знаю, кому я могу доверять, — прохладно отвечал я.

И перед глазами всё поплыло, как в калейдоскопе. Я повернулся корпусом, надеясь, что хоть там спокойно, за спиной, но нет: везде всё менялось. Разбиваясь на тысячи маленьких осколков.

Бриджет закричала. Этот крик я мог узнать из тысячи других. Я в панике побежал, хотя бежать-то было некуда.

Сидни сзади уже не было. Она просто пропала.

Я зажмурился. Раз, два, три, четыре, пять. Шесть, семь, восемь.

Девять.

Десять.

Открываю глаза, бегу вперёд, не заботясь о том, что у меня впереди. Впереди — пустота, позади — тоже. Но я делаю прыжок в длину и...

Оказываюсь в лесу. На поляне. Рядом с Бри.

— Ты кричала? — громко спрашиваю я её, подползая к ней. — С тобой всё в порядке?

— Да, всё в порядке, — посмешила она заверить меня. Мы огляделись.

Кроме нас здесь не было никого. Значит, они всё ещё были в хижине. Или же их тоже выбросило вот так куда-нибудь в лес.

Стало ужасно неловко за Сидни. Я в очередной раз причинил ей боль.

— Двенадцать мёртвых, — механично вспомнил я и похолодел. Посмотрел на Моррисон. Та закусила губу.

— Не двенадцать, — вдруг громыхнул чей-то голос где-то над нами. Мы вмиг подняли головы наверх, чтобы увидеть, кто с нами говорил.

Пусто. Никого не было над нами, кто мог бы с нами говорить.

— Почему не двенадцать? — фыркнул я. — Как раз осталось три человека. Оставьте двух из нас пяти в живых. Хороший финал. Разве, чёрт побери, не так?!

Последние слова я уже откровенно орал. Потому что эмоции выплёскивались именно в крик.

— А разве ты не задумывался о том, Сайфер, что вы с Бриджет должны были умереть ещё на кладбище? Но вы спасли друг другу жизни. И вы живы. Но вы и есть те два человека, которые должны были по плану погибнуть.

Голос был совершенно незнаком. И не исправлен никакими программами. Чистый юношеский голос, явно обладающий даром диктора.

Слова его повергли нас в... не знаю, во что.

Просто пазл складывался на наших глазах.

Так вот оно что. Вот как всё должно закончиться.

Смертью Сидни.

— Где Сид? — чуть не взревел я, вскочив на ноги.

— А ты уверен, что ты задаёшь правильный вопрос? — с насмешкой раздалось в ответ. — Уверен, что тебе действительно интересно, где Сид, а не где Чарли или как себя чувствует Бри?

— Заткнись и ответь мне на вопрос, — процедил я сквозь зубы. — Где. Сидни. Грин?

Вдруг раздался хлопок. Мы посмотрели назад.

Хижина исчезла. На её месте — продолжение поляны. На поляне — Сидни, Чарли и Джейк. Стоят. Словно яд и не живые. Так, механизмы заводные.

И их было трое. И это не давало мне покоя.

— А что самое весёлое, так это то, что ожидает вас впереди, — продолжал голос.

Мы с Бриджет подбежали к нашим друзьям. Они были холодны, как лёд. Мы стали кричать им в лицо их имена, растирать им щёки, руки, всё. Они были ледышками. И было видно — это не куклы, не машины. Это они. Наши.

— Так что ждёт впереди? — разъярённо вскрикнула Бри. — Что? Давай, расскажи, поведай нам эту тайну, нам так не терпится её, наконец, разузнать!

Ещё никогда я не видел, чтобы она до такой степени выводилась из себя. Ею просто овладевало бешенство.

И это было очень кстати.

— Вы всё забудете, — просто пояснил голос. — Все, кто умер, будут забыты. Вы забудете все эти ужасы. Вы просто будете жить своей жизнью, как жили до этого. И всё у вас будет прекрасно, ведь мы будем за вами следить.

Я прямо представил себе, как говоривший растянул свои губы в самодовольной улыбке.

Я в панике посмотрел на Сидни. Чарли. Джейка.

Они были мертвы? Вполне вероятно. Ведь они были ледяными-преледяными.

Хотя какой чёрт теперь дал бы умереть Чарли Боунс? Нет, она точно жива. Я подошёл к ней, взял её лицо в ладони. Посмотрел прямо ей в глаза.

Но они были поразительно пусты.

В них не было жизни.

А во мне уже не было слёз.

— И каким же образом мы всё забудем? — спросил я.

— Самым простым. Весь город всё забудет. Исчезнут дома погибших, могилы, все телки, так или иначе о них напоминающие. Всё пропадёте и не вернётся. Зато теперь у вас будет спокойная жизнь. Вас больше никто не захочет убить. Вокруг вас не будут гибнуть люди.

— Лжёшь, — процедила Бри, стоя возле Сидни. Держа её за руку.

— Не вру. И мы ведь это сделаем. Что, готовы проститься и с ними, и с собой?

Я быстро схватил Бриджет за руку и чуть не отдёнул её.

Она тоже была ледяная. В ужасе я посмотрел на её лицо. Оно всё ещё было живым.

— Ты тоже ледяной, — прошептала она мне еле слышно. Я горько усмехнулся.

— Пять, — начался обратный отсчёт. — Четыре.

Сидни упала. Бри вскрикнула от неожиданности, опустилась на землю рядом с ней. Начала звать её, но та не откликнулась.

— Три.

Чарли и Джейк не двигались. Как бы я не двигался вокруг них, они меня в упор не видели. А видели ли они вообще хоть кого-нибудь?

— Два.

Я снова посмотрел на Бриджет. Той овладел полнейший испуг. Она не понимала, что делать. И я... я не понимал это тоже.

— Не забывай меня, — дрогнувшим голосом тихо взмолилась она.

— И ты меня, — вторил я ей в ответ.

Посмотрел на небо. Оно было чёрное-чёрное, покрытое глубокими тучами.

— Один.

Последний взгляд. На друзей. На окружающий тебя мир. На собственные руки. Жале только, что не на себя.

Тут под землёй что-то затряслось. И раздался взрыв. Земля ошметками полетела вверх, мы — вместе с ней. Живые, мёртвые — вместе. В воздухе словно задержались. И сердца в эти мгновения не стучали у всех.

Потом мы обрушились обратно на землю. Удар смягчила куча преждевременно пожелтевших листьев.

Я закрыл глаза. И слушал собственное биение сердце.

А в следующую секунду...

Когда я открыл глаза в следующую секунду, то совершенно не понял, что же я делал в лесу в такое время суток. Мне ведь надо было уроки делать. Фильмы смотреть, сериалы.

Наверное, это один большой сон, подумал я. И снова закрыл глаза.

Рано или поздно он всё равно закончится. Ведь все, абсолютно все сны когда-нибудь да заканчиваются. Тем более, если этот сон — это целая жизнь.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Если вы дошли до этой страницы, то, наверное, сперва следует выразить благодарность Вселенной за то, что мы все ещё живы и в нашу планету до сих пор не возвращался метеорит.

Если говорить серьёзно, то поверить в то, что мы с вами дошли до финала, я не могу. Это был долгий путь. Ровно девять месяцев мы шли к этому. И вот что у нас родилось.

«Магнит» никогда не был чем-то серьёзным. Изначально здесь должен был быть совершенно другой сюжет, из героев были лишь Чарли, Томас и Хейли, причём Хейли, прошу заметить, живая. И место действия другое. Всё другое.

А получилось всё совсем по-другому.

«Магнит» был экспериментом. Можно сказать, на нём я училась писать большие главы. На нём я училась писать от лица парнишки. На нём я вообще училась писать от первого лица, писать о чём-то странном, непонятном, загадочном. И в итоге я дописалась до того, что полюбила персонажей. Шарлотту, Бриджет, Томаса, Сидни. Все они запомнились мне чем-то своим. В ком-то из них я порой видела и саму себя.

Они стали мне родными. Пусть они и были плодами чистого эксперимента.

Спасибо вам за то, что заехали вместе со мной в один маленький несуществующий городок под названием Тэррифилд, в котором живут обычные подростки с типичными проблемами, но на чьи головы свалилось то, что не свалится на голову обычному человеку. Вы переживали за них, прощались с некоторыми из них, радовались, когда до других не доходила очередь на кровавом пиру. Вы гадали, кто же является Магнитом. Вы наверняка удивились, узнав правду. По крайней мере, я на это надеюсь.

Что ждёт выживших персонажей после такого финала, спросите вы? И кого из них вообще можно считать за выживших?

А я вам отвечу: ждите «Дримтаун». Сиквел «Магнита», вторая книга из серии «Тэррифилд». Мы вернёмся в этот город. Познакомимся с новыми персонажами. Встретим некоторых старых.

И постараемся разобраться: во что же превратился Тэррифилд, когда Магниты разоблачены?

И вот мы здесь. На последней странице. В первой книге об этом небольшом городе с большими проблемами.

И мы вернёмся. Мы обязательно вернёмся. Обещаю.

Только и вы обещайте, что не бросите меня.

Хотя... Можете не обещать. Я же и так верю, и так это знаю: не бросите.

Не прощающаяся с вами надолго

Таня Фрей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net